

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АН СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
Московский ордена Дружбы народов
государственный педагогический институт
иностранных языков имени Мориса Тореза

Ф О Н Е Т И К А - 83
МАТЕРИАЛЫ
К X МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ
ФОНЕТИЧЕСКИХ НАУК
(август 1983 год, Утрехт, Нидерланды)

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА АН СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

МОСКОВСКИЙ ордена ДРУЖБЫ НАРОДОВ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
ИМЕНИ МОРИСА ТОРЕЗА

ФОНЕТИКА — 83

Материалы к X Международному конгрессу
фонетических наук
(август 1983 год, Утрехт, Нидерланды)

Москва — 1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКТИВА

Г.В. СТЕПАНОВ (ответственный редактор)

Т.М. НИКОЛАЕВА

И.Г. ТОРСУЕВА

Д.А. ШАХБАТОВА

FOREWORD

The present collection of papers has been arranged for the 10th International Congress of Phonetic Sciences to be held in Utrecht, Netherland, in August 1983. The papers cover different theoretical frameworks by scholars belonging to different trends and schools of Soviet Linguistics. Theoretical perspectives as well as partial investigations presented in this collection are devoted to a wide scope of problems of modern phonology, the normative and other aspects of phonetic systems of different languages and their functioning, and prosody.

Among the problems devoted to the theoretical aspects of phonological descriptions one (L.V.Bondarko) is devoted to general principles of modelling the phonetic aspect of the language in phonology. In her paper L.V.Bondarko discusses two different approaches to the formation of a phonological system: the classical linguistic approach, based on the analysis of meaning differentiating appositions, and an approach in which the speakers' speech habits are considered. The findings support the idea that for the speakers of a language, the position of a vowel in the phonemic system is determined not only (and not exclusively) by possible oppositions, but also by the extent to which it alternates with other phonemes, by the frequency of occurrence in speech, and by the realization of its potential to be an exponent of linguistic meaning.

A number of papers are devoted to one of the most challenging problems in the present day phonology - the problem of determining and describing the units of subphonemic level, their linguistic status and substance of realization

Thus, L.E.Kalnin discusses the role of neutralization in determining phonological oppositions. The author suggests that phonetic difference between dental and palatal consonants in Slavic languages should be defined as a phonological opposition based on hard (non-palatalized) vs soft (palatalized) feature if this difference is positionally neutralized.

In his paper G.S.Klichkov analyses the basis of hierarchic classification of phonological features. The author introduces the so-called feature of "turbulence" that will make it possible to avoid certain cases of incongruity in the distribution of English phonemes and will help to determine marked vs unmarked features.

Contrary to the standard opinion of most phonetists that c o o r d i n a t i o n a l principle is the basis of vowel articulation V.M.Nadelyayev in his paper chooses v e c t o r i a l principle which takes into consideration the direction of the tongue's active part movement and the degree of its nearness to a certain part of the palate.

The analysis of wide experimental data makes it possible to introduce considerable modifications into the articulatory classification of vowels by L.V.Shcherba: one more main zone (the central-back) is added which is formed by the intermediate part (Nadelyayev's term) of the tongue; certain modifications are also introduced into the definition of the tongue raising when vowels of the mixed zone are produced.

His paper "On the system of Romanian kinakemes" V.Y.Plotkin devotes to the ultimate phonemic constituents which are designated as kinakemes. They share the fundamental properties

of all language units and are therefore included into language-specific paradigmatic and syntagmatic systems; they are capable of carrying semantic loads. In the vocalic subsystem of Romanian kinakemes the author determines a very ordinary modal category with three degrees of tongue raising and a very complex and specific locational category with two kinakemic oppositions of timbre, whose kinakemes of front palatalized and of back labialized form four timbre series, including the two corresponding series, one series with two negative kinakemes and one with both positive kinakemes. The result is a 12-phoneme vocalic system with /i/, /e/, /ea/, /i̯/, /ä/, /a/, /u/, /o/, /oa/, /iu/, /io/, /eo/. In the consonantal subsystem the modal category has a very ordinary structure; in the locational category the author registers the kinakemic opposition of passive post-centrality, i.e. postdentality, whose positive kinakeme enters the phonemes /k'/, /g'/, /š/, /ž/, /tš/, /dž/.

A closely related problem is discussed by Ts.A.Gventadze, who aims at studying the phonetic evolution in Roman languages. According to the author elements of the phonetic system may have various degrees of stability which can be defined by a number of criteria: (1) phonological, which was formulated by A.Martinet who claimed that elements of the phonetic system are preserved in a language if they are functionally loaded, i.e. if there is a necessity for a phonological opposition; (2) phonetic, which is based on the phenomenon of diaphonic variation. Sound elements are preserved when the degree of diaphonic variation is minimal. The third criterion may be called phonotactic and has been least investigated. It is based on the

phenomenon of allophonic variation, the characteristic arrangement of phonological items in sequence and their possible co-occurrence. An example of this is provided by the word-initial biphonemic complexes [br], [fr], [tr], [gr] in French, Spanish and Italian. Their phonetic substance has changed while the phonotactic pattern remains intact. The author concludes that in analyzing the degree of stability of a phonological element in the system one should take into consideration all the three criteria.

A similar problem, i.e. the evolution of consonant phonemes and their features in the Qumandy dialect of the Altai language, is taken up by I.J.Selutina. Experimental investigation of modern Qumandy consonantism shows that the main constitutively-differential features which structured the Qumandy consonantal subsystem are noisiness/little noisiness (sonority), shortness/ length/ and indefinite length.

The latest findings and points of view on the dynamics in pronunciation norms are discussed by L.A.Verbitskaya. The author considers the problem from the point of view of interrelation between the phonological system and the pronunciation norms. A phonemic system included not only the inventory of phonemes, but also the distribution of phonemes, their alternations, functions, and phonemic combinations. Variation within the system is limited by the norms. Pronunciation norms can change either within the limitation of a system or as a result of changes internal to the system. The influence of orthography can hardly be considered a major factor that affects changes in the pronunciation norms.

J.A.Shakhbagova in her paper gives a general outline of the status of norm in the national varieties of English pronunciation. The author analyses the interrelation between the pronouncing norm and the norm of the literary language; the status of the pronouncing norm in the system of a given variety of the English language, the type of pronouncing norm and the number of pronouncing norms in the system of national varieties of the English language.

Quite a few papers are devoted to different problems of non-segmental phonology and among them are the problems of intonation (T.M.Nickolayeva, N.D.Svetozarova), the genesis of the emotional expressiveness in the speech of children (E.N.Vinarskaya), rhythm and tempo (A.M.Antipova, O.F.Krivnova), and also problems of speech perception in relation to tempo (V.B.Kasevich and E.M.Shabel'nikova), the dynamics of the phonetic structure of words (A.M.Makmydov), and finally a new problem which centres around the linguistic aspect of speech - phonosemantics (S.Voronin).

T.M.Nickolayeva devotes her paper to discussing the problem of separating the phonetic and morphophonological aspects of studying intonation.

The investigation of Russian sentence intonation by N.D.Svetozarova shows, that the intonation system of a language is a complex system of various types of units corresponding to different functions of intonation and closely connected with the non-intonational means of the language. On the one hand the intonation system comprises units functioning mainly syntagmatically, and on the other hand, units functioning

mainly paradigmatically. These units differ both in sets of their prosodic features and the structure of the intonation contour. The author singles out not only two aspects of their functioning -syntagmatic vs paradigmatic - but also different types (groups) of units: those which correlate with communicative and emotive types of utterances; those which correspond with the syntactic relations between the utterance and its parts, and those which express the semantic importance of words in the utterance.

In her paper E.N.Vinarskaya sets out to determine three types of means of emotional expressiveness: biological, extra-linguistic and linguistic signs.

Non-linguistic means of emotional expressiveness are in the author's opinion of sign nature, of mimics and gestures as well as of situational complexes and of tamper components. The tamper components are actively formed during the pre-language period of early childhood by way of putting the inborn vocal reactions of the infant to social use. The agglomeration of emotionally expressive signs has its proper hierarchy and national modalities as regards its form and contents. Later emotionally expressive tamper complexes of sign nature form the phonetic characteristics of linguistic signs. In the speech of adults emotionally expressive signs perform two functions: transmitting emotional meaning and playing the linguo-functional role; the former of the two being more ancient from the point of view of their evolution, and the latter - being acquired later.

In her paper devoted to the rhythmical organization of

speech A.M. Antipova defines alternation as a particular case of periodicity of contrasted elements which in their turn form a hierarchic system. Rhythm thus is defined as periodicity of similar and commensurable units which form a system built up according to an hierarchic principle.

O.F. Krivnova's paper presents an experimental study of temporal dynamics. The present investigation shows that temporal decrement by the end of syntagma is normative for Russian speech, this phenomenon being realised in the framework of the model: fast tempo (for a given speaker) of pronouncing words in non-final positions, normal tempo - in final position.

Generalising the results the author concludes that in non-final positions the effect of temporal non-compressibility is most clearly marked, and the durations of stressed and unstressed vowels are approaching their critical values which provide for the preservation of information on a word's rhythmic pattern and its stressed vowel quality.

The paper presented by V.B. Kasevich and E.M. Shabelnikova describes the results of an experimental study of tempo, rhythm and the choice of strategy in speech perception. The authors conclude that the rate of speech contributes greatly to the choice of strategy in speech perception: the faster the tempo, the larger must be basic units into which the hearer breaks down the speech chain perceived to cope with the speaker's quickening pace. Phonological features of such larger units (words, phrases, clauses) are mostly prosodic in nature, tempo-rhythmical pattern being one of them. In the experiment, the fast tempo forces the hearer to resort to operating with some large-scale speech units (say, phrases),

phonologically characterizable first of all in terms of their prosodic features. At the same time, the necessary prosodic information is poorly available due to the distorted rhythmic pattern. The natural result is a significant decrease in intelligibility which otherwise seems difficult to account for.

The paper by A.Makhmudov is devoted to the phonetic structure of the word in literary Uzbek. The study of the phonetic system of Uzbek shows that in literary Uzbek the sound compounding role belongs to the accent. In Uzbek consonant clusters may be located not only in the middle of the word but also at the beginning. This is a newly developed feature in modern Uzbek. In the paper the author also analyses principles of syllable formation and syllable division in modern Uzbek.

The investigation carried out by S.V.Voronin outlines a universal classification of onomatopoeic words proposed by the author within the framework of the newly emergent science of phonosemantics and based on a (psycho)acoustic classification of sounds designated.

One of the chief phonosemantic universals is found to be as follows: in any language there are three classes and two hyperclasses of onomatopes. As to their types, the number varies from language to language. Far from being a chaotic jumble of linguistic elements, onomatopes form a subsystem subordinate to the imitative system of language.

ЧЕРЕДОВАНИЕ КАК ФОРМА РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧИ

В настоящей работе чередование рассматривается как частный случай периодичности, а ритм определяется как периодичность сходных и соизмеримых явлений.

Автору данных строк известно около ста определений ритма. Надо полагать, их существует гораздо больше. Одни определения исходят из специфики языковой материи (Пешковский, 1925:153; Тимофеев, 1933:72; Всеволодский-Гернгросс, 1922:104), другие подчеркивают всеобщий характер ритма (Теплов, 1961:204; Вант 1952:212; Инведанп, 1956:15). Много сказано о ритме художественных произведений и особенно стихотворных (Мейлах, 1974:7; Фортуна-тов, 1974:178, Белый, 1910:255). Многочисленность и разнообразие определений ритма объясняется сложностью и глобальностью самого явления.

Все исследователи ритма трактуют его как форму упорядоченного движения. Э.Бенвенист (1974) показал историю становления понятия "ритм". Потребовались длительные размышления о строении вещей, затем теория меры и в применении к фигурам танца и к модуляциям голоса, пока, наконец, не был раскрыт принцип упорядоченного движения – периодичность явлений во времени и пространстве.

Понимание ритма как периодичности соизмеримых явлений представляется наиболее типичным и проходит красной нитью не только через определения языкового ритма, но и других типов ритма (биологического, механического, социального и др.).

Часто встречаются определения, которые трактуют ритм как

чередование соизмеримых явлений (такие определения характерны для учебников по фонетике английского языка). На этом вопросе нам и хотелось бы остановиться.

Всегда ли речевой ритм представляет собой чередование явлений? Какие языковые явления чередуются? Что воспринимается как периодически повторяющееся явление? В своих рассуждениях мы будем опираться на материал английского языка (британский вариант).

В потоке речи могут чередоваться различные сегменты: звуки, слоги, синтагмы, фразы, сверхфразовые единства. В стихе, добавим, — строки и строфы (периоды). Чередующиеся элементы противопоставлены обычно по одному признаку. Например, на уровне сегментных звуков противопоставление может осуществляться по линии наличия или отсутствия преграды, то есть чередуются гласные и согласные, или контрастов долготы (краткий—долгий), или противопоставления единичного звука и группы звуков.

В английском языке четкого чередования гласных и согласных, или долгих и кратких гласных, или каких-либо других чередований не наблюдается, поскольку для английского языка характерна сложная слоговая организация, то есть встречаются как открытые, так и закрытые слоги, прикрытые и неприкрытые; разнообразны сочетания согласных в слоговых инициалах и финалих. Однако четкие звуковые чередования могут возникать эпизодически и чаще это явление используется в поэзии как выразительное средство.

В языках с однотипной слоговой структурой (СГ) слог образует более четкую периодичность. Иными словами слог является ритмической единицей. Интересно, что в детской речи обнаруживается тенденция к употреблению открытых слогов и, следовательно, ярче проявляется тенденция к слогосчитающему ритму.

На уровне слога в основе чередования в акцентных языках лежит принцип выделенности, то есть чередуются ударные и безударные слоги. В английском языке чередование слогов носит более регулярный характер, особенно это явление ярко прослеживается в метрическом стихе.

Противопоставление слогов происходит по одному признаку: выделенный-невыделенный. Звуковой состав слогов и тип слога, как правило, варьируют. Ударный и безударный (безударные) слоги образуют единства, которые периодически поосторятся. Этим единством является ритмическая группа (такт), которая часто совпадает со словами или словосочетанием. Английский язык относят к числу так называемых тактосчитающих языков, и ритмическая группа является базовой ритмической единицей в том смысле, что она характерна как для прозы, так и стиха.

Ритмическая группа обладает соизм римостью, которая наиболее четко прослеживается в прозе. На первый взгляд это кажется противоречивым потому, что в стихе (метрическом) количество безударных слогов между ударными более упорядочено, чем в прозе. По-видимому, упорядоченность безударных слогов, которая придает ритмической группе качественную схожесть, и их временная соизмеримость находятся в компенсаторных отношениях. Это явление прослеживается и на других ритмических единицах (об этом ниже).

Следующим по величине речевым сегментом является синтагма, за ней следует фраза и сверхфразовое единство. Перечисленные сегменты могут чередоваться только с паузой. Здесь контрастирующим признаком является наличие или отсутствие фонации. Перечисленные выше сегменты ведут себя по-разному в этом аспекте. Как известно, синтагмы не всегда отделяются друг от друга паузами.

Следовательно, чередование фонации и паузы на этом уровне не является обязательным.

Фраза чаще чередуется с паузой, чем синтагма, но также не во всех случаях. Сверхфразовые же единства в подавляющем большинстве случаев чередуются с паузой. Если текст длинный и сложный (например, текст пьес), в нем можно выделить сверхфразовые единства нескольких категорий (по величине и сложности).

С увеличением объема и сложности сверхфразового единства усиливается тенденция к четкому чередованию сверхфразовых единств с паузой, длительность которой возрастает с увеличением объема сверхфразового единства.

Синтагма в английском языке четко оформляется как единица лексико-синтаксическими и просодическими средствами. В случае лексических повторов и синтаксических параллелизмов просодические свойства обнаруживают значительное сходство. Если лексико-синтаксические средства варьируют, сходность просодического оформления во многом остается: начало синтагмы обычно характеризуется тональным и силовым максимумом, конец — тональным и силовым минимумом. Замедление темпа обнаруживается в маргинальных частях. Мелодический контур носит нисходящий характер (часто заканчивается нисходящим тоном) и как бы охватывает синтагму в целом. Количество ударений варьирует обычно в пределах двух-четырех. Длительность синтагмы не превышает 2-3 секунды. Синтагма легко воспринимается как целостная единица, и в силу просодической схожести как периодическая, то есть ритмическая единица.

Сверхфразовое единство как целостная единица оформляется теми же просодическими средствами, но количество признаков в каждом отдельном сверхфразовом единстве уменьшается. Тенденция же

к изохронности возрастает. Напомним, что сверхфразовые единства, как правило, чередуются с паузами, образуя комплекс сверхфразовое единство плюс пауза, который периодически повторяется. Чем сильнее тенденция к изохронности между упомянутыми комплексами, тем четче ритм, формируемый сверхфразовым единством. Следует заметить, что на этом уровне паузы часто выполняют выравнивающую функцию, то есть за более длинным сверхфразовым единством следует более короткая пауза и наоборот.

Фраза занимает промежуточное положение между синтагмой и сверхфразовым единством. Фраза может совпадать с синтагмой (односинтагменная фраза) и сверхфразовым единством (моносинтагменная фраза). В этом случае фраза как ритмическая единица ничем не отличается от синтагмы или сверхфразового единства. Если фраза не совпадает с синтагмой или сверхфразовым единством, то она обычно вариативна по длительности и количеству просодических признаков, оформляющих фразу, больше количества признаков, оформляющих сверхфразовое единство, но меньше тех, которые оформляют синтагму.

Фраза чаще чередуется с паузой, чем синтагма и реже, чем сверхфразовое единство. Иными словами, фраза занимает некое промежуточное положение. Значительная временная вариативность, довольно слабое по четкости и сходности просодическое оформление затрудняет в большинстве случаев восприятие фразы как ритмической единицы. Эту роль фраза выполняет лишь эпизодически.

В диалогической речи к упомянутым выше уровням чередования можно добавить еще и чередование реплик. Следует отметить, что пары реплик часто образуют смысловые единства; особенно это ярко проявляется в вопросно-ответных единствах. Если пары чередующих-

ся реплик более или менее соизмеримы, то они воспринимаются как периодические единицы. Контрастирующим признаком на этом уровне является смена голосов говорящих, если диалог воспринимается со стороны, для самих же говорящих контрастирующим признаком является наличие или отсутствие речевой деятельности.

Из сказанного следует, что при чередовании явлений периодический ряд образуется комплексом (чаще в два элемента) контрастирующих явлений. В тех случаях, когда наблюдается четкая система чередования, главную роль регулятора ритма выполняет время, точнее изохронность. Если контрастирующие явления (обычно два) образуют соизмеримый комплекс, то они воспринимаются как периодические, следовательно, выполняют функцию ритмических единиц.

Если чередование контрастирующих явлений выражено слабо и не носит регулярного характера (как в случае с синтагмой), то значительно возрастает роль акцентно-мелодических характеристик, оформляющих синтагмы как сходные единицы. Даже при значительной временной вариативности синтагма воспринимается как периодическая единица.

Так, при восприятии явлений как периодических важную роль играют два фактора: временная соизмеримость (изохронность) и качественная сходность.

Временная соизмеримость выступает на первый план при наличии контрастирующих явлений (чередования). И это понятно, потому что контрастирующие явления в силу противопоставленности элементов комплекса легче воспринимаются как качественно сходные. Поэтому наличие изохронности обеспечивает восприятие такого комплекса как периодического.

Если нет четко выраженного чередования, то есть контрасти-

рущего комплекса, то необходимо обеспечить качественную сходность речевого сегмента другими средствами. И эту роль прежде всего выполняют акцентно-мелодические характеристики. Чем ярче выражена качественная сходность речевого сегмента, тем вариативнее временные характеристики. Следовательно, языковые средства, формирующие качественную сходность речевого сегмента, и временная сходность находятся в компенсаторных отношениях.

Напомним, что основными условиями формирования ритмических единиц является сходность и соизмеримость периодических явлений. В любом конкретном языке теоретически любой речевой сегмент при наличии названных условий может выполнять роль ритмической единицы. Но это не означает, что все языки в одинаковой степени используют эту возможность. Языковая система конкретного языка во многом определяет систему ведущих ритмических единиц, их специфика определяется спецификой лексико-синтаксической и просодической системами данного языка.

Так, например, в английском языке минимальной базовой ритмической единицей является ритмическая группа. Базовой в том смысле, что она широко используется во всех видах речевой деятельности. В японском и испанском языках минимальной базовой ритмической единицей является слог. Отсюда и возникло деление языков на тактосчитающие и слогосчитающие. Это, однако, не означает, что в тактосчитающих языках слог не может стать ритмической единицей, но это явление носит эпизодический характер и чаще используется как художественный прием (обычно в поэзии). То же самое можно сказать и о ритмической группе в слогосчитающих языках.

В английском языке в прозе роль ритмических единиц более высокого порядка обычно выполняют синтагма и сверхфразовое един-

ство, в стихе - строка и строфа (период). В диалогической прозе следует выделить еще и реплику, которая часто выполняет роль ритмической единицы, особенно в маргинальных (фатических) частях диалога.

Ритмическая организация речи представляет собой сложную систему, построенную по иерархическому принципу (меньшие ритмические единицы входят в большие). Несколько особое место в этой иерархии принадлежит реплике, поскольку она может совпадать с любой другой ритмической единицей (смысловой или несмысловой), охватывать несколько законченных смысловых единиц или часть смысловых единиц (в случае, когда говорящего перебили или произошла накладка реплик).

Из сказанного следует, что ритм есть периодичность сходных и соизмеримых единиц, которые образуют систему, построенную по иерархическому принципу. Чередование можно трактовать как частный случай периодичности контрастирующих (противопоставленных) элементов, которые тоже образуют иерархическую систему. При чередовании периодическое явление образуется группой (чаще два) контрастирующих элементов. Данный комплекс в силу контраста его элементов легко воспринимается как сходный. Регулятором ритма здесь является время, точнее соизмеримость во времени. С увеличением изохронности усиливается четкость ритма. Четкость ритма увеличивается не только за счет усиления изохронности, но и четкости в самом чередовании, то есть насколько последовательно происходит смена контрастирующих элементов.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Бенвенист Э. Понятие "ритм" в его языковом выражении. - В кн.: Общая лингвистика. М., 1974.

2. Белый А. Символизм. Книга статей. М., 1910.
3. Всеволодский-Гернгросс В.И. Теория русской речевой интонации. Петербург, 1922. ;
4. Мейлах Б.С. Проблемы ритма, пространства и времени в комплексном изучении творчества. - В сб.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.
5. Пешковский А.М. Стихи и проза с лингвистической точки зрения. Сборник статей, Л.-М., 1925.
6. Теплов Б.И. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
7. Тимофеев Л.И. Теория стиха. М., 1939.
8. Фортунатов Н.М. Ритм художественной прозы. - В сб.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.
9. Baum P. The other harmony of prose. An essay in English prose rhythm. Durham, 1952.
10. Unbegaun B.O. Russian versification. Oxford. 1956.

О РАЗНЫХ СПОСОБАХ ПОСТРОЕНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Будем понимать под фонологической моделью языка такое описание единиц звукового уровня, которое дает представление о количестве этих единиц, их существенных (функциональных) признаках и о типе зависимости этих единиц от единиц более высоких уровней языковой системы — морфологического, синтаксического, лексического, смыслового. Почти все известные лингвистам подходы к этому описанию базируются на следующих основных принципах: число звуковых единиц должно быть минимальным, но обеспечивающим различение значимых единиц языка; существенными (релевантными) признаками этих единиц являются такие, которые не зависят от фонетической позиции; что же касается типа связи между единицами звукового уровня и единицами более высоких уровней, то наиболее распространенным является признание полной подчиненности первых вторым: неразличение морфем, связанное с позиционными изменениями фонем, трактуется чаще всего не как результат изменений на собственно фонемном уровне, но как следствие того, что звуковой "вид" фонемы полностью определяется ее позицией в морфеме.

Построенная на таких исходных принципах модель фонологической системы языка часто является довольно абстрактной с точки зрения тех речевых процессов, на материале которых эта модель строится. Именно поэтому фонологические модели (даже если они не игнорируют полностью фонетических явлений) являются скорее констатирующими некоторое состояние, а не объясняющими звуковые процессы (Lindholm, 1961). Обращение к речевому поведению чело-

века заставляет исследователей скептически относиться к основным предпосылкам "классического" фонологического описания. Обнаруживается, что носитель языка различает и использует в своей речевой деятельности большее количество звуковых единиц, чем это требуется; что в качестве полезных признаков могут выступать не те свойства, которые не зависят от фонетической позиции, а изменено комбинаторно или позиционно обусловленные характеристики; оказывается также, что единицы звукового уровня, с одной стороны, как бы полностью подчинены более высоким уровням языка, а с другой — и как бы совершенно от них не зависят (Бондарко, 1981).

Эти противоречия между двумя подходами можно было бы просто не принимать во внимание, если бы согласиться с тем, что речь противопоставлена языку как индивидуальное социальному, как неупорядоченное — упорядоченному, как случайное — закономерному. Однако сложность заключается в том, что речевая деятельность обнаруживает, при тщательном ее изучении, свойства социального, упорядоченного и закономерного процесса. В связи с этим возникает необходимость построения такой фонологической модели, которая бы учитывала речевое поведение человека, говорящего и воспринимающего речь на родном для него языке.

Трудности, встающие при этом, определяются тем, что нет способов для строгого разграничения тех особенностей речевого поведения человека, которые определяются его языковой способностью и тех, которые связаны с его языковой компетенцией. Естественно предположить, что особенности первого вида имеют меньшее отношение к фонологической модели данного языка, чем особенности второго вида, которые мы можем рассматривать как результат воздействия свойств фонологической системы на языковую способность человека.

Многочисленные исследования речевого поведения, вызванные к жизни самыми разными потребностями, касаются чаще всего тех механизмов речи, которые связаны с языковой способностью. Так, исследование способов фонетической обработки речевых или речеподобных синтезированных сигналов показывают, с одной стороны, способность любого человека определять фонетические свойства гласных по частоте одной или двух формант (F_I, F_{II} или F_I и F_{II}); (Чистович, Весцов, Гранстрем и др., 1976). При всей важности исследований такого рода нет никаких сомнений в том, что для фонологической модели второго типа нужны еще какие-то сведения – а именно, сведения о том, чем отличается речевое поведение носителей одного языка от речевого поведения носителей другого языка.

Рассмотрим эти общие предпосылки на материале фонологической модели гласных русского языка.

При описании системы гласных фонем в рамках модели первого типа ("лингвистической") гласные / i / и / y / интерпретируются, как аллофоны одной фонемы: / i / – после мягких согласных и в абсолютном начале слова, / y / – после твердых согласных. Такая интерпретация, безукоризненная с чисто логической точки зрения, плохо соответствует фактам речевого поведения. Так, известно, что для носителей русского языка в качестве основного аллофона любой гласной фонемы (кроме / i / – / y /) свойственно выбирать тот ударный аллофон, который реализуется после твердого согласного или в начале слова. Для "моделируемой фонемы" / i / – / y / в каждой из позиций будет представлен свой аллофон, что существенно отличает эту "фонему" от других. Считать / i / аллофоном после мягкого, а / y / – после твердого согласного мешают

и вероятностные характеристики: аллофоны любых фонем (кроме /е/ и / / 1 / - / ы / /) встречаются в речи гораздо чаще после твердых согласных, чем после мягких, а в рассматриваемом случае дело обстоит как раз наоборот. Эта особенность отражается на восприятии: при затрудненных условиях гласный / 1 / опознается очень хорошо, а гласный / ы / - плохо. Таким образом, можно считать, что на уровне речевого поведения между этими гласными обнаруживаются различия, необъяснимые на основании классической модели русского вокализма. Вместе с тем нельзя утверждать, что для носителей русского языка оппозиция / 1 / - / ы / равнозначна оппозиции любой другой пары гласных: известно, что при исследовании психологического пространства гласные / 1 / и / ы / оказываются самыми близкими друг к другу (Галуков, 1967).

Другим вопросом, требующим внимания при описании системы гласных, является вопрос об их различительных признаках: поскольку гласные заднего ряда / о / и / и / являются к тому же и огубленными, а ряд гласного / а / определить трудно, предлагается такая интерпретация признаков гласных, при которой релевантными оказываются огубленность и подъем, тогда как ряд гласного считается связанным с качеством (твердостью-мягкостью) соседнего согласного (Грамматика современного русского языка, 1970:11). Такое понимание плохо согласуется с особой чувствительностью носителей русского языка к характеристике гласного по ряду: во-первых, фонологичность противопоставления согласных по твердости-мягкости определяется возможностью употребления мягких согласных перед гласными заднего ряда; во-вторых, изменение гласного по ряду на протяжении его звучания является полезным признаком, используемым при опознании и фонемной идентификации звуковой цепи (Бондарко, 1981).

Классические фонологические модели не учитывают и вероятностных характеристик речи. Это теоретически оправдывается высказыванием И.С.Трубецкого ("Язык лежит вне меры и числа"), который, однако, уделил очень большое внимание статистическим подсчетам, касающимся правил сочетаемости звуковых единиц в языке (Трубецкой, 1960:286). В настоящее время говорить о том, что человек в процессе речевой деятельности использует данные о вероятности появления того или иного звукового элемента – значит повторять общеизвестные вещи. Принятие фонемного решения – особенно в случае фонетической неопределенности звукового стимула – непосредственно связано с вероятностными характеристиками различных элементов высказывания (Bondarko, 1975).

Наконец, речевое поведение носителей языка не соответствует классическим фонологическим моделям с точки зрения межуровневой иерархии: фонемная идентификация довольно часто оказывается возможной лишь при использовании информации о более высоких уровнях сообщения (в широком смысле – о смысловых характеристиках, включающих как грамматическую, так и семантическую информацию). Это относится в первую очередь к восприятию спонтанной речи, где неполный тип произнесения статистически преобладает и где фонемная идентификация на основе собственно звуковых характеристик чаще всего невозможна (Бондарко, Вербицкая, Гордина, Зиндер, Касевич, 1974).

Чисто психологические модели восприятия речи человеком (такие, как моторная теория или теория "анализа через синтез") не учитывают в должной мере этого важного фактора: способность к быстрой и безошибочной фонемной интерпретации любого высказывания на родном языке не может быть понята без обращения к язы-

ковому значению и к семантике высказывания.

Возвращаясь к системе русских гласных, можно охарактеризовать положение каждой из гласных фонем в фонологическом пространстве на основе учёта целого ряда рассмотренных здесь признаков.

Простейшая фонологическая схема, строящаяся на основании фонетических признаков основных аллофонов гласных, выглядит следующим образом:

и	-	ы		и
		е		о
				а

Фонетические "модификации" этого треугольника определяются тем, что все гласные (кроме / ы /) способны "сближаться" с / и / под воздействием соседнего мягкого согласного. Таким образом, только / и / оказывается фонетически стабильным звуковым элементом, тогда как остальные способны получать / и / - образные переходные участки в начале и конце.

Функциональные модификации исходной системы определяются тем, что некоторые пары фонем связаны отношениями чередований в пределах морфемы, а некоторые - нет; так / а / и / о /, / е / и / и /, / а / и / и / - связанные друг с другом фонемы, тогда как / а / и / и /, / о / и / ы /, / и / и / и / функционально друг с другом не связаны.

Статистически наиболее вероятными в речи являются фонемы / а / и / и / - не только в ударном положении, но и в безударном, что связано с аканьем и йканьем, свойственным литературному произношению и приводящим к чередованиям гласных в пределах морфемы.

Особая роль гласных / и / и / и / поддерживается и более

высокими уровнями языковой системы, в частности, морфологическим, поскольку именно эти гласные наиболее часто используются и в формообразующих, и в словообразующих показателях.

Наконец, можно оценить каждый из гласных с точки зрения его нагруженности в тексте. Оказывается, что наиболее частыми в речи являются слоги с гласными / а / и / 1 / и что именно в таких слогах наблюдается максимальное число консонантных противопоставлений (Бондарко, 1981).

Таким образом, фонема как элемент, обнаруживаемый при исследовании речевого поведения человека, характеризуется тем, что фонетические признаки ее – это не некие инвариантные артикуляционно-акустические свойства; можно считать эти признаки скорее вариантными – в том смысле, что один и тот же речевой сигнал может по-разному интерпретироваться фонематически в зависимости от контекста, исходных вероятностей и смысловых характеристик высказывания. Однако эта вариативность не бесконечна, она характеризует ту степень мобильности речевой деятельности, которая обеспечивает эффективное пользование звуковой системой языка.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.
2. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б. Стили произношения и типы произнесения. – ВЯ, 1974, № 2.
3. Галуков В.И. Структура множества речевых образов. АИД, Л., 1967.
4. Грамматика современного русского языка. М., 1970.
5. Трубецкой И.С. Основы фонологии. М., 1960.
6. Физиология речи. Восприятие речи человеком. (Л.А.Чистович, А.В.Веснов, М.Б.Гранстрем и др.) Л., 1976.

7. Bondarko L.V. and Verbitskaja L.A. Factors underlying phonemic interpretation of phonetically non-defined sounds. In: Auditory Analysis and Perception of Speech. London-New-York - San Francisco, 1975.

8. Lindblom B.E. Phonetics and the description of language. In: Proceedings of the 7 th International Congress of phonetic sciences. The Hague-Paris.

Л.А.Вербицкая

СИСТЕМА ФОНЕМ И ИЗМЕНЕНИЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ

Одним из общих вопросов, связанных с решением проблемы нормы, является вопрос о соотношении нормы с системой.

Этот вопрос оказывается наиболее удобно рассмотреть на примере взаимоотношения фонологической системы и произносительной нормы, так как системность фонологической организации прослеживается наиболее четко.

Проблема нормы возникает и существует потому, что в самой системе имеется не одна, а две или несколько возможностей выражения одной языковой сущности, иначе говоря, два или несколько вариантов. И задача нормы - выбор одного из этих вариантов, или признание обоих. Норма, таким образом, является ограничением вариантности системы.

При этом совершенно очевидно, что норма - уже системы, в норме возможно лишь то, что системой не запрещено. Важно иметь в виду, что система языка - это система моделей, полностью не реализуемая в отдельных текстах.

Система языка - это не только совокупность тех или иных

элементов, но и характер отношений между ними, дистрибуция элементов, их сочетаемость, их функциональная нагрузка. Языковая норма – совокупность явлений, разрешенных системой языка, отобранных и закреплённых в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени.

Об определяющей роли языковой системы, о единой языковой системе, социально обоснованной в прошлом, объективно заложенной в языковом материале данной языковой группы и реализованной в индивидуальных речевых системах неоднократно писал Л.В.Щерба (1974). "Все подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет" (Щерба, 1974:29).

Таким образом, изменение норм возможно, по-видимому, или в пределах вариантности системы, или в результате определенных изменений, происшедших в системе.

Рассматривая первый случай изменения нормы в пределах системы, можно наблюдать различные ситуации: 1) вариантность системы признана нормой и тогда норма множественна (это так называемая вариантность 1-го типа): одинаково нормативно произношение твердого или мягкого переднеязычного перед последующим мягким переднеязычным (например, слова степень как (st'ep'in') и (s't'ep'in')); 2) из двух вариантов системы норма выбирает один (причем сначала один, а через определенный промежуток времени – другой). Причиной такого выбора могут быть либо диахронические изменения в самой системе, либо влияние экстралингвистических факторов (например, изменение критерия престижности). Это уже вариантность 2-го типа. Таким вариантом современной русской

произносительной нормы становится сейчас вариант (st'er'in'), то есть вариант с сочетанием C_1C_2 (при сочетании двух согласных, образованных с помощью действия разных произносительных органов).

Как правило, вариантность 2-го типа является результатом развития вариантности 1-го типа.

Второй путь изменения нормы – изменения в результате перестройки системы или в результате реализации потенциальных возможностей, существующих в системе. Примером могут служить случаи произнесения твердых согласных перед гласным переднего ряда /e/: в фонологической системе согласных современного русского языка возникло противопоставление твердых и мягких согласных и перед /e/ (/ragen-rag'ev/), по-видимому, потому, что сама возможность сочетания твердых переднеязычных согласных с /e/ (/vest, žest и т.д.) в системе уже существовала. Перестройка системы привела к изменению нормы: темп -(temp), модерн (modern), сервис (serv'is) стали ведущими вариантами нормы.

Следует обратить внимание на тот факт, что из всех заимствованных слов с твердыми перед /e/ в большинстве случаев (75%) это слова с твердыми переднеязычными.

Таким образом, важно подчеркнуть, что новообразования могут стать фактами нормы только после того, как они стали фактами системы.

Варианты, не предусмотренные системой, не могут и возникнуть в употреблении.

С другой стороны, основная функция нормы заключается в постоянном ограничении вариантности системы. С этой точки зрения интересно рассмотреть взаимоотношение системы и орфофонических вариантов нормы. Сложность исследования этого вопроса связана с

тем, что орфофонические различия, различия в фонетических характеристиках фонем часто рядовыми носителями языка и даже лингвистами не осознаются (чаще здесь встречается вариантность I-го типа). Орфофоническая вариантность допускается фонологической системой и связана, как правило, с нарушением какого-нибудь релевантного признака системы в том случае, когда он не является дифференциальным для той или иной фонемы. Так, например, встречается наряду с твердым произношением в разной степени смягченных / о /, наряду с мягким / с / недостаточно мягких, так как в русском языке признак мягкости – твердости не является для указанных фонем дифференциальным.

Широко распространенное в результате влияния южнорусских говоров произнесение щелевого / ʏ / вместо смычного / г / возможно потому, что способ образования не является для / г / дифференциальным признаком.

Орфофонические варианты гласных могут возникать в пределах "области рассеяния" фонемы, не затрагивая "зону безопасности". Так, например, / о / может быть разной степени закрытости и открытости, так как / о / и / ɔ / в фонологической системе гласных русского языка не противопоставлены. Аналогично обстоит дело с / е /, то есть отсутствует противопоставление / е / и / /.

Вместе с тем норма накладывает определенные ограничения на эту системную вариантность, и нарушение этих ограничений, встречающееся в речи иноязычных, говорящих по-русски, очень заметно. Так, например, однородное / о /, отмеченное в русской речи украинцев, или более закрытое / е / в речи эстонцев, несмотря на отсутствие противопоставления / о / и / ɔ /; / е / и / ɛ / в русском языке.

Рассматривая вопросы изменения нормы, следует остановиться на одной очень распространенной точке зрения, согласно которой одним из самых существенных факторов изменения нормы является написание, влияние орфографии, оближение произношения и написания (Щерба, 1974:208). Анализ развития нормы показывает, что роль написания сильно преувеличена, что в ряде случаев за лежащим на поверхности воздействием орфографии на самом деле скрывается влияние глубинных, языковых, системных факторов.

Л.В.Щерба считал, что будущее русское образцовое произношение пойдет по пути сближения с письмом, и в связи с этим в частности предсказывал победу "ёканья". Экспериментально-фонетические исследования современного литературного произношения показали (Аванесов, 1972:191), что в 91,4% случаев обследованная группа дикторов (более 200 человек, москвичей и ленинградцев) реализуют на месте орфографических а, я в безударной позиции - / ɪ /. О широком распространении иканья свидетельствует и тот факт, что в речи указанных дикторов в большинстве случаев не противопоставляются в произношении формы существительных в именительном, винительном и дательном падежах (поле, в поле), с одной стороны, и собственных имен существительных в родительном падеже (у Поли), то есть / ɪ / произносится даже в морфологически нагруженных флексиях.

Распространение иканья является как раз аргументом не в пользу влияния орфографии.

Вместе с тем, есть ряд факторов, которые, на первый взгляд, как будто бы доказывают это влияние. Это, например, распространение произношения мягких, заднеязычных / к' /, / г' /, / х' / в прилагательных мужского рода единственного числа (т'ɪх'ɪj, гром-

k'ij, strog'ij и т.п.) или произношения (сн) вместо традиционного (sn) на месте орфографического чн.

При внимательном изучении этого вопроса оказывается, что в первом случае нельзя исключать действия закона аналогии:

(gromk'ij) как (gromk'ix) и (gromk'im'i); (t'ix'ij) как (i'ix'ix) и (t'ix'im'i) и как (s'ip'ij), (s'ip'ix).

Во втором случае исследование слов с сочетанием чн показало, что (сн) произносится чаще всего тогда, когда это / с / является результатом чередования корневого / к /, что имеет достаточно широкое распространение в морфонологической системе русского языка (сравни: рука-ручка, пеку-печешь, булка-булочная). Поэтому, например, в словах порядочный (порядок), табачный (табак), кулачный (кулак), яблочный (яблоко) и т.п. в большинстве случаев произносится (с+п). В общем при обследовании уже упомянутых групп в 87% случаев слова, имеющие корневое - к, были произнесены с /сн/ и только в 13% случаев встретилось /sn/. В целом, из всех слов, в которых встречается произношение /сн/ - 77% составляют слова, с корневым - к, 9% - с ч (ночь - ночной, овеча - свечной), 14% - с ц (конец - конечный). но (kan'esna). Из сказанного следует, что распространение варианта /сн/, вместо /sn /, может объясняться не воздействием написания, а действием морфонологических факторов.

Следует отметить, что если можно обсуждать некоторые факты воздействия орфографии на орфоэпию, то фактов воздействия написания на орфофонию нет вообще.

Говоря о зависимости развития нормы от системы, следует обратить внимание на ряд намечающихся внутренних перестроек в фонологической системе, способных привести к некоторым изменениям в норме.

В противопоставлении твердых согласных мягкие (одного из основных особенностей фонологической системы русского языка) не все потенциальные возможности этой категории исчерпаны. Может еще произойти увеличение числа пар согласных, противопоставленных по твердости-мягкости, может увеличиться или уменьшиться число позиций, в которых это противопоставление реализуется. Процесс увеличения числа позиций, в которых твердые и мягкие дифференцируются, происходит в современном языке за счет распространения противопоставления твердых мягким перед гласным переднего ряда / е /.

В сочетаниях $C_1 C_2$ идет как бы обратный процесс: замена первого мягкого согласного твердым, так как все позиции, ассимилятивного смягчения были позициями, где твердые согласные не противопоставлялись мягким.

Начекается дальнейшее развитие ограничения в употреблении гласных в безударной позиции. Если до сих пор это ограничение касалось только двух фонем из 6- / е / и / о /, гласных среднего подъема ("слабого" звена в системе), то в настоящее время наблюдается тенденция к ослаблению функциональной нагрузки в таком же плане и для гласного / и /. По крайней мере в неполном типе произнесения достаточно широко встречается утрата противопоставления / и - i / в безударной позиции после палатализованных, особенно между мягкими: произношение челюсть как (сел'is't'), бюро как (b'iro), поре как (p'ire).

Анализ основных тенденций развития фонологической системы имеет большое значение при рассмотрении вопросов нормы, так как чаще побеждают варианты, соответствующие тенденциям развития системы.

Итак, унификация произношения, выравнивание различий диктуется и обеспечивается экстралингвистическими факторами, развитием общества и общественных отношений.

Реальные же пути развития произносительной нормы определяются фонологической системой языка, и прежде всего существующей в ней вариантностью.

Произносительная норма, в свою очередь, характеризуется известной вариантностью, которая разрешена системой. Изменения в соотношении вариантов, в их положении в ряду вариантов могут произойти лишь в том случае, если не противоречат системе. Варианты, невозможные с точки зрения данной системы, появиться не могут. Это по существу означает, что норма в первую очередь – категория лингвистическая, и лишь во вторую – социальная, социолингвистическая, так как действие социолингвистических факторов может быть успешным только тогда, когда не противоречит системе, когда изменения, к которым они приводят, укладываются в рамки той же системы.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1972.
2. Вербицкая Л.А. Современное русское литературное произношение. АДД, Л., 1977.
3. Горбачевич. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
4. Щерба Л.В. Теория русского письма. – В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
5. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений. – В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

СТРУКТУРНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

Можно выделять в потоке устной речи три типа средств эмоциональной выразительности: 1) незнакомые биологические, 2) знакомые внеязыковые и 3) знакомые языковые. Еще неязыковые, но уже знакомые средства эмоциональной выразительности изучены наименее полно, хотя интерес к ним резко возрос в последние годы.

Очевидно, что знакомые внеязыковые средства представляют собой сложные эмоционально-выразительные комплексы, в которые наряду с мимическими, жестикуляторными, пантомимическими и интонационными, а вернее сказать, тембровыми компонентами, входят предметно-ситуационные составляющие. Ведь "ситуация вплавлена" в эмоциональную речь (Земская, ред., 1973). Ясно и другое, а именно то, что как в историческом развитии общества, так и в индивидуальном развитии личности, незнакомые биологические средства предшествуют знакомым внеязыковым, а знакомые внеязыковые — знакомым языковым. При этом более поздно возникающие средства эмоциональной выразительности субординируют себе средства более ранние или более низкие по иерархическому уровню.

В потоке устной речи зрелого современного человека языковые знаки, субординируя себе незнакомые и знакомые единицы эмоциональной выразительности, затевают и как бы замаскировывают их структуру. Там, где языковая структура речи упрощена (напр., высказывания детей раннего возраста, фатическая речь, речь больных с некоторыми очаговыми поражениями мозга), структурные особенности знакомых и незнакомых единиц эмоциональной выразительности становятся более отчетливыми.

Интенсивное формирование этих знаковых единиц происходит на доречевом этапе раннего детства. Л.С.Выготский (1934) показал, что ребенок овладевает звуковой формой слов раньше, чем их содержанием. Это позволяет предположить, что интонационные, тембровые составляющие эмоционально-выразительных внеязыковых знаковых комплексов являются генетическими корнями знаков языковых.

Внеязыковой знаковый опыт ребенка накапливается с первых дней его жизни в процессе эмоционального общения с матерью, а потом и другими взрослыми. Познавательное содержание этого опыта и его субъективный эмоциональный смысл представляют собой нерасторжимое единство (Леонтьев, 1975; В.К.Виллонас, 1976). По мере созревания центральной нервной системы возможности познания внешнего мира и соответственно его субъективные эмоциональные смыслы поднимаются на все более высокий уровень, что внешне обнаруживается в изменениях комплексов эмоционально-выразительного поведения ребенка, в том числе в изменениях его голосовых реакций. Сменяющие друг друга периоды раннего развития, свидетельствующие о прогрессивном усложнении иерархической организации познавательного опыта ребенка, мы будем называть по характерным для каждого из них эмоционально-выразительным голосовым реакциям: период гуления, период раннего лепета, период лепетных псевдослов, период позднего мелодического лепета.

Один из крупнейших современных физиологов нервной системы Н.А.Бернштейн в своей работе "О построении движений" (1947:14) показал, что "каждый очередной функциональный уровень построения содержит и приносит с собой не новые качества движений, а новые полноценные движения", которые знаменуют собой отклик организма на новый класс возникающих перед ним двигательных задач. Принци-

пимально то же самое можно видеть и в уровнях построения внеязыкового знакового опыта.

На протяжении каждого из упомянутых периодов складывается характерная знаковая ситуация со своими собственными целями эмоционального общения. Под руководством взрослого ребенка осваивает эту знаковую ситуацию, а заодно и новый тип "доречевых" движений. Его врожденные эмоционально-выразительные голосовые реакции, универсальные по своей биологической природе, подвергаясь под воздействием образцов материнской речи ограничению, обобщению и социальному нормированию, преобразуются в национально-специфические эмоционально-выразительные знаки. С каждым новым периодом знаковая ситуация усложняется, а эмоциональная семантика осваиваемых знаковых средств становится результатом все более сложной обобщающей работы мозга.

В период гуления вокальные сегменты врожденных звуковых комплексов ребенка становятся национально-специфическими вокализациями — тембровым средством выражения субъективной или эмоциональной оценки своего собственного приспособительного поведения. В периоде раннего лепета тембровым средством выражения эмоциональной оценки поведения коммуниканта, то есть взрослого, находящегося в эмоциональном общении с ребенком, становятся лепетные консонантно-вокальные сегменты меняющейся звучности. В следующем периоде по-разному акцентуированные тембровые комплексы псевдослов становятся средством выражения эмоциональной оценки предметных компонентов знаковой ситуации. Средством выражения эмоциональной оценки взаимосвязей между предметными компонентами знаковой ситуации становятся в периоде позднего мелодического лепета псевдосинтагмы с разным характером мелодического движения тембра.

Следовательно, на доязыковом этапе развития закладывается основополагающая система знаковых отношений субъекта с внешним миром. Только на этом фоне языковое обобщение фактов действительности оказывается адаптивно целесообразным. Вне опоры на этот эмоционально-познавательный фон личности языковое отражение действительности лишается психологического содержания (А.Н.Леонтьев). Правильность этого психологического утверждения подтверждается фактами клинической психоневрологии.

Так как познавательный опыт личности составляет нерасторжимое единство с соответствующими эмоциональными смыслами, то в систематизации этого опыта необходимо учитывать особенности организации эмоциональной сферы человека. То же самое относится и к систематизации эмоционально-выразительных знаков. Не имея возможности излагать здесь иерархическую структуру эмоций, обратим внимание лишь на ценностно-зонный принцип упорядочивания чувств и волеизъявлений личности на каждом из иерархических уровней этой структуры. Ценностные зоны каждого уровня детерминируются двумя взаимно перпендикулярными координатными осями: осью волеизъявлений и осью чувств личности. Все зоны не имеют четких границ и переходят друг в друга.

На полюсах оси волеизъявлений находятся противопоставленные друг другу качественно неспецифичные зоны высокой и низкой личностной ценности. К зоне высокой личностной ценности относятся познавательные образы интенсивно мотивированных волевых поведенческих актов. Соответствующие коммуникативные знаки отличаются интенсивностью и особой "заражающей" силой. К зоне низкой личностной ценности относятся познавательные образы противоположного порядка, формирующиеся в процессе слабо мотивированных по-

веденческих актов, к результатам которых личность не испытывает интереса. Соответствующие коммуникативные знаки мало выразительны и не вызывают у окружающих ответных эмоций.

По полюсам оси чувств зона положительных познавательных ценностей личности противопоставляется зоне отрицательных познавательных ценностей личности. Эти познавательные ценности формируются в условиях мотивационного оптимума и потому отличаются, с одной стороны, умеренной интенсивностью, а с другой стороны, высокой качественной спецификой. (Положительная и отрицательная ценность познавательных противопоставлений этой оси, естественно, конвенциональна.) Эмоционально-выразительные знаки чувств личности тоже отличаются умеренной интенсивностью и конвенциональной противопоставленностью их знаковой формы.

Представим в таблице зонно структурированную иерархию эмоционально-выразительных знаковых средств, разработанную на основе системного анализа голосовых реакций гуления и лепета русских детей раннего возраста (см. стр. 40).

Зонно структурированные эмоционально-выразительные знаковые средства каждого иерархического уровня образуют единство, следующее из общности породивших их коммуникативных целей (субъективная эмоциональная оценка своего собственного поведения, поведения коммуниканта, предметных компонентов знаковой ситуации, взаимосвязей между предметными компонентами знаковой ситуации). Одновременно эмоционально-выразительные знаковые средства разных иерархических уровней, но одних и тех же зон, тоже образуют единства, следующие из общности ценностных характеристик этих зон.

Обобщение фактов становления звуковых систем у детей любых национальностей дало Р.О.Якобсону (1941, 1972) право сказать:

Таблица

Уровневый и ценностно-зонный принципы упорядочивания
эмоционально-выразительных знаков
(на русском фактическом материале)^{х)}

Ценностные зоны Типы знаковых средств и периоды раз- вития ребен- ка	Зона высокой личностной ценности	Зона низкой личностной ценности	Зона положитель- ной личностной ценности	Зона отрицатель- ной личностной ценности
Вокализации периода гуления	<i>a</i> - тембры	<i>э</i> - тембры	<i>и</i> - тембры	<i>y</i> - тембры
Консонантно- вокальные сегменты ме- нящейся звучности периода ран- него лепета	CV - сегмен- ты	Качествен- но нечет- кие кон- сонантно- вокальные структуры	CV - сег- менты	VC - сег- менты
Псевдо- слова периода ле- петных псевдо- слов	CVCVCV CVCV CVCVVCV и пр.	Псевдосло- ва о не- четкой ритмичес- кой струк- турой	CVCV CVVCV CVVCVCV и пр.	CVVCV CVVCVCV CVVCVCVCV и пр.
Псевдо- синтагмы периода позднего мелодическо- го лепета	CVVCVCVCVCV CVVCVCVCVCV и пр.	Псевдо- синтагмы с нечеткой тембровой мелодикой	CVVCVCVCVCV CVVCVCVCVCV и пр.	CVVCVCVCVCV CVVCVCVCVCV и пр.

^{х)} Условные обозначения: C - консонантный максимум лепет-
ного сегмента. V - вокальный максимум лепетного сегмента. Три
степени высоты графических знаков в пределах каждого уровневом
единства эмоционально-выразительных средств изображают сравни-
тельную и интенсивность обозначаемых тембровых единиц.

"Всюду тщательное лингвистическое описание с удивительным постоянством подтверждает тот факт, что относительная хронология определенных новшеств везде остается одной и той же" (1972:248), хотя темп этих приобретений может быть различным. "Любая фонологическая система является стратифицированной структурой, образуя наложения друг на друга пласты. Иерархия этих пластов является почти универсальной и постоянной. Она проявляется как в синхронии, так и в диахронии..." (1972:250). В объяснении этой стратификации автор исходит из констатации того, что фонологическая стратификация строго следует принципу максимального контраста, а в последовательном ряду противоположений она восходит от простого и гомологического к сложному и дифференцированному.

Эмоционально-выразительные знаки тоже образуют стратифицированную структуру, каждый последующий уровень или пласт которой развивается на основе предшествующего, причем каждый последующий пласт становится все более сложным и дифференцированным образованием. Эмоционально-выразительная стратификация знаковых средств тоже строго следует принципу максимального контраста. Продemonстрируем последнее утверждение на нескольких примерах.

Физиологически установлено, что в комплексном раздражителе, получаемом ребенком из внешней среды, оказываются наиболее сильными его первый и последний члены. Тембровые комплексы с контрастно выделенным начальным или конечным сегментами становятся эмоционально-выразительными знаками наиболее дифференцированных ценностных зон: эмоционально положительные и -тембры, *сv*-сегменты восходящей звучности, псевдослова структуры *сvсvсv* и псевдосинтагмы с восходящим мелодическим движением тембра контрастируют с эмоционально-отрицательными *у* -тембрами, *vc*-сегмента-

ми нисходящей звучности, псевдословами структуры *ovovov* и псевдосинтагмами с нисходящим мелодическим движением тембра, соответственно. Контрастируют и одноуровневые эмоционально-выразительные знаки зон высокой и низкой личностной ценности,

Эмоционально-выразительные знаковые средства становятся в последующем языковом развитии ребенка фонетическими формами языковых знаков. Национально-специфические вокализации служат источником формирования вокализма русского языка, а консонантно-вокальные сегменты восходящей звучности — его консонантизма. Псевдослова в виде ритмического облика целостных слов кладут начало освоению словарного богатства русского языка, а псевдосинтагмы становятся основой минимальных синтаксических языковых единиц. Таким образом, каждое уровневое единство эмоционально-выразительных знаковых средств является своего рода глубинными структурами единиц определенного языкового яруса.

Следует, однако, заметить, что не все эмоционально-выразительные средства оказываются в равной мере продуктивными в отношении их языкового опосредования. Так же, как было на этапе формирования эмоционально-выразительных знаков на основе универсальных биологических голосовых реакций, так и здесь национально-специфические социальные факторы, на этот раз языковые, подкрепляют не все потенциальные возможности развития; некоторые из них подавляются, другие же подвергаются дифференциации и нормированию.

Психологически содержательные чувства и волеизъявления человека представляют собой бесконечно разнообразные интеграции познавательных образов разных иерархических уровней и разных ценностных зон, что и делает возможным существование таких противо-

речивых эмоций, как грустная радость, злорадное торжество, любовное сочувствие горю, восторг самоуничтожения и пр. Соответствующие интеграции эмоционально-выразительных тембровых знаковых средств служат целям коммуникации чувств и волеизъявлений личности. В зрелой речи современного человека такие сложнотембровые интегрированные национально-специфические комплексы тембровых средств комбинируются, во-первых, с породившими их неязыковыми биологическими средствами эмоциональной выразительности, а, во-вторых, с развившимися на их основе разнообразными языковыми опосредованиями. Последние сами по себе могут обладать эмоциональной выразительностью, хотя в большинстве случаев они относятся к числу эмоционально нейтральных логических, грамматических и синтаксических языковых средств.

Подводя итоги, можно сказать, что так же как периферические органы речи развиваются на базе ранее сформированных пищеварительной и дыхательной систем, так и языковые знаки развиваются на базе уже предсуществующих эмоционально-выразительных знаков. В процессах речи эмоционально-выразительные знаки выступают в своих двух функциях — эволюционно более древней, обеспечивающей передачу эмоциональных смыслов, и в более поздноприобретенной служебно-языковой.

Функциональная двойственность эмоционально-выразительных знаков ведет к явлениям звукового символизма, изучая которые, как свидетельствует С.В.Воронин, "приходится быть готовым отказаться от многих привычных, освященных вековой языковедческой традицией представлений, и быть готовым к выработке новой системы ценностей" (1980:3). Иллюстрацией этому положению могут быть, например, описанные выше ценностно-зонные совокупности эмоцио-

нально-выразительных знаковых средств, каждое из которых обуславливает существование в языке тех функциональных единиц, состоящих из единиц разных языковых ярусов, о которых упоминает данный автор.

Нам думается, что изучение не только фоносемантики, но и более широкого круга языковых закономерностей выиграет, если мы будем учитывать объективные закономерности организации национально-специфических систем эмоционально-выразительных знаков — одного из аспектов познавательного опыта личности, предшествующего языковому. По-видимому, прав Д.Х.Хаймс (1975), когда он привлекает внимание к "этнографии речи" — недостающему звену, по его мнению, между тем, что обычно описывается в грамматиках, и тем, что обычно описывается в этнографиях. Это вопрос также о том, — считает он, — какие сведения о речи, помимо правил грамматики и словаря, усваиваются ребенком в процессе его превращения в полноправного члена данного языкового общества. Наконец, это и вопрос о том, что иностранец должен узнать о речевом поведении данной группы, чтобы получить возможность правильно и эффективно участвовать в ее действиях. "Этнографическая семантика... должна быть чем-то большим, чем простое отражение действительности в виде перечня фактов. Она должна иметь форму структурного анализа, столь же экономного, как грамматические правила, с помощью которых анализируется бесконечное множество текстов" (1968:47).

С нашей точки зрения, то, что имеет в виду Д.Х.Хаймс, суть структурные закономерности организации национально-специфического познавательного опыта личности, которые могут быть вскрыты посредством изучения правил упорядочивания их эмоционально-выразительных коммуникативных компонентов. Некоторые из этих законо-

мерностей были коротко представлены в настоящем сообщении.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Бернштейн Н.А. О построении движений. Медгиз, 1947.
2. Виллонас В.К. Психология эмоциональных явлений. МГУ, 1976.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики. АДД. Л., 1980.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. Соцэкгиз, 1934.
5. Земская Е.А. (ред.) Русская разговорная речь. М.:Наука, 1973.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
7. Хаймс Д.Х. Этнография речи. "Новое в лингвистике", вып. УП, (Социолингвистика), М.: Прогресс, 1975.
8. Якобсон Р.О. Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии" - Сб. "Принципы типологического анализа языков различного строя". М.: Наука, 1972.

С.В.Воронин

ОСНОВЫ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ОНОМАТОПОВ

(Ономатопея и фоносемантика)

В настоящее время положено начало фоносемантике – новой самостоятельной языковедческой науке на стыке фонетики и семантики; фоносемантика имеет своим предметом звукоизобразительную систему языка, изучаемую с позиций пространственных и временных (Воронин, 1980:5). Составной частью звукоизобразительной системы является – наряду со звукоименной подсистемой – звукоподражательная подсистема. В 1969 г. была разработана классификация

ономатопов (звукоподражательных слов) по соотносимости их с денотатом (Воронин, 1969). Первоначально построенная преимущественно на материале английского языка, она обладала, однако, свойствами универсальной классификации и оказалась принципиально применима к рассмотрению ономатопов других языков – притом не только родственных, но и неродственных (были рассмотрены, в частности, такие языки, как немецкий, французский, русский, селькупский, башкирский, зулу, бирманский, индонезийский). Цель настоящей работы – изложить основы универсальной классификации ономатопов, разработка которой (как и разработка целого ряда других теоретических проблем ономатопии) оказалась возможной в русле фоносемантики. В качестве языка-эталоны взят английский; последовательно привлекаются данные еще двух языков – башкирского и индонезийского.

Любая классификация ономатопов, построенная без учета (психо) акустических характеристик денотата и не основывающаяся на строго последовательной классификации обозначаемых звучаний, (и их сочетаний), неизбежно оказывается субъективной, непоследовательной и неполной. Естественно, поэтому, что мы должны обратиться за помощью к данным акустики и психоакустики, не ограничиваясь рамками собственно лингвистическими. В одной из ранних работ (Воронин, 1968:56-63) мы рассмотрели те основные акустические параметры, которые характеризуют звучания реальной действительности: IА. Частота (основного тона), IБ. Спектр частот, II. Интенсивность, III. Время, IV. Периодичность, V. Форма огибающей. Поскольку звучание (звук) представляет собою не только акустическую (физическую) сущность, но и сигнал, воспринимаемый органом слуха человека, параметры звучаний рассматривались не

только на акустическом уровне, но и на уровне психоакустическом (психофизиологическом). В терминах этого уровня параметры таковы: I. Высота (IА. Собственно высота; IБ. Тембр); II. Громкость; III. Время; IV. Регулярность (колебаний); V. Диссонантность. Эти пять основных параметров являются необходимыми и достаточными для выявления разновидностей звучаний, находящих отражение в онотопее, и для построения как классификации звучаний (и их сочетаний), так и классификации обозначающих их онотопов.

По параметру I (Высота) звучание любой разновидности характеризуется в количественном отношении – как "низкое" либо "высокое".

По параметру II (Громкость) звучание любой разновидности характеризуется также в количественном отношении – как "громкое" либо "тихое".

По параметру III (Время) выделяются два качественно различных класса звучаний – удары и неудары.

По параметру IV (Регулярность) среди неударов выделимы два качественно противопоставленных класса – шум и тон, или шумовой и тоновой неудары. Шумовой неудар – это либо чисто шумовой неудар (типичный пример – т. наз. "белый шум"), либо тоношумовой неудар (характерный пример – жужжание, представляющее собой шум с элементами тона).

При рассмотрении звучаний в плане временной характеристики выделялись прежде всего два больших, наиболее четко противопоставленных друг другу класса – удар и неудар. Однако удар – это, в сущности, "сверхкраткий" неудар (настолько краткий, что человеческое ухо не успевает оценить его по временной протяженности и ощущает как отдельный импульс); неудар же можно в принципе

рассматривать как "сверхбыструю" серию ударов (настолько быструю, что наш орган слуха не успевает регистрировать отдельные импульсы, и они сливаются для нас в единое звучание). Между этими двумя крайними полюсами необходимо выделить еще один класс звучаний: это прерывистый неудар, или, что в принципе то же самое, быстрая серия ударов - в которой каждый удар уже не ощущается обособленно, но полного слияния последовательности ударов в единое звучание еще нет, и быстрое чередование ударов вызывает повышенное раздражение слуха: такая серия ударов ощущается как диссонанс (Воронин, 1967:50, 52-53). Диссонанс (как и качественно противоположный ему недиссонанс) выделим по параметру У (Диссонантность); при этом к недиссонансу относятся удар и неудар.

Мы можем теперь выделить три класса звучаний: "А" Удар (Недиссонанс); "Б" Неудар (недиссонанс); "В" Серия ударов (диссонанс). Или, что то же самое: "А" Удар; "Б" Неудар; "В" Диссонанс.

То, что (психоакустически) наш слух воспринимает как один удар, в ряде случаев может акустически представлять собою не один удар (импульс), а небольшую серию ударов (минимум - два), интервал между которыми предельно мал. При увеличении интервала такая небольшая серия ударов еще ощущается как один удар - но уже не как "обычный" удар, а как хриплый, диссонирующий удар, как диссонанс, носящий характер удара^{х)}: такое звучание удобно

х) В опытах по восприятию двух следующих друг за другом импульсов ("ударов", щелчков) было установлено, что при быстром их следовании - при очень малых (менее 1,5 мсек) интервалах - невозможно различить два импульса от одного: при некотором увеличении интервала (до 10 мсек) звучание еще ощущается как единый импульс, но уже как импульс, имеющий тенденцию к расщеплению на два, как "распухший", "двугорбый", "хриплый" (резкий, диссонантный) импульс (при этом хриплость психоакустически является косвенным признаком наличия второго импульса); при дальнейшем (свыше 10 мсек) увеличении интервала перцепторно наступает отчетливое разделение импульсов. (Волохов, Гершуни, 1935; Чистович, 1958:12-14, 44; рис. 28:51).

для краткости обозначить термином "квазиудар". Если серия ударов достаточно велика, чтобы ощущаться как длящееся звучание, и если частота следования ударов достаточно высока для того, чтобы каждый удар уже не ощущался обособленно, но в то же время эта частота не столь велика, чтобы удары слились в единый непрерывный слитный неудар — в этом случае мы имеем дрожание, собственно серию ударов, ощущающуюся как таковую: звучание подобного рода представляет собою чистый диссонанс, диссонанс в его наиболее чистом виде (Воронин, 1967:52). При увеличении частоты следования ударов (в достаточно длительной серии) звучание постепенно теряет диссонирующий характер, и серия ударов сливается в единый слитный непрерывный неудар, или недиссонирующий неудар. Звучание нередко носит также смешанный характер: наряду с серией ударов, ощущающейся как таковой (чистый диссонанс), наличествуют ощутимые элементы неудара; такое звучание удобно обозначить термином "квазинеудар". Как и неудар, квазинеудар может быть шумовым либо тоновым. Шумовой квазинеудар — это либо чисто шумовой, либо тоношумовой квазинеудар.

Таким образом, выделимы три важнейших, наиболее крупных разновидности диссонансов (серий ударов): (1) квазиудары; (2) чистые диссонансы (собственно серии ударов); (3) квазинеудары.

Принимая во внимание указанные моменты, а также имея в виду, что к недиссонансам относятся удары и неудары, получаем девять типов звучаний: I. Удар; II. Тоновый неудар; III. Чисто шумовой неудар; IV. Тоношумовой неудар; V. Квазиудар; VI. Чистый диссонанс; VII. Тоновый квазинеудар; VIII. Чисто шумовой квазинеудар; IX. Тоношумовой квазинеудар.

Примерами указанных типов звучаний (I-IX) могут, соответ-

ственно, служить звучания, обозначаемые, в частности, приводимыми ниже английскими онматопами (типы I-IX).

Все многообразие звучаний (звуков) реальной действительности складывается: а) из отмеченных выше 9 типов звучаний; б) из различных сукцессивных сочетаний этих типов — то есть, в сущности, из различных типов сукцессивных сочетаний звучаний (сочетаний звучаний во временной последовательности).

Число последних теоретически весьма велико; однако анализ всех психоакустически возможных типов сукцессивных сочетаний звучаний действительности не входит в нашу задачу.

Ограничимся тем, что укажем лишь на те типы сочетаний звучаний, которые находят звукоизобразительное отражение в онматопеях английского языка (взятого нами в качестве языка-эталона).

Как показывает материал, таких типов также девять: X. Тоновый "послеударный" удар-неудар; XI. Чисто шумовой "послеударный" удар-неудар; XII. Чисто шумовой "предударный" удар-неудар; XIII. Тоншумовой "предударный" удар-неудар; XIV. Чисто шумовой — тоновым "предударно-послеударный" удар-неудар; XV. Тоншумовой — тоновым "предударно-послеударный" удар-неудар; XVI. Тоновый "послеударный" квазиудар-неудар; XVII. Чисто шумовой "послеударный" квазиудар-неудар; XVIII. Чисто шумовой "предударный" квазиудар-неудар. Термин "послеударный" ("предударный") удар-неудар (квазиудар-неудар) означает, что звучание-денотат представляет собою удар (квазиудар) с дополнительной характеристикой непосредственно следующей за ударом (квазиударом) и вызываемой им стадии звучания ("послеударный" удар-неудар, квазиудар-неудар) либо, напротив, с дополнительной характеристикой непосредственно предшествующей удару (квазиудару) стадии звучания ("предудар-

ный" удар-неудар, квазиудар-неудар). Для удара-неудара возможно также сочетание "предударной" и "послеударной" характеристики ("предударно-послеударный" удар-неудар). "Предударная характеристика может быть чисто шумовой либо тоношумовой, "послеударная" - тоновой либо чисто шумовой. Примерами указанных типов сочетаний звучаний (X-XIII) могут, соответственно, служить звучания, обозначаемые, в частности, приводимыми ниже английскими онома-топами (типы X-XIII).

В английской ономотопее, таким образом, находят отражение 18 типов денотатов (9 типов звучаний и 9 типов сочетаний звучаний). Соответствующие же цифры для башкирского - 15 (9 плюс 6), для индонезийского - 13 (8 плюс 5).

Типы звучаний группируются в три уже отмеченных выше класса: "А" Удары, "Б" Неудары, "В" Диссонансы (серии ударов), из которых первые два полярно противоположны, третий же представляет собой класс, "промежуточный" между ударами и неударами. Типы сочетаний звучаний, в свою очередь, образуют две группировки, которые мы назовем гиперклассами: "АБ". Удары-неудары, "ВАБ". Диссонансы квазиудары-неудары, - из которых первые совмещают черты класса ударов и класса неударов (и тяготеют к ударам), вторые же - черты всех трех классов (и тяготеют к диссонансам квазиударам).

Как показывает материал исследования, выделимы три класса ономотопов (соответствующих каждому из трех классов звучаний денотатов). Эти классы мы термилируем, соответственно, как: "А". Инстанты; "Б". Континуанты; "В" Фреквентативы. Два гипер-класса ономотопов (соответствующие каждому из двух гиперклассов звучаний-денотатов), обозначаем, соответственно, как: "АБ".

Инстанты-континуанты; "ВАБ". Фреквентативы квазиинстанты-континуанты.

Классы и гиперклассы распадаются на типы - всего 18 типов онематопов в английском, 15 - в башкирском, 13 - в индонезийском: I. Инстанты (а, б, и)^х); II. Тоновые континуанты (а, б, и); III. Чисто шумовые континуанты (а, б, и); IV. Тоншумовые континуанты (а, б, и); V. Квазиинстанты (а, б, и); VI. Чистые фреквентативы (а, б, и); VII. Тоновые квазиконтинуанты (а, б, и); VIII. Чисто шумовые квазиконтинуанты (а, б, и); IX. Тоншумовые квазиконтинуанты (а, б); X. Тоновые "послеударные" инстанты-континуанты (а, б, и); XI. Чисто шумовые "послеударные" инстанты-континуанты (а, б, и); XII. Чисто шумовые "предударные" инстанты-континуанты (а, б, и); XIII. Тоншумовые "предударные" инстанты-континуанты (а, б); XIV. Чисто шумовые-тоновые "предударно-послеударные" инстанты-континуанты (а); XV. Тоншумовые-тоновые "предударно-послеударные" инстанты-континуанты (а); XVI. Тоновые "послеударные" квазиинстанты-континуанты (а, б, и); XVII. Чисто шумовые "послеударные" квазиинстанты-континуанты (а, б, и); XVIII. Чисто шумовые "предударные" квазиинстанты-континуанты (а).

Примерами соответствующих типов могут служить, в частности, следующие онематопы^{хх}): (I) tap "стучать, постукивать", tap "моментальный звук при падении твердого тела", tuk "звукоподражание стуку"; (II) toot "давать гудок", uw-uw "вой ветра", (de)ngung "звукоподражание гудению"; (III) hiss "шипеть, свис-

х) Литеры в скобках означают язык, в котором представлен данный тип: а - английский, б - башкирский, и - индонезийский.

хх) Римская цифра в скобках перед примером означает номер типа: первый пример в типе - английский, второй - башкирский, третий - индонезийский.

ытеть us(yldau) "шипеть (о гусе)", (de)sañ "подражание звуку при полировке"; (IY) buzz "жужжать", buzz "жужжание насекомых", (le)ving "жужжать; гудеть"; (Y) crack "производить отрывистый, трескучий звук"; cugt "слабый треск", rik "звук ломающейся палки"; (YI) chirr "стрекотать", tyr "дрожащий звук" (напр., мотора самолета); (de)tar "звук дрожания"; (YII) mogoop "скрежетать", lar(r) "рев (скотины)", (de)ru "рвануть (о ветре)"; (YIII) rash "резкий шаркающий звук", vuytur-cuytur "шуршание", гаа "подражание звуку трущихся сухих листьев"; (IX) frizz "потрескивать, звонко шипеть (при жарении)", yur(r) "звук вращения с шуршанием"; (X) tang "ударять в колокол, извлекая громкий звенящий звук", tan "звук удара по металлу", (le)tang "звук удара молотом по металлу"; (XI) clash "громкий звук сильного удара, сопровождаемого шуршанием обломков"; bee(s) "шипение пара, пробивающегося через узкое отверстие", sue "звук вырывающегося из камеры воздуха"; (XII) swack "звук сильного удара; полосовать", sit(lay) (диал.) "свист от удара хлыста", sit "свист хлыста"; (XIII) zip "высокий звонко свистящий и внезапно обрывающийся звук (напр. пули, заканчивающей полет ударом о преграду)", wuzt "короткий свист рассекаемого воздуха при очень быстром движении"; (XIV) whang "хлестать со свистом и звенящим звуком"; (XV) zing "внезапно пронести что-то с высоким пронзительным жужжанием и звенящим звуком (о пулях)"; (XVI) brgm "подражание гулкому, трескучему звуку ударов в барабан"; abmbör "звук, возникающий при ударе по туго натянутой поверхности", (de)ram "звукоподражание громиханию"; (XVII) crash "производить громкий резкий смешанный шум (при разламывании); gßrs "хруст при жевании семени мелким скотом", (de)raa "подража-

ние звуку шагов по песку"; (XVIII) flirt "резко ударять; махать веером, раскрывая его резким движением".

Наши основные выводы таковы: – Все многообразие звучащей окружающей действительности поддается достаточно строгой классификации. Последняя же служит объективной основой разработанной в русле фоносемантики универсальной классификации онематопов. – Во всяком языке насчитывается 3 класса и 2 гиперкласса онематопов. Это – одна из важнейших фоносемантических универсалий. – Если число классов и гиперклассов неизменно от языка к языку, то число типов ("наполненность" классов и гиперклассов) варьирует (в английском – 18 типов, в сашкирском – 15, в индонезийском – 13 и т.д.). Это варьирование, однако, не бесконечно, и среди типов есть не только типы-уникалии, рещессивы и фреквенталии, но и универсальные типы (к последним принадлежат типы I, II, III, IV, V, VI, VII и некоторые другие). – Онематопы в языках мира не представляют собою случайного хаотического скопления элементов, – они образуют подсистему в пределах звукоизобразительной системы языка. И в рамках этой подсистемы – с ее конечным числом классов, гиперклассов, типов – мы вправе говорить о больших предикторных и эвристических возможностях универсальной классификации онематопов (это, однако, уже тема отдельного сообщения).

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. АДД. Л., 1980
2. Воронин С.В. Английские онематопы. (Типы и строение.) АДД. Л., 1969.
3. Воронин С.В. К обоснованию объективной классификации онематопов. – В кн.: Доклады республиканской конференции по вопросам германской, романской и классической филологии. Вильнюс, 1968.

4. Воронин С.Н. Ономатопея - диссонансы. - В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии, вып. I. Л., 1967.

5. Волохов А.А., Гершуни Г.В. О рефракторности слухового прибора. - Физиологический журнал СССР, № 4, 1935.

7. Чистович Л.А. Временные характеристики слуха. - ДЦ. Л., 1958.

Ц.А.Гванцадзе

РОЛЬ СТАБИЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЯЗЫКА

Исторический подход к предметам и явлениям окружающего нас материального мира предполагает изучение объекта в двух аспектах: с позиции его сохранения и модификаций, имевших место в процессе его развития.

Фонетические изменения различных языков явились объектом пристального изучения для компаративистов, начиная с Р.Раска и Я.Гримма, и несколько позднее для младограмматиков. Цели и задачи сравнительно-исторического метода определили основную направленность и специфику такого важного раздела языкознания, как историческая фонетика.

Историческая фонетика в ее традиционном понимании - это прежде всего наука об эволюции звуков, что предполагает, в первую очередь, выявление звуковых изменений, определение звуковых соответствий и последующую реконструкцию звуковой системы в целом или фрагментов фонетической системы, относящихся к более ранним этапам функционирования того или иного языка. При этом

фонетическая реконструкция могла быть либо конечной целью исследования, либо иметь прикладной характер. Так, например, применительно к последнему случаю можно привести высказывания крупнейших романистов, исследовавших звуковую эволюцию в романских языках: "... все начинается, по-видимому, с эволюции звуков, которая ведет к наиболее заметной даже для поверхностного наблюдения дифференциации" (Бурсье, 1952:20). По мнению не только Э.Бурсье, но и других крупнейших исследователей в области романского языкознания, именно различная звуковая эволюция и привела к дифференциации романских языков.

Подводя итоги изучения фонетических изменений в различных школах и направлениях языкознания, можно сказать, что звуковые изменения сводятся к трем типам: 1 - переходу одного звука в другой (модификация или трансформация); 2 - исчезновению звука и 3 - возникновению нового звука.

На современном этапе развития языкознания диахроническая фонология и диахроническая фонетика неоднозначно используют достижения исследований предшествующих этапов. Однако в любом случае основное внимание ученых сосредоточено на факте звуковых изменений, выявлении их характера и объяснении модификаций с функциональной, субстанциональной или структурной точки зрения (Шлоткин, 1962; Ажеж, Одрикур, 1978 и др.).

Однако сам объект изучения - язык характеризуется двумя разнонаправленными, но взаимодействующими тенденциями, выступающими в диалектическом единстве. Это стремление к изменению, с одной стороны, и к сохранению - с другой. Развитие языка заключается не только в его изменении, но и в "удержании" элементов. "Разумно предположить, что в языке взаимодействуют две силы:

одна из них всегда препятствует его изменению с целью сохранить возможность взаимопонимания между носителями языка, другая - более скрытая - действует в направлении изменения языка, и при-
том весьма ощутимым образом" (Хенигсвальд, 1970:81).

Итак, историческое изучение языка с позиции диахронической фонологии и фонетики было ориентировано преимущественно на констатацию звуковых изменений и определение их характера. Проблемы диахронической устойчивости либо не рассматривались вовсе, либо факты сохранности языка декларировались чаще всего в самом общем виде в сопровождении с их целевой, но не сущностной интерпретацией типа: "Необходимость поддержать понимание между поколениями препятствует слишком быстрому или слишком серьезному изменению языка" (Деруа, 1974:7). Иными словами, если даже исследователи и обращали внимание на факт языковой стабильности, то все же они задавались скорее вопросами, почему и для чего в языке существуют неизменяемые факты и явления, но не давали исчерпывающего определения всех стабильных языковых фактов, предполагающего не только их констатацию, но и установление степени и характера стабильности, что для многих языков в их истории еще не было осуществлено, в том числе для такой важной группы, как романские языки.

В последнее время в языкознании исследователи все чаще начинают прибегать к изучению диалектически единых и в то же время противостоящих категорий стабильности и устойчивости - дихотомии: константность - вариативность. Впервые, в современном научном осмыслении данных категорий, теория константности и вариативности была предложена Г.П.Торсуевым (Торсуев, 1977). Согласно автору, дихотомия: константность - вариативность отражает существенные

свойства языка и характеризует все уровни языковой системы. Основным положением этой теории является идея о взаимодействии и взаимообусловленности этих двух тенденций, которые проявляются в синхронии, диахронии и вообще на любом этапе развития языка. Эти принципы относятся как к отдельному явлению языка, так и к языковой системе в целом.

Применительно к фонетической системе языка константность понимается Г.П.Торсуевым как структурный принцип, обеспечивающий "функциональную тождественность артикуляторно-фонетически варьирующихся единиц и структур, обусловленную тождеством значимых единиц и необходимостью в непрерывности и преемственности в функционировании и развитии языка" (Торсуев, 1977:4).

Значительный вклад в разработку теории константности-вариативности внес Г.В.Степанов (Степанов, 1979). Идея константности и вариативности может быть положена в основу при исследовании территориальных вариантов одного языка или при анализе развития родственных языков. При исследовании территориальных языковых вариантов концепция константности (то есть сохранения стабильности элементов на определенном отрезке времени) имплицитно включает мысль о том, что стабильные элементы являются общими для территориальных вариантов. Тем самым подтверждается генетическое единство рассматриваемых явлений.

По мнению Г.В.Степанова, исследование вариативности приводит к двум важным методологическим выводам:

1) ... "именно изучение результатов языковой вариативности (синхрония) предполагает использование эволюционных идей и концепций. Синтез синхронного и исторического подходов обеспечивает изучение структуры в единстве с процессом изменения";

2) "возможность установления степени стабильности элементов ряда "система - норма - речь - узуо", строение которого характеризует движение от высшего уровня к низшему" (Степанов, 1979:200).

Принцип стабильности/вариативности может быть отнесен к любому уровню языка. Применительно к звуковой системе можно выдвинуть проблему степени стабильности/вариативности составляющих ее элементов: вокализма, консонантизма, структуры слога и т.д. Определение степени стабильности языковых явлений существенно для диахронических исследований одного языка или группы родственных языков.

Степень стабильности элементов фонетической системы различна. Она определяется на основе нескольких критериев.

Первый критерий может быть назван фонологическим. Этот критерий, получивший довольно четкое обоснование в работах А.Мартине (Мартине, 1960), формулируется следующим образом: звуковые элементы сохраняются при условии их значительной функциональной нагруженности и при необходимости различения. То есть фактически имеется в виду сохранение фонологических оппозиций.

Второй критерий - фонетический. В его основе находится наличие в языках диафонического варьирования (Торсуев, 1977). Звуковые элементы сохраняются при минимальной степени диафонического варьирования.

Третий критерий - фонотактический. Его основу составляет наличие в языках аллофонического варьирования, а также учет позиций элементов и их сочетаний в речевой цепи. Роль фонотактического критерия наименее изучена.

Степень стабильности отдельного элемента звуковой системы

должна определяться исходя из всех вышеприведенных критериев: фонологического, фонетического и фонотактического.

Представляется, что явления языка (факты и процессы), имеющие большую степень стабильности и сохраняющиеся в течение длительного периода в языке (его преемниках или в родственных языках) могут быть названы диахроническими константами.

Рассмотрим возможную перспективу изучения проблемы константности – вариативности на основе определения стабильных языковых явлений в романских языках на примере анализа инициальных консонантных комплексов в важнейших представителях основных подгрупп: французском (галло-романская подгруппа), испанском (иборо-романская подгруппа) и итальянском (язык исконной территории) языках в их отношении к языку-основе – латини.

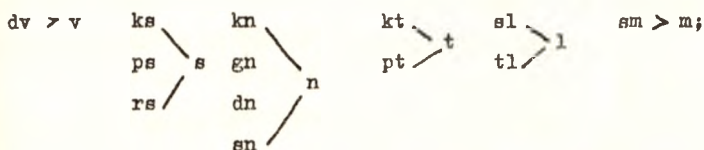
Для выявления диахронических констант важно проследить тенденции эволюции и сохранности языковых явлений на всем протяжении развития латинского языка.

Общая тенденция, характеризующая развитие латинского консонантизма во все периоды истории латинского языка, распространяется и на историческое функционирование последующих романских языков. Это процесс упрощения групп согласных, заключающийся преимущественно в редукции и ассимиляции общелатинского и диалектного характера (Шенгелия, 1960). Можно сказать, что упрощение групп согласных, в том числе инициальных комплексов, происходило на всем историческом пути развития латинского языка, включая дописьменный, доисторический период. Отметим попутно, что изменения согласных во многих случаях не поддаются точной датировке. Часть из них имела место в общеевропейской звуковой системе, другие – в дописьменный период, третьи – записанные

вованы в относительно поздних письменных ламятниках (Тронский, 1960).

Независимо от хронологического фактора – времени (даты) изменения инициального консонантного комплекса, процесс упрощения начальной группы согласных протекал однопорядково: утрачен или изменен был первый согласный, в то время как второй, сохранившийся, мог считаться опорным, так как он, как правило, не подвергался редукции:

Полная редукция первого элемента свойственна следующим начальным консонантным комплексам:

Частичная редукция инициального элемента характерна для следующих начальных консонантных комплексов:

$mr > br$; $sr > pr > fr$; $tl > kl$.

Отметим преобладание фонотактического фактора над собственно фонетическим. Так, в комплексе из двух идентичных согласных, но расположенных в разной последовательности, полной или частичной редукции подвергается только первый элемент инициальной группы:

$rs > s$

$sr > fr$

Утрачивается не звук (фонема), а позиционный элемент: и *v* и *r* остаются элементами консонантной системы латинского языка, в то время как первый элемент комплекса подвергается модификации на фонотактическом уровне.

fregare	frayer	fregare	fregar
---------	--------	---------	--------

лат. fricare,

friare)

phrygium(ср.лат)	frise	fregio	friso
------------------	-------	--------	-------

[tr]	tradere	trahir	tradire	traicionar
------	---------	--------	---------	------------

tripaliare	travailler	travagliare	trabajar
------------	------------	-------------	----------

trifolium	trèfle	trifoglio	trèbol
-----------	--------	-----------	--------

Случаи строгих соответствий языковых фактов, то есть сохранения латинского инициального консонантного комплекса последующими романскими языками (всеми тремя представителями важнейших подгрупп) назовем строгими фонотактическими диахроническими статическими константами.

Иногда на фоне значительной стабильности языкового факта в диахронии наблюдается его незначительное варьирование, допустимое в пределах фонологических оппозиций по одному дифференциальному признаку, в частности, оппозиции по звонкости-глухости:

b - p, k - g. Так, латинским инициальным консонантным комплексам pr, kr во всех рассматриваемых романских языках соответствуют консонантные группы pr/br, kr/gr с преобладанием стабильного языкового факта, то есть комплексы с глухим инициальным согласным встречаются чаще. Однако соответствия консонантных комплексов: лат. глухой согл. + r - новолат. звонкий согл. (коррелят) + r может быть свойственен одному романскому языку больше, чем другому. Так, например, переход лат. kr > gr в большей степени присущ испанскому языку, в меньшей - французскому.

лат. яз.	франц. яз.	ит. яз.	исп. яз.
----------	------------	---------	----------

[pr]	praestus	prêt	presto	presto
------	----------	------	--------	--------

propaginis	provin	propaggine	provena
------------	--------	------------	---------

[kr]

prosternere	prostrer	prostrare	prostrar
prunus	brugnon	brugna	bruno
credere	crēire	credere	creer
creare	crēer	creare	criar
crassus	gras	grasso	graso
cretan	craie	creta	greda

Факты языка, сохраняющие значительную стабильность в диахронии, то есть относительную неизменяемость на всем исторически обозримом пути развития, допускающие в то же самое время незначительную вариативность на позднем этапе существования, назовем нестрогими фонотактическими диахроническими статическими константами.

Существенно, что за период времени, превышающий два тысячелетия, фонетическая субстанция инициальных комплексов: согл. + г подверглась изменению. Фонотактическая модель, напротив, осталась неприкосновенной.

Параллельно со стабильными языковыми фактами в латинском и новолатинских языках существуют стабильные языковые процессы. Концепция диахронических констант, трактуемых как процессы, получила развитие в работах М.М.Гухман. Исследователь дает определение диахронических констант как "однонаправленных изменений, обладающих определенной частотностью и узואуальностью" (Гухман, 1981:45).

В качестве иллюстрации стабильности языкового процесса в латинском языке можно привести переход инициального консонантного комплекса t_1 в k_1 . В истории латинского языка переход $t_1 > k_1$ происходил дважды: в доисторический период и в поздней латыни. В первом случае речь идет об общелатинском изменении

согласных, распространившемся и на латинский язык. Во втором случае благодаря синкопе безударного гласного в инициальном латинском комплексе: $t + \text{безударный гласный} + l$ согласные t и l стали смежными. И снова возникло древнее чередование $tl - kl$, и снова оно решилось в пользу kl :

$tl > kl$: $stloppus > sclopus$.

Диахронические процессы, распространяющиеся полностью или в значительной степени на языковые явления, могут считаться, соответственно, строгими или нестрогими динамическими константами.

Итак, различаем статические и динамические диахронические константы, то есть стабильные языковые явления, существующие на уровне языковых фактов и языковых процессов. В зависимости от характера репрезентации языковых явлений диахронические константы, статические и динамические, разделяются на строгие и нестрогие константы.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.
2. Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952.
3. Вербицкая Л.А. К вопросу о соотношении фонологической и фонетической систем. - В кн.: Фонология, фонетика, интонология. М., 1979.
4. Гухман М.М. Историческая типология и проблемы диахронических констант. М., 1981.
5. Зиндер Л.Р. Общая фонетика М., 1979.
6. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
7. Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем. М., 1982.
8. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. М., 1979.
9. Торсуев Г.П. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. М., 1969.

10. Торсуев Г.П. Константность и вариативность в фонетической системе. М., 1977.

11. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.

12. Хёнигсвальд Г. Существуют ли универсалии языковых изменений? - В кн.: Новое в лингвистике. М., 1970.

13. Шенгелия И.Г. Народно-разговорная латынь. Тбилиси, 1962.

14. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

15. Deroy L. Néologie et néologismes: essai de typologie générale. - La banque des mots, N 1, 1971.

16. Hagège Cl., Haudricourt A. La phonologie panchronique. Paris, 1978.

Л.Кадынь

ЗНАЧЕНИЕ ФАКТОРА НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ДЛЯ КОРРЕЛЯЦИИ ТВЕРДОСТИ-МЯГКОСТИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

I. Фактор нейтрализации фонемной оппозиции является существенным аргументом в определении типа оппозиции, на что вслед за Н.С.Трубецким указывали многие фонологи. Нейтрализация не только наглядно демонстрирует характер признаков, по которым фонемы противопоставлены, но и определяет логический статус оппозиции. Так, фактически эквиполентные оппозиции благодаря нейтрализации могут быть квалифицированы как логически привативные; нейтрализация может объективно доказывать одномерный характер оппозиции (Трубецкой, 1960:147).

Не касаясь общего вопроса о том, может ли быть корреляция нейтрализуемой, как это допускал Н.С.Трубецкой (1960:95), можно лишь заметить, что корреляция твердости-мягкости в славянских языках безусловно всегда относится к числу нейтрализуемых корреляций. Более того, для этой корреляции нейтрализация имеет решающее значение. Это связано с тем, что артикуляционное различие между парными по твердости-мягкости согласными обычно сводится не только к артикуляции, обуславливающей различие в высоте тона между этими согласными. Артикуляция мягкости не просто накладывается на артикуляцию твердого согласного, но часто сопровождается изменениями основной артикуляции. Это может касаться способа и места образования согласного, формы и ширины языковой омычки (Кузнецова, 1969). Кроме того, смягчение согласных разного места образования сопровождается перемещением артикуляции в противоположном направлении: для губных и зубных — это передвижение назад, для задненебных — вперед. В этих условиях возникает проблема 1) вычленения из ряда артикуляционных различий одного функционально значимого и 2) функционального отождествления разных артикуляционных явлений. Проблема эта решается на основе нейтрализации. Именно нейтрализация является решающим аргументом в пользу объединения в одну коррелятивную пару согласных, различающихся более, чем твердостью-мягкостью. И, наоборот, отсутствие нейтрализации является основанием для того, чтобы не считать мягкой корреляцией оппозицию согласных, хотя и различающихся только высотой тона. Так, в белорусском и польском нейтрализация является аргументом в пользу отнесения аффрикативности у мягких оппонентов твердых зубных согласных к числу функционально незначимых — этому образованию отводится роль признака сопровождающего функционально

значимую артикуляцию подъема спинки языка к твердому небу, то есть артикуляцию мягкости. В то же время в белорусском противопоставлении ц-ц' не является коррелятивным, так как оно не нейтрализуется.

Между прочим, неоднозначность артикуляционного различия, существующего между твердыми и мягкими согласными, находит косвенное отражение в том, что во многих работах, трактующих проблемы нейтрализации, те или иные решения рассматриваются обычно в рамках оппозиции глухих и звонких согласных, но почти никогда твердых и мягких. И это понятно — сущность артикуляционного различия между глухими и звонкими согласными гораздо более очевидна и однозначна.

В связи с тем значением, которое имеет нейтрализация для мягкостной корреляции, следует более внимательно отнестись к вопросам конкретного осуществления этой нейтрализации.

2. Хотя нейтрализация является необходимым компонентом корреляции твердости-мягкости, неправильно было бы ожидать, что нейтрализация проявляется унифицированно в пределах всей корреляции. В этой связи вызывает возражение представление о том, что условием существования коррелятивной оппозиции вообще и корреляции твердости-мягкости, в частности, является наличие общей для всех оппозиций, включенных в корреляцию, позиции нейтрализации — лишь при наличии общей позиции нейтрализации ряд оппозиций функционируют как логически привативные; при отсутствии общей позиции нейтрализации те же оппозиции перестают быть привативными и преобразуются в эквиполентные, то есть перестают быть коррелятивными (Чекман, 1969; Чекман, 1970; Колесов, 1979:151). Сообразно этому, корреляция твердости-мягкости в славянских языках держится общей

позицией нейтрализации: с утратой общей для всех локальных рядов позиции нейтрализации корреляция твердости-мягкости разрушается, заменяясь противопоставлением фонем разных локальных рядов, один из которых палатальный.

Это положение кажется логически необоснованным и фактически неверным.

Функциональная характеристика любой фонемной оппозиции складывается из позиций противопоставления фонем и позиций их нейтрализации. На основе соотношения тех и других позиций предлагается, например, судить о силе фонемной оппозиции (Журавлев, 1971:118).

Соотношение позиций различения и нейтрализации каждой оппозиции является производным от допустимой для данного языка сочетаемости фонем. При этом, чем меньше расстояние в ДП между фонемами, тем меньше различий в правилах их сочетаемости с другими фонематическими единицами. У фонем одного локального ряда сходство в правилах сочетаемости должно быть больше, чем у фонем разных локальных рядов; в пределах одного ряда — сходство в сочетаемости фонем одинакового способа образования больше, чем фонем разного способа образования. Разная сочетаемость характерна для шумных и сонантов одного ряда.

Как следствие этого, чем меньше расстояние в ДП между фонемами, объединенными в оппозиции, тем ближе функциональные характеристики этих оппозиций.

Во всех оппозициях, объединенных в рамках корреляции, используется наличие/отсутствие одного общего признака, что собственно и дает основание считать эти оппозиции логически привативными. Другие признаки совпадают лишь в пределах одномерных оппозиций (то есть в соотносительных парах). Но за пределами соотно-

сительных пар фонемы, объединенные в корреляцию, образуют друг с другом многомерные оппозиции.

В этих условиях нельзя ожидать, что как позиции различения, так и нейтрализации будут общими для всех фонемных оппозиций, объединенных в рамках одной корреляции. Такая общность не исключена, но считать ее обязательной нет никаких оснований. Тем более, что разные оппозиции, включенные в корреляцию, обычно подвергаются нейтрализации не только по коррелятивному, но и по другим признакам (локальному ряду, способу образования).

Нередко как пример позиции, в которой нейтрализуются все соотносительные по твердости-мягкости фонемы, приводится позиция перед е в русском языке. Для современного языка это утверждение должно расцениваться как недоразумение. В современном русском литературном языке твердые и мягкие согласные противопоставлены перед е (Панов, 1967:83). Более того, противопоставление твердых и мягких согласных перед е следует признать и для современных русских говоров. При этом имеем в виду не те факты, когда сочетания твердых согласных с е присутствуют в качестве члена диалектного различия, другой член которого образован сочетанием мягкого согласного с е. Только допустимостью сочетаний твердых согласных с е можно объяснить произношение метефе, на ужаде, петеу, модел'на (записано в сев.-рус. говоре Холмогорского р-на Архангельской обл.).

Авторы, утверждающие, что в русском литературном языке недопустимы сочетания твердых согласных с е, относят многочисленную лексику, содержащую такие сочетания, к разделу малочастотных слов, фонетика которых организуется по правилам, отличным от правил основной системы. Особое произношение этих слов соответству-

ет орфоэпической норме. Для сочетаний твердых согласных с е в диалектах не может быть предложено аналогическое объяснение. В диалекте нет особой фонетической подсистемы редких слов. Диалектная норма, во многих своих элементах вариативная, распространяется на всю лексику, используемую в диалекте. Поэтому, если в русском диалекте есть сочетание твердых согласных с е, то только потому, что оно допустимо согласно диалектной норме.

Всегда в русских говорах перед е нейтрализуется оппозиция твердых-мягких заднеязычных, в том случае, естественно, если эта оппозиция имеется. В связи с этим следует заметить, что в некоторых русских диалектах твердые-мягкие заднеязычные согласные противопоставлены шире, чем это обычно признается (Аванесов, Орлова, 1964:74). Так, в упомянутом говоре Холмогорского р-на мягкие заднеязычные сочетаются не только с о в формах презенса (тк'от, жг'от), но и с а в прилагательных со значением большой степени качества - высок'ашшой, дорог'ашша, сух'ашша, то есть та же фонетическая реализация словообразовательной модели, что и в богат'ашшой; сочетания мягких заднеязычных с а имеются в топонимах, например к'ама. Более того, в этом говоре оппозиция твердых и мягких заднеязычных реализуется не только перед задними гласными, но и перед и/ы. Это возможно благодаря тому, что в говоре имеется ряд слов с корнем скырк- - скырат', выскырат'. Этого факта достаточно, чтобы констатировать оппозицию к - к' (и других заднеязычных) перед и/ы в случаях к'ислой - скырат'. Слова о корнем скырк- употребляются в произведениях русских северных писателей, причем в авторской речи. Может быть это основание для того, чтобы и в литературном языке считать допустимым сочетание кы?

3. Как известно, нейтрализация как фонологическая категория

имеет разное толкование. В частности, важным является вопрос о том 1) обязательно ли должна нейтрализация сопровождаться чередованием звуков и 2) накладывается ли на качество элемента, выступавшего в позиции нейтрализации, ограничение относительно маркированности-немаркированности.

Весьма распространено в конкретных исследованиях представление о нейтрализации, как о способе фонологического объяснения звуковых позиционных чередований. В этом случае проблема нейтрализации за пределами чередований вообще не возникает. Более адекватным, по-видимому, является понимание нейтрализации, согласно которому нейтрализация — это состояние оппозиции в условиях сокращенного, в сравнении с максимальным, позиционного набора звуков.

Нейтрализация — это следствие синтагматической запрещенности некоторых сочетаний. Сообразно с этим, нейтрализация не обязательно должна сопровождаться звуковым чередованием, хотя оно и может иметь место, поскольку, по замечанию А.Мартине, "... о функциональной точки зрения способ, которым реализуется нейтрализация, не играет роли. Решающей является только невозможность реализовать оппозицию"; и далее — "не чередование является доказательством нейтрализации оппозиции, а функциональная необходимость" (Мартине, 1969:98, 100).

При таком понимании нейтрализации сфера действия ее в пределах корреляции твердости-мягкости в славянских языках значительно расширяется. Традиционно многие факты дистрибутивного ограничения в употреблении мягких согласных не рассматривались как проявление нейтрализации на том основании, что в позиции неразличения выступает твердый согласный. Считалось, что нейтрализация ре-

ализуется только мягким согласным. Это шло от распространенного мнения, что нейтрализация должна осуществляться в маркированном члене оппозиции, а в тембровой корреляции твердости-мягкости таковым является мягкий член.

Понимание нейтрализации, данное А. Мартине, создает возможность и такие факты дистрибутивного ограничения, при которых в позиции употребляется только твердый согласный, считать проявлением нейтрализации. Так, в вост.слав. языках все мягкостные оппозиции нейтрализуются в твердом согласном перед л; все оппозиции, кроме л-л', нейтрализуются перед р, р', н, н'; оппозиция мягких и твердых губных нейтрализуются перед согласными и т.п.

При таком понимании нейтрализации в каждом языке, имеющем корреляцию твердости-мягкости, при любом переформировании состава позиций различения и неразличения твердых и мягких согласных практически всегда останутся позиции нейтрализации оппозиции твердости-мягкости, то есть нейтрализация как необходимый признак корреляции сохраняется.

4. Место обривования согласных, реализующих мягкие фонемы зубного ряда, может варьироваться в славянских языках и диалектах от дентально-альвеолярного до палатального (Кузнецова, 1969).

Н.С.Трубецким было сформулировано известное положение о том, что палатальность приобретает значение фонологического локального ряда в том случае, если отношения между фонемами дентального и палатального ряда не имеют аналогии в пределах другого локального ряда (Трубецкой, 1960:145). Практически в славянских языках эта аналогия может быть представлена в губном, реже - в переднеязычном или заднеязычном рядах. Из этого утверждения делался вывод о том, что если при реализации палатальными согласными

мягких зубных фонем утрачивалось различие по твердости-мягкости в губном ряду, то и в зубном ряду корреляция твердости-мягкости переставала существовать, преобразуясь в оппозицию по локальному ряду. Вариант этого рассуждения: если различие по твердости-мягкости ограничивается зубным рядом, мягкие согласные передвигаются в палатальный ряд, и оппозиция по твердости-мягкости преобразуется в оппозицию по локальному ряду (Чекман, 1969).

По терминологии Н.С.Трубецкого, в ходе этого преобразования оппозиция утрачивает привативность и пропорциональность, сохраняет одномерность и становится эквиполентной. При этом оппозиция продолжает быть нейтрализуемой, как это имеет место в чеш., слцк., ск. (Трубецкой, 1960:147). Иными словами, нейтрализуемая коррелятивная оппозиция преобразуется в нейтрализуемую некоррелятивную.

Это положение, как кажется, в большей степени исходит из артикуляционной специфики образующих оппозицию согласных, чем из логики отношений между ними. Прежде всего, оппозицию между согласного дентального и палатального ряда можно интерпретировать как пропорциональную, поскольку это противопоставление актуально для согласных разного способа образования. Даже при минимуме палатальных согласных в славянских языках различие по дентально-палатальному ряду повторяется в сочетании с взрывным образованием, смычно-проходным носовым и латеральным.

Согласные одного способа образования, локализованные в зубном и палатальном ряду, различаются высотой собственного тона. Вызавшее этот акустический эффект артикуляционное различие интерпретируется по-разному в зависимости от наличия/отсутствия аналогичного различия в других локальных рядах. И здесь возника-

ет вопрос: почему различие по твердости-мягкости не может существовать в пределах одного локального ряда? Почему оппозицию дентальных-палатальных нельзя считать привативной, каковой она признается при наличии мягких губных? Тем более, что в славянских языках корреляция твердости-мягкости вообще не унифицирована относительно локального ряда, включенных в нее согласных. Коллации возможны и они касаются не только губного ряда, но и переднеязычного и заднеязычного. Ср. возможность противопоставления в переднеязычном ряду в украинских диалектах (ш'ешка - решетник, ж'еба - ножом, р'ед - смерека); в белорусских - р - р' может быть, а может и отсутствовать; к-к', г-г' восточноболгарских говорах.

В рамках описания одного языка (диалекта) оппозиция дентальных-палатальных согласных может интерпретироваться любым из двух способов. Какое из двух решений выбрать - считать ли в этой оппозиции функционально значимым различие в высоте тона или различие в месте образования - это, в конце концов, зависит от исследователя. Сама по себе оппозиция допускает оба решения.

Но совсем другая ситуация имеет место в контексте сопоставления описаний разных языков (диалектов), когда в одних языках различие по твердости-мягкости представлено в губном и дентальном ряду, и мягкие зубные фонемы реализованы палатальными согласными, а в других языках - мягких губных нет, но есть оппозиция дентальных-палатальных одного способа образования. В рамках такого сопоставления возникает проблема - как аргументировать то, что нейтрализуемая, пропорциональная оппозиция, реализуемая дентальным и палатальным согласным, в одном случае должна считаться привативной, а в другом - эквивалентной. Убедительных аргументов в пользу

такого решения нет.

По-видимому, пропорциональную оппозицию дентальных-палатальных согласных одинакового способа образования в славянских языках даже при отсутствии мягких губных надо квалифицировать как реализацию оппозиции твердости-мягкости в том случае, если эта оппозиция нейтрализуется.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Русская диалектология. Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М., 1964.

2. Журавлев В.К. К понятию "силы" фонологической оппозиции. - В кн.: "Фонетика. Фонология, Грамматика". М., 1971.

3. Колесов В.В. Позиционное ограничение как предел свертывания динамической системы. - В кн.: "Звуковой строй языка". М., 1979.

4. Кузнецова А.М. Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости-мягкости согласных в русских говорах. - В кн.: "Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров". М., 1969.

5. Мартине А. Нейтрализация и синкретизм. ВЯ, 1969, № 2.

6. Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.

7. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.

8. Чекман В.Н. К развитию особенностей белорусского консонантизма. ВЯ, 1969, № 2.

9. Чекман В.М. Гісторыя проціпастаўленняў па цвёрдасці-мяккасці ў беларускай мове. Мінск, 1970.

ТЕМП, РИТМИКА И СТРАТЕГИЯ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ

Роль просодических явлений в восприятии речи исследовалась во многих работах. В настоящем сообщении изучается один из возможных подходов к комплексному исследованию проблемы взаимовлияния различных речевых параметров в восприятии речи и, в частности, выбора той или иной стратегии речевосприятия в зависимости от темпо-ритмических характеристик высказывания. Эксперимент, данные которого легли в основу сообщения, проведен на материале китайского языка; авторы рассчитывают продолжить и расширить эксперимент с привлечением материала языков разных типов, в том числе русского.

Экспериментальная программа состояла из 20-ти простых предложений, преимущественно нераспространенных. Для уменьшения лексико-семантической предсказуемости слов, вошедших в предложения, в качестве сказуемых использовались только глаголы с "широкой" семантикой: уои 'иметь(ся)' и маі 'покупать'. Каждое предложение включало 6 слогов (слогоморфем).

Синтаксическая структура предложений программы допускала лишь одну "большую" паузу (Николаева, 1969), хотя место паузы в отдельных предложениях могло варьировать в зависимости от коммуникативных намерений говорящего.

Все предложения были начитаны диктором, носителем литературной нормы путунхуа, в двух темпах при среднем соотношении темпов I : 0,49; темп, принятый за единицу, в дальнейшем именуется "нормальным" (в нашем случае - 4,05 слога в сек.), а темп, при котором длительность предложений составила 0,49 от "нормальной",

обозначается как "быстрый" (8,22 слога в сек).

С помощью электронного ключа-сегментатора магнитные записи предложений были рассечены по границе, соответствующей "большой" паузе¹, и получившиеся в результате "половинки" предложений подверглись взаимной пересадке. В итоге каждое предложение программы реализовалось в 4-х вариантах: нормальный темп (серия № 4), быстрый темп (серия № 3), первая синтагма (до паузы)² - в нормальном темпе, вторая - в быстром (серия № 2) и первая синтагма в быстром темпе, вторая - в нормальном (серия № 1).

Серии экспериментальной программы были предъявлены 6-ти аудиторам - носителям китайской литературной нормы; прослушивание осуществлялось в заглушенной студии звукозаписи через громкоговорители в последовательности, соответствующей номерам серий. Испытуемым предлагалось записать услышанные предложения в иероглифиче-
ске; при этом не вводилось каких бы то ни было дополнительных

¹ Перерыва звучания, который соответствовал бы паузе, не было практически ни в одном предложении, эффект паузы создавался типом взаимодействия тональных, ритмических и интонационных характеристик на стыке соответствующих синтагм. В предложениях экспериментальной программы такая пауза имела место после первого слога (4 случая), второго (7 случаев), третьего (6) и четвертого (3 случая).

² Здесь и далее мы называем обе части предложений - до и после паузы - "синтагмами", хотя этому, возможно, противоречит отсутствие грамматического и смыслового единства внутри некоторых из таких частей. Так, в предложениях *wǒ bǎ zhǐ mǎi le yī niú* 'Я бумагу купил для тебя' и *wǒ bǎ zhōubào mǎi mǎi* 'Я часн не купил' первую синтагму составили соответственно *wǒ bǎ zhǐ* 'я бумагу' и *wǒ bǎ* ('я' + предлог прямого дополнения *bǎ*). Здесь дело не только в том, что предложения данного типа вообще могут реализоваться как односинтагменные: фонетическое примыкание предлога к предшествующей синтагме (а не последующей) известно и в других случаях (1). Мы не будем специально обсуждать эту проблему, тем более, что членение на такого рода "квасисинтагмы" представлено в нашем материале лишь двумя предложениями из двадцати.

требований или оговорок, в том числе не оговаривалось разрешение (запрещение) проставлять прочерки вместо неопознанных элементов предложений¹.

В ответах аудиторов изучались слоговая разборчивость и разборчивость предложений – процент опознанных слогов и предложений; при пропуске или замене любого элемента (элементов) слога или предложения последние считались не опознанными. Полученные результаты сведены в таблицы и графики.

Таблица I

Средняя разборчивость слогов и предложений (в %)

	Серия	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
	Позиция слога				
СЛОГИ	I	40,8	88,3	98,3	100
	II	20,8	69,2	100	98,3
	III	41,7	62,5	99,1	98,3
	IV	71,7	63,3	95,8	100
	V	92,5	84,1	96,7	100
	VI	95,8	93,4	98,3	99,1
	средняя	60,5	76,8	98,0	99,3
	предложения	11,7	45,0	93,3	97,5

¹ Почти везде в ответах аудиторов число слогов экспериментальных предложений сохранялось, лишь в 4,2% случаев опущен I слог без отметки прочерком, которым аудиторы обозначали неопознанный слог, и в 0,27% случаев добавлен лишний слог. Все прочие не опознанные и при этом не замененные другими слоги (25,6% для серии № 1 и 17,8% для серии № 2) отмечались в протоколах прочерками.

Таблица 2

Средняя слоговая разборчивость
в зависимости от позиции паузы (в %)

Позиция паузы	Серия № 1		Серия № 2	
	до паузы	после паузы	до паузы	после паузы
После I слога	40,0	74,0	80,0	76,0
После II слога	18,6	72,1	74,3	72,9
После III слога	15,6	85,6	84,3	76,7
После IV слога	63,3	100,0	73,3	76,6

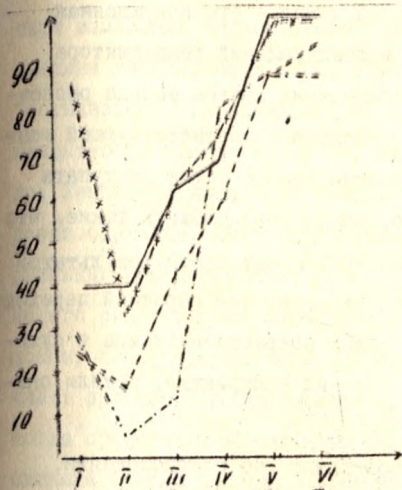

Рис. I-а (серия № 1)

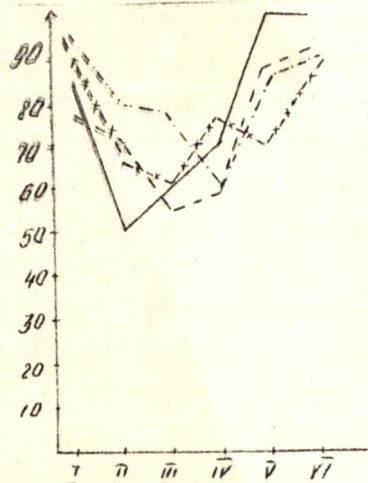

Рис. I-б (серия № 2)

Слоговая разборчивость в зависимости от позиции слога

————— пауза после I слога - - - - - пауза после II слога
 - - - - - пауза после III слога -X-X-X- пауза после IV слога

Как можно видеть из приведенных данных, "сбой" темпа в экспериментальных сериях № I и № 2 вызывает значимое понижение разборчивости. Этот результат представляется вполне естественным. Уже рассуждая "с позиций здравого смысла", легко предположить, что воспринимающий речь человек настраивается на определенный темп, и немотивированная смена темпа внутри предложения "дезориентирует" его, вызывая определенную дезорганизацию процесса восприятия.

Однако таким простым рассуждением явно невозможно объяснить всю совокупность экспериментальных данных. Если единственный результат искусственного перебоя темпа — это вынужденная, "аварийная" смена подстройки под индивидуальный темп диктора, то, очевидно, первая синтагма высказывания должна всегда распознаваться вполне удовлетворительно (близко к соответствующей контрольной серии), и только после границы темпов может наступать падение разборчивости. Кроме того, можно предположить также, что переход от быстрого темпа к нормальному имеет своим результатом менее значительное ухудшение разборчивости, чем обратный переход: кажется почти очевидным, что внезапное возрастание темпа в существенно большей степени ухудшает условия восприятия, нежели снижение темпа.

Представленные материалы опровергают оба предположения, сделанные выше, несмотря на их кажущуюся естественность. Во-первых, ни в одной из первых двух серий слоговая разборчивость первой синтагмы не приближается к контрольной, а в серии № I первая синтагма воспринимается хуже, чем вторая, следующая за перебоем темпа. Во-вторых, при переходе от быстрого темпа к нормальному общее падение разборчивости больше, чем при обратном переходе.

о Как можно объяснить эти факты?

Л.А.Чистович и др. говорят о реалистичности гипотезы, согласно которой воспринимающий речь человек должен использовать параметр так называемого "мгновенного" темпа - обычно оценку длительности слога на произвольном отрезке звучания: "измеряя величину "мгновенного" темпа и записывая ее в оперативную память одновременно с фонемной информацией, мы получили бы возможность сравнивать величины "мгновенных" темпов по обе стороны словесной границы, обнаруживаемой при лингвистическом анализе, и тем самым - оценивать степень выделенности слов во фразе" (Чистович, 1976: 104). Авторы гипотезы, как явствует из приведенной цитаты, считают измерение "мгновенного" темпа необходимым лишь для оценки степени выделенности слов, служащей фонетическим субстратом "логического ударения" и т.п. Однако область использования и релевантность измерения темпа, как представляется, несравненно выше. Темп речи должен во многом предопределять выбор стратегии речевосприятия, выбор кода единиц, используемых в качестве оперативных при восприятии речи. Дело в том, что в зависимости от целого ряда условий слушающий может воспринимать речь в терминах фонем, слов, предложений и т.п. Выбор, например, кода слов означает: при обычном протекании процесса восприятия "сверху вниз", когда средствами высших уровней обеспечивается грубая оценка сигнала (число слогов, место ударения и под.), а средствами низших эта оценка постепенно уточняется, именно слова являются теми "последними" единицами, чьи собственные фонологические признаки специально анализируются; признаки фонем как самостоятельных единиц в этом случае уже не используются, установление фонемного состава слова выступает как побочный продукт опознавания

слова по его собственным фонологическим признакам, а также по грамматическим и семантическим характеристикам (Касевич, 1981). Выбор кода оперативных единиц, выбор стратегии речевосприятия определяется прежде всего уровнем избыточности данного текста. Однако значительную роль в этом должен играть и темп речи: ясно, что чем быстрее темп, тем более крупные оперативные единицы должен использовать воспринимающий речь человек, поскольку, как известно, слуховой канал связи человека обладает сравнительно ограниченной пропускной способностью (Либерман, Купер, 1967).

В свою очередь, укрупнение оперативных единиц восприятия означает переход к использованию более грубых, более обобщенных фонологических признаков (при одновременном перемещении "центра тяжести" в сферу грамматики и семантики как источника полезных признаков).

Именно этим и объясняется, надо думать, низкая разборчивость предложений серии № I. Быстрый темп начала предложения диктует выбор некоторых относительно крупных единиц в качестве оперативных¹. Собственные фонологические признаки единиц такого рода — преимущественно просодические: ритмические, интонационные. При выборе кода крупных единиц слушающий ориентируется соответственно на просодические признаки, отвлекаясь от сегментных. В нормальных условиях просодических признаков (шире — собственных признаков крупных единиц) оказывается достаточно, чтобы при опоре на грамматику и семантику добиться удовлетворительного распознавания речи, увеличения темпа речи компенсируется укрупнением оперативных

¹ Было бы преждевременным пытаться точно определить, какие именно единицы используются в качестве оперативных в тех или иных условиях (ср. также ниже).

единиц восприятия. Действительно, в контрольных сериях слоговая разборчивость при быстром темпе понижается по сравнению с нормальным всего на 1,3% (табл. I).

Однако в нашем эксперименте ритмико-интонационная структура высказывания нарушена. Ведь темп, динамика темпа как внутри синтагмы, так и при переходе от одной синтагмы к другой служат интегральным компонентом ритмико-интонационной структуры предложения. Поэтому, коль скоро соотношение темпов первой и второй синтагм находится в противоречии с ожидаемым, слушающий во множестве лишается возможности использовать в качестве ключа, полезного признака интонационно-ритмические признаки синтагмы и предложения. В условиях, когда сформировавшаяся установка на оперирование крупными единицами (в силу оценки темпа как быстрого) закрывает перед слушающим и другой путь, заключающийся в "тонком" фонологическом анализе, существенное падение разборчивости становится неизбежным.

В целом довольно заметно отличаются данные экспериментальной серии № 2. Здесь нет столь резкого различия в разборчивости первой и второй синтагм, как в серии № I. По-видимому, нормальный темп первой синтагмы не вынуждает слушающего максимально укрупнять единицы восприятия и, как следствие, дает в его распоряжение возможность оперировать большим объемом фонологической информации (фонологических признаков). Это повышает точность восприятия по сравнению с серией № I. В то же время и в обычных условиях, а не только в экстремальной ситуации быстрого темпа, обязателен анализ ритмико-интонационной структуры высказывания на одном из начальных этапов восприятия. Искажение в эксперименте этой важной информации ухудшает восприятие.

На рис. I-а и I-б хорошо видна общая тенденция в динамике слоговой разборчивости, распространяющаяся на обе первые экспериментальные серии. Эта тенденция состоит в довольно резком падении разборчивости "в середине" предложения с последующим ее улучшением к завершающему слогу. Причем существенно, что граница снижения разборчивости не соотносится однозначно с границей, отделяющей первую синтагму от второй. Так, резкое ухудшение разборчивости приходится на второй слог и в том случае, когда граница между синтагмами (и, следовательно, "перебой" темпа) располагается после четвертого слога (рис. I-а).

Объяснение, как нам представляется, следует искать в предпосылках для китайского языка двух- и трехсложных образований. По имеющимся в литературе данным, на двусложные фонетические слова приходится 60% китайского текста, на трехсложные - 26% (Задоенко, 1980). Двусложные и трехсложные образования обладают тонально-ритмическим, грамматическим и смысловым единством и выступают в качестве особых оперативных единиц при восприятии речи. Оперативные единицы высших уровней обычно обладают особыми "ключевыми точками" - наиболее информативными участками-компонентами, для слова к таким "ключевым точкам" относится, по-видимому, начальный слог (Касевич, 1974). В китайском языке особая роль первого слога поддерживается его просодической выделенностью, именно в первом слоге максимально реализуются дифференциальные признаки тонов. Последний слог слова, напротив, является своего рода слабой позицией. Таким образом, вклад разных слогов слова в формирование набора его собственных признаков не одинаков. Соответственно, хотя при использовании кода слов накопление информации, необходимой для адекватного восприятия, должно происходить,

как правило, к концу каждого второго - третьего слога, для первых слогов вероятность адекватного распознавания больше в силу их особой роли и тональной "полноценности", в то время как последние слоги могут восприниматься хуже. В нормальных условиях эта разница не сказывается, так как она компенсируется использованием интонационных признаков, признаков сегментных единиц (когда и насколько необходимо) и т.д. В условиях же нарушенной ритмико-интонационной структуры вторые - третьи слоги (которые в нашем материале и составляют "середину" предложений) оказываются особенно уязвимыми, их разборчивость падает. Необходим, конечно, больший статистический материал, включающий достаточное число примеров разных типов предложений, чтобы проверить сформулированную гипотезу.

Наконец, значительное улучшение разборчивости к концу предложений говорит, по-видимому, о том, что стратегия речевосприятия может гибко изменяться в процессе поступления речевого сигнала. В нашем случае аудитор, обнаружив искаженную, неестественную, а потому затрудненную для использования ритмико-интонационную структуру, переходит, очевидно, к более "тонкому" фонологическому анализу, к учету признаков более мелких единиц, что и имеет результатом существенное повышение разборчивости. Иными словами, тот же результат - высокая разборчивость - здесь достигается, скорее всего, другими средствами по сравнению с обеими контрольными сериями: если в последних выше роль грамматико-смысловых факторов, при грубом, прежде всего просодическом по своей природе фонологическом анализе, то в сериях № 1 и № 2, вероятно, выше удельный вес "тонкого" фонологического анализа, в том числе, возможно, и сегментного состава высказывания, особенно в том, что

касается конца второй синтагмы.

Надо добавить, что такому более тщательному анализу коды предложения способствуют ее объективные характеристики - значительное увеличение длительности одного или двух последних слогов (Шабельникова, 1980) (особенно характерное для индивидуальной манеры нашего диктора).

Мы вынуждены отказаться от обсуждения многих вопросов, в частности, проблемы влияния лексико-грамматических характеристик слов на их восприятие, где обнаруживаются довольно устойчивые корреляции^I, и ряда других. Думается, что изложенная экспериментальная методика и пути истолкования полученных данных могут внести определенный вклад в "распутывание" сложнейших проблем взаимодействия различных факторов в восприятии речи.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Задоенко Т.П. Ритмическая организация потока китайской речи. М., 1980.
2. Касевич В.Б. О восприятии речи. - Вопросы языкознания, 1974, № 4.
3. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. АДД. Л., 1981.
4. Либерман А.М., Купер Ф.С. и др. Некоторые замечания о носительной эффективности звуков речи. - В кн.: Исследование речи. Новосибирск, 1967.
5. Николаева Т.М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.

^I Например, хуже всего в начальной позиции воспринимается слово-тема, что в общем понятно, так как для слова-темы существуют наиболее, может быть, строгие правила интонационного оформления (обязательность увеличения длительности и выраженность паузы (Шабельникова, 1980), поэтому их нарушение особенно пагубно сказывается на восприятии.

6. Чистович Л.А. и др. Физиология речи. Восприятие речи человеком. Л., 1976.

7. Шабельникова Б.М. Восприятие тонов и сегментных единиц китайской речи. КД. Л., 1980.

Г.С.Клычков

К ИЕРАРХИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

Современная фонология как в генеративном, так и в таксономическом варианте теории отличается множественностью и противоречивостью систем применяемых дифференциальных признаков.

Множественность и противоречивость концепций в современной фонологии заставляет начать изложение теории дифференциальных признаков с наиболее общих признаков. Логические преимущества дихотомического разбиения, дающего строгую модель распределения информации (функциональной нагрузки) внутри фонологической системы, должны быть использованы таким образом, чтобы исключить противоречия с данными конкретных языков, где существенны эквиополентные противопоставления, которые чаще всего принимают форму оппозиций трех классов типа: губные – зубные – заднеязычные. Все модальные противопоставления легко сводимы к привативному типу "А – не А". При переводе тройственных локальных эквиополентных противопоставлений в дихотомию должны использоваться только контрарикторные признаки. Средний элемент противопоставления в тройках локальных классов оказывается нейтральным членом, обладающим двумя признаками со знаком "-".

Модель членения совокупности локальных различий

В этой модели возникают три класса, противопоставленные по двум дифференциальным признакам $Д^1$ и $Д^2$, причем, один из этих классов $\begin{bmatrix} -Д^1 \\ -Д^2 \end{bmatrix}$ занимает срединное положение и объединяет два немаркированных члена двух привативных оппозиций. В этой системе невозможен класс типа $\begin{bmatrix} +Д^1 \\ +Д^2 \end{bmatrix}$, поскольку используются только контрадикторные признаки, несовместимые в одном классе. Подобный подход к описанию локальных классов подсказывается тем, что в различных языках на синтагматической оси обычно наиболее частотным, а следовательно, немаркированным, оказывается срединный локальный класс ("зубные").

В языке, очевидно, действуют два принципа, две противоположные тенденции: тенденция асимметрии классов (Карцевский, 1929) и тенденция равновесия, эквидистантности фонем (Мартине, 1955), результате которой промежуточный немаркированный класс функционально сближается с одним из маркированных и одновременно распадается на подсистемы, тяготеющие к разным полюсам маркированности. Так, сонорные, промежуточный класс между гласными и собственно согласными, тяготея к согласным, образуют два подкласса: полугласный i , u или зауженных гласных и преградных (носовых) m , n , g . Между ними возникает свой промежуточный класс плавных

[г, 1].

Решающим вопросом для теории смысловозличения является определение направления маркированности и роль критерия частотности. Принцип "немаркированный член привативной оппозиции более частотен" отвечает общим принципам теории информации и подтверждается для большинства фонологических пар в разных языках. Хотя "закон Бурдона" первоначально был выведен на недостаточно большой выборке (Бурдон, 1892) и не имеет абсолютного характера (Крамски, 1959), все же несомненно, что именно срединный немаркированный класс оказывается самым частотным (Денес, 1964; Гак, 1977); самые частые фонемы в разных языках — это [d, t, n, s]. На материале английского языка по данным семидесятитысячной выборки фонемоупотреблений (Денес, 1964) при подготовке данной статьи были проведены подсчеты критерия согласия рядов маркированных и немаркированных фонем (в фонологическом описании данной работы). При постулате полной взаимозависимости фонемных частот между собой (как внутри локальных классов, так и между ними) значимость расхождения обладает вероятностью 99%, при гипотезе полной независимости — 70%. Реальная вероятность частотного расхождения ряда маркированных и немаркированных фонем не на основании их структурного противопоставления, а в результате случайности, лежит, таким образом, между 30% и 1%. На дальних от вершины разветвлениях классификационного дерева "цена маркированности" в терминах различий частот оказывается меньше, чем на ближних, в срединном классе — меньше, чем в периферических, в тройственных противопоставлениях со срединным классом — меньше, чем при дихотомическом разбиении. Изменение направления маркированности отмечено только в одной паре: в [t - d, k - g] маркированы "звонкие", в [p - b] —

"глухие", в аффрикатах и фрикативных – "звонкие". Частоты фонем в целом оказались распределенными биномиально вокруг средней, причем распределение близко к нормальному – таким образом, сами частоты не несут информацию о системе языка. Значимы только отношения частот (Клычков, 1962). Для проверки наблюдений было сделано 15 выборок, каждая из которых закрывалась при достижении самой частой фонемой [ə] частоты 100. Тем самым все остальные частоты одновременно давали процентное отношение данной частоты к частоте наиболее распространенной фонемы. На гистограммах частоты фонем в разных выборках распределились биномиально вокруг эталонной частоты нейтральной гласной, к которой были близки частоты [t] среди шумных и [n] среди сонорных. При увеличении числа выборок распределение стремилось к нормальному, частоты близких фонем перекрывали друг друга в разных выборках, но общее направление кривых соответствовало повышению функциональной нагрузки (маркированности). Степени маркированности соответствовала степень крутизны падения частоты фонем в каждом из трех классов (гласные, сонорные, шумные), наибольшая крутизна (скорость изменения частот) отмечалась в гласных, наименьшая – в шумных. Отношения частот "гласные – шумные – сонорные" в шестиместной таблице были вычислены по данным пяти выборок и по выборке (Денес, 1964), согласие между большой и диагностической выборкой лежало в пределах 0,95 и 0,98. В диагностической выборке не подтвердилась реверсия маркированности в паре [t – d], вместо различия в два раза ([t] чаще [d]), эти фонемы оказались практически равновероятны, различия в парах p-b, g-k оказались лежащими в пределах случайного варьирования. На основании эксперимента можно сделать вывод, что для английского языка гипотеза о маркированности может

быть принята при различии средних частот классов в полтора раза, но не для последнего членения по признакам звонкости-незвонкости (напряженности-ненапряженности, придыхательности-непридыхательности).

Значительная статистическая вариативность в системе заставляет ставить вопрос о выделении наиболее существенных дифференциальных признаков, занимающих ключевое положение в систематике смыслоразличения. С этой точки зрения представляется целесообразным ввести в систему исходных признаков (major classes features) один модальный признак второго порядка, подняв его ранг на ступень выше признака фриктивности. Как известно, в системе Н.С. Трубецкого имеется три типа модальных признаков: первого порядка "фриктивность", второго порядка "звонкость - придыхательность - напряженность", третьего порядка - геминация, при этом два последние всегда занимают в классификационном дереве более далекое положение от вершины, чем модальные признаки первого порядка. В данной работе предлагается признак "турбулентность" как обобщенный признак, подчиняющий другие модальные признаки.

Признак турбулентности представляется необходимым для последовательного иерархического членения согласных: после того, как проверены признаки согласности (наличие преграды) и гласности (наличие свободного, не зауженного протока), выделяются две основные подсистемы консонантизма: собственно согласные или шумные (есть преграда, нет протока, то есть +согласность, -гласность) и сонорные (нет свободного протока, есть преграда, но она симультанно в момент возникновения нарушается, возникает спецификация: -гласность, -согласность). Симультанное нарушение преграды нельзя путать с задержанным размыканием у аффрикат, когда

нарушение смычки, фриктивная рекурсия занимает от 60% до 68% длительности согласного (Скалозуб, 1963:38; Златоустова, 1962: 68; Кузнецова, 1977:139 и сл.), поэтому совершенно неверно, что "носовые являются аффрикатами" (Фоули, 1977:39 и сл.). "Турбулентный шум" (Кузнецова, 1977:136), возникающий при артикуляции аффрикат, соотносится со следующим в иерархии после гласности-согласности признаком турбулентности, который предполагает, что преграда так или иначе усложняется, преграда становится "затормозом" с дополнительным источником шума. С чисто физической точки зрения всякая артикуляция вызывает не ламинарный, а турбулентный поток, при восприятии речи эффект "турбулентности" может быть достигнут за счет уменьшения скорости протяжки ленты на магнитофоне (то есть общего понижения спектра), растяжение звука [s] приводит к возникновению турбулентных фонов, это "твердые свистящие", свистяще-шипящие, хрипящие и т.д. вплоть до "светлой" h-образной градации (Гаприндашвили, 1971, 1959). Границей этих вариаций является чистый звук [s], ускорение скорости протяжки ленты не меняет его акустического восприятия. В ряде индоевропейских языков сдвиг фонемы [s] в более заднюю артикуляцию после [i, u, r, k], а также в предвокальном и интервокальном положении приводит к аналогичному эффекту (Клычков, 1959). Турбулентные фонемы обычно не начинают, а замыкают цепочку следующих друг за другом диахронических изменений, они, как правило, бывают рецессивными или отмеченными (в теории Гамкредидзе-Меликишвили). Турбулентность предполагает также наложение, созмещение артикуляций (Клычков, 1981), турбулентные занимают крайнее правое положение в градуальных оппозициях по гамма-параметру Дж.Фоули (Фоули, 1977:38). В системе признаков Р.Якобсона наиболее близкий признак

- резкость, но, с нашей точки зрения, м.зубный спирант относится к турбулентным в отличие от [в]. В системе Р.Якобсона - обратное соотношение: [в] - фзкое, [θ] - нерезкое. Представляется, что в описании Р.Якобсона преувеличена роль дополнительного шума от лабиализации в (ср. Лейдфогд, 1975:49). Свистящий является доминантным по сравнению с [θ] (Бирхан, 1979; Шерман, 1975), в современном английском он в 8,5 раза чаще [θ], в ряду диахронических вариантов [θ] занимает конечную позицию: [t > t^h > θ], либо предконечную позицию [к' > t' > t^θ > θ > в (Моргенштерне, 1945). В немецком эта фонема аналогична аффрикатам, то есть [t > t^h > ts] (Фондихт, 1958, 1964). При артикуляции [θ] площадь образования щели больше, чем у в, в сублитературном англо-американском произношении [θ] является аффрикатой или взрывным (Лабов, 1966:380). Причем, в этом случае "влияние субстрата (идиш, итальянского, ирландского) следует видеть в ускорении тенденций, присущих английскому языку Нью-Йорка, а не в ведении новых вариантов или новых структурных отношений" (там же, 307). Фонема представляется более сложной, зашумленной еще и потому, что размыкание в интервокальном положении щели "оставляет" придыхание (Лэсс, 1976:157), в детской речи [θ] является "шепелявым" субститутотом как [в], так и [f] (Московиц, 1975:141; Андерсен-Ньюби, 1973:204). Из сонорных турбулентным является [r], при наличии в системе звука [r̥] он образует градуальную оппозицию по степени турбулентности¹. В фонологической литературе ранее тер-

¹ Подобно тому, как эквиполентная оппозиция может быть представлена как наложение двух привативных, по разным признакам, градуальная оппозиция описывается как совмещение двух (или более, если градаций признака больше) привативных оппозиций, у которых немаркированный член совпадает, а маркированные члены обладают одним и тем же признаком в разной степени. При переработке системы Хомского-Халле ряд лингвистов предлагал заменить пару признаков "высокий-низкий" признаком степени открытости с тремя или четырьмя спецификациями (Соммерштейн, 1977:102, 112; Контеррас, 1969; Макколы, 1970).

мин "турбулентные" употреблялся как синоним "шумных" ("bruisant" - Макколи, 1967:119; Брозович, 1967:161; Муляич, 1969:105). "Выигрыш" от включения в систему признака турбулентности заключается в том, что он позволяет получить классы с маркированностью, подтверждаемой статистически. Средние частоты фрикативных и взрывных фактически равны (в английском языке - 3,44 и 3,41), класс аффрикат низкочастотен (0,88), что исключает тройственное противопоставление с немаркированным срединным классом. В то же время среди турбулентных [t], dʒ, θ, ʒ, [ʒ] маркированы аффрикаты (в два с половиной раза реже), среди нетурбулентных маркированы фрикативные (в полтора раза реже). Признак турбулентности детерминирует маркированность по прерванности, среди нетурбулентных маркирующим признаком является проточность. Данные соотношения представляются универсальными.

Одновременно выделяется класс, в котором наблюдается зависимость модальных признаков от локальных (-турбулентные), а также класс (+турбулентные), не допускающий в синтагматике начальных сочетаний с другим согласным или конечных сочетаний согласных, неразделенных морфемной границей (Торсуев, 1975:13, 31).

Структурная сложность дифференциальных признаков (Джапаридзе, 1979, а, б) предполагает возможность их синтеза. Синтез признаков предполагает несколько типов отношений. Синтез нескольких признаков может давать обобщающий признак (cover feature): зубные + губные = предсрединные. В этом случае соединяются независимые и несовместимые признаки. Признаки, находящиеся в интердепенденции, образуют один сложный или комплексный признак. Так, в языках, где нет передних огубленных, задняя артикуляция (засрединность) и огубленность образуют смыслоразличительный комп-

лекс. Наиболее интересный случай образуют "эшелонированные" признаковые комплексы, когда признак на предыдущем узле классификационного дерева детерминирует последующий. Так, турбулентность предопределяет маркированность по признаку прерванности, немаркированность по признаку турбулентности предопределяет маркированность по признаку проточности. Наконец, признаки могут находиться в вероятностной зависимости: в предцентральной артикуляции повышается вероятность признака придыхательности, связанного взаимозависимостью с напряженностью, у турбулентных прерванных (аффрикат) возникает лабиализация. Признаки разной степени абстракции в фонологии, дифференциальные и интегральные фонологические свойства образуют континуум.

Поведение признаков на разных уровнях фонологической системы — фразовом или просодии, слоговом или просодике, в подсистемах гласных, сонорных и шумных — подчиняется периодической закономерности. На нечетных позициях в этом ряду (просодия, гласные, шумные) преобладает тенденция синтеза и обобщения признаков, на четных (просодика, сонорные) преобладает анализ, вариативность и мультипликация признаков. Просодия имеет обобщающий синтезирующий характер. Просодическая структура фразы подчиняет словесные акценты, ритмизирует соотношения долгот и консонантных скоплений, объединяет различия в подсистемах тональности, тоничности и тона. Новые признаки возникают в слоговой структуре (просодике) в результате взаимодействия вокалических и консонантных компонентов слога. Таким образом, генерируются признаки движения тона, сжатогортанные артикуляции, аспирация и т.д. (Сравн. Блох, 1918; Клычков, 1966 и т.д., обзор в Крычков, 1981.)

Подсистема вокализма характеризуется как область синтеза

новых признаков. Развитие индоевропейских языков шло от простого вокализма путем его усложнения. Согласные сонорные – это еще одна область генерации новых признаков – исходные элементы в негации (–согласность, –гласность) порождают сонорность, сидлабичность, зауженность (полугласность), вибрантность (вкупе с признаком турбулентности), назальность (с признаком прегражденности, "обструентности"), латеральность (сравни. глухие сонорные – фрикативные) и т.д. Подсистема шумных характеризуется строгой иерархической детерминацией "старшими" признаками параметров на нижних узлах классификационного дерева, наличием импликационных зависимостей (напряженность предполагает аспирацию, мягкость не совмещается с аспирацией и т.д.).

Периодичность распределения вариативности–константности внутри уровней связана, вероятно, с энергетическим балансом подсистем фонологической системы. По верхнему порогу используемых акустических частот просодия относится к области наиболее низких частот, шумный консонантизм – наиболее высоких; просодия в максимальной степени позволяет увеличить интенсивность (громкость) сигнала, в шумных согласных эта возможность наименьшая.

Таксономия дифференциальных признаков строится исходя из принципа объективного существования фонологического различия, реально представленного в соответствующем фонемном классе. Существует ряд указаний на то, что первичными элементами языкового варьирования являются дифференциальные признаки, в терминах дифференциальных признаков происходит коммутация смысла и зву-

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
2. Гаприндашвили Ш.Г. К вопросу об артикуляционных особенностях шипящих и свистящих спирантов на материале некоторых иберийско-кавказских языков. - "Иберийско-кавказское языкознание", т. 9, 1959.
3. Гаприндашвили Ш.Г. Акустические градации турбулентных щелевых согласных. Уч. зап. МПИИЯ им. М.Тореза, т. 60, 1971.
4. Герценберг Л.Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.
5. Джапаридзе З.Н. О меризматическом уровне лингвистического анализа. - В кн.: Звуковой строй языка. М., 1979.
6. Джапаридзе З.Н. О компонентах различительных признаков фонем. - В кн.: Фонетика. Фонология. Интонология. М., 1979.
7. Златоустова Л.В. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
8. Клычков Г.С. Некоторые замечания о соотношении статистики речи и структуры языка. - Иностранные языки в высшей школе, № 2, М., 1962.
9. Клычков Г.С. Типология фонологических систем. Исландский консонантизм и скандинавские тоны. - В кн.: Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
10. Клычков Г.С. Передвижение согласных в ведическом. Уч. зап. МОПИ им. Н.К.Крупской, т. 234. - Иностранные языки, вып.23.

¹ Вариативность звуковой формы слова с различием в один дифференциальный признак регулярно сопровождается семантическим различием в ведических текстах (Блумфильд М., Эджерто, 1932; Клычков, 1969), сравн. убедительную "признаковую" трактовку ларингальных и объяснение рядов шумных воздействием просодических признаков (Герценберг, 1981). См. также убедительный анализ в терминах кинакем фонологического-типологических черт, сближающих протоиндоевропейский праязык с фонологией корнеизолирующих языков (Плоткин, 1982:17 и сл.).

М., 1969.

11. Клычков Г.С. Просодические и сегментные признаки в реконструкции общеиндоевропейского консонантизма. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 40, № 2, 1981.

12. Кузнецова А.М. Разновидности способа образования согласных в русских говорах. - В кн.: Экспериментальные фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.

13. Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем. М., 1982.

14. Скалозуб Л.Г. Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка. Киев, 1963.

15. Торсуев Т.П. Строение слога и аллофоны в английском языке. М., 1975.

16. Anderson V.A., Newby H.A. Improving the Child's Speech. 1973.

17. Birkhan H. Das "Zipfische Gesetz", das Schwache Präteritum und die germanische lauteverschiebung. Wien, 1979. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Sitzungsberichte, 348 Bd.)

18. Bloch J. Intonation en penjabi. Une variante asiatique de la loi Verner. - In: "Mélange linguistique offerts a J.Vendryes". Paris, 1925.

19. Bloomfield M., Egerton F. Vedic Variants. A study of variant readings in the repeated Mantras of the Veda, II, Phonetics, Philadelphia, 1932.

20. Brczovic D. Sull' inventario dei fonemi serbocroati e loro tratti distintivi. - "Die Welt der Slaven", Bd. 12, 1967.

21. Bourdon B. L'expression des émotions et des tendances dans le langage. Paris, 1892.

22. Denes P.B. On the statistics of spoken English. Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 17, Hft. 1, 1964.

23. Du dualisme asymétrique du signe linguistique. "Travaux du cercle linguistique de Prague", I, 1929.

24. Contreras H. Simplicity, descriptive adequacy, and binary features. - "Language", v. 45, N. 1, 1969.
25. Kramsky J. A quantitative typology of languages. "Language and Speech", v. 2, 1959.
26. Labov W. The social stratification of English in New York City. Washington, 1966.
27. Ladefoged P. A course in phonetics. New York, 1975.
28. McCawley J.D. Le rôle d'un système de traits phonologiques dans une théorie du langage. "Language", 8, 1967.
29. McCawley J.D. On the role of notation in generative phonology. In: The formal analysis of natural languages. The Hague, 1973.
30. Martinet A. Economie des changements phonétiques. Berne, 1955.
31. Morgenstierne G. Indo-European k in Kafir. - "Norsk tidsskrift f. Sprogvidenskap", v. 1, 1945.
32. Moskowitz B.A. The acquisition of fricatives: A study in phonetics and phonology. - "Journal of Phonetics", 3, 1975.
33. Muljačić Z. Fonologia generale e fonologia della lingua italiana. Bologna, 1969.
34. Vonficht T. Mischung von Affrikaten mit Aspiraten für germanische P T K in hochdeutschen Mundarten. - "Zeitschrift für Phonetik", Bd. 17, Hft. 1, 1964.
35. Poley I. Foundations of theoretical phonology. Cambridge, 1972.
36. Sommerstein A.H. Modern Phonology. London, 1977.
37. Sherman D. Stop and fricative Systems: A discussion of paradigmatic gaps and the question of language sampling. In: Working papers on language universals. 17, 1975.

ДИНАМИКА ТЕМПА В СИНТАГМЕ

I. Из экспериментально-фонетических исследований известно, что в русском языке (как и во многих других языках) длительность разных компонентов фонетического слова в конечной позиции синтагмы и фразы увеличена сравнительно с длительностью тех же компонентов в неконечных позициях. Это явление, называемое обычно конечным продлением, описывается также в терминах динамики внутрисинтагменных темповых соотношений как замедление темпа к концу синтагмы. При такой трактовке в связи с относительностью понятия "замедление" возникает вопрос о том, какой тип (типы) темповых соотношений реализует конечное продление. Действительно, даже при учете только трех градаций темпа (быстрый-нормальный-медленный) в речи диктора, замедление в синтагме может соответствовать трем разным типам темповой динамики: 1) быстрый темп произнесения слова в неконечных позициях – медленный темп произнесения слова в конечной позиции ($\frac{\text{О}}{\text{НК}} \frac{\text{!}}{\text{!}} \frac{\text{М}}{\text{К}}$); 2) $\frac{\text{О}}{\text{НК}} \frac{\text{!}}{\text{!}} \frac{\text{Н}}{\text{К}}$; 3) $\frac{\text{Н}}{\text{НК}} \frac{\text{!}}{\text{!}} \frac{\text{М}}{\text{К}}$. Выяснение того, с каким типом чаще всего соотносится замедление, является весьма существенным для понимания природы конечного продления, особенностей его реализации, а также для учета этого явления в системах автоматического синтеза и анализа речи.

Приступая к рассмотрению этого вопроса, заметим, что психологически, без специального пояснения, слово "замедление" воспринимается как изменение относительно чего-то нормального, обычного, то есть соответствует модели $\frac{\text{Н}}{\text{НК}} \frac{\text{!}}{\text{!}} \frac{\text{М}}{\text{К}}$. В то же время существуют данные, которые позволяют говорить о том, что конечное продление реализует модель $\frac{\text{О}}{\text{НК}} \frac{\text{!}}{\text{!}} \frac{\text{Н}}{\text{К}}$. Это прежде всего резуль-

даты экспериментов по восприятию ударения в словах-ритмических квазиомонимах, выделенных из разных фразовых позиций, и особенности восприятия словесных ударений во фразе в условиях зашумления речевого сигнала. По данным, приводимым Н.Д.Светозаровой (1982), максимальное число ошибок, заключающихся в пропуске ударения, приходится на слова, находящиеся в середине синтагмы или нечленимой фразы, минимальное - на слова в конечной позиции. Учитывая роль длительности как ведущего параметра в реализации словесного ударения в русском языке, естественно предположить, что в неконечных позициях синтагмы создаются условия, вызывающие нечеткое выделение ударного гласного длительностью, и эти условия заключаются в быстром темпе произнесения слов, занимающих эти позиции¹.

Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы показать, что при чтении связного текста нормативным способом реализации конечного продления в синтагме является модель "быстрый темп произнесения слов в неконечных позициях - нормальный темп произнесения слова в конечной позиции"².

В качестве экспериментального материала использовался массив синтагм, выделенных в результате аудиторского анализа текста научного характера, который был прочитан диктором, имеющим средний индивидуальный темп произнесения. Объем выборки - 302 син-

¹ В литературе неоднократно высказывалась идея, что ускорение темпа можно рассматривать как источник количественной и качественной редукции гласных в рамках слова. Представление о том, что изменение темпа в синтагме обуславливает разную степень выделения словесных ударений в ней, является естественным расширением этой точки зрения.

² Речь идет о темповых изменениях в рамках темпорального динамического диапазона, свойственного данному говорящему.

тагмн. Запись производилась в студийных условиях. Длительность звуковых сегментов определялась по осциллограммам, записанным на осциллографе Н-102 со скоростью движения киноленты 100 мм/сек, в целях облегчения сегментации на осциллограмме одновременно с речевым сигналом фиксировалась огибающая интенсивности.

2. В качестве первичного обоснования выдвинутого предположения проведем сопоставление временных показателей темпа произнесения слова в разных позициях синтагмы с некоторыми данными, имеющимися в литературе. Обратимся прежде всего к данным общего характера, касающимся проявления индивидуальных темповых различий в русской речи.

В специальном эксперименте, проведенном в Лаборатории фонетики им. Л.В.Щербы ЛГУ (Агафонова, Бондарко и др., 1974) на материале произношения группы дикторов (29 человек) были установлены количественные характеристики индивидуального темпа и его варьирования в речи одного и того же говорящего. В качестве меры темпа использовалась средняя длительность звука во фразе ($T_{\text{зв. ср.}}$).

Хотя задача указанного эксперимента заключалась в исследовании темпа как общей характеристики произношения, тем не менее величина $T_{\text{зв. ср.}}$, характерная для того или иного темпа, может служить ориентиром для оценки темповых соотношений в синтагме, с учетом, разумеется, индивидуального темпа говорящего. В табл. I приведены количественные характеристики различий в индивидуальном темпе, полученные в указанной работе.

Таблица 1

Иссл. хар-ка	Темп (Т зв. ор. в мс)	Быстрый	Нормаль- ный	Медленный
Общий индивид альн. темп		65	65-73	73
Варьирование в пре- делах среднего инд. темпа	Дик- тор 1	$60,4 \pm 1,4^3$	$74,2 \pm 3,0$	$87,1 \pm 2,2$
	Дик- тор 2	$48,6 \pm 1,4$	$63,9 \pm 2,8$	$83,9 \pm 4,0$ (замедление без пауз)

Сравним эти данные с полученными нами показателями Т зв.
ор. в слове, занимающем разные позиции в 2-х и 3-х ударной синтаг-
ме⁴ (табл. 2).

Таблица 2

Число ударений	Позиция	Начало	Середина	Конец	Число рас- сматривае- мых синтагм
2		$60,0 \pm 2,0$	-	$77,0 \pm 3,0$	142
3		$59,0 \pm 1,4$	$58,0 \pm 1,2$	$76,0 \pm 2,0$	160

Несмотря на известную трудность сопоставления данных таблиц
1 и 2, можно все же признать, что по показателю Т зв.
ор. соотношения в синтагме ближе к модели $\frac{d}{H} \frac{1}{H} \frac{H}{R}$. Заметим, что отно-

³ Здесь и далее приведены средние значения длительности с
указанием доверительного интервала, соответствующего 5%-му уров-
ню значимости.

⁴ Здесь и далее рассматривались синтагмы с конечным положи-
нием главноударного слова.

сительное ускорение ритма в синтагме, определяемое формулой

$$\frac{T_{\text{ЗВ. ср.}}^{\text{ЗВ.}} \text{ (в начале)} - T_{\text{ЗВ. ср.}}^{\text{ЗВ.}} \text{ (в конце)}}{T_{\text{ЗВ. ср.}}^{\text{ЗВ.}} \text{ (в конце)}} \cdot 100\%$$

составляет в 2-х ударной синтагме 14%, а в 3-х ударной 22%. Эти показатели также близки характеристикам ускорения темпа относительно нормальной для данного диктора скорости произнесения, полученным в работе сотрудников ЛГУ.

Рассмотрим теперь данные иного рода, а именно, результаты экспериментов по восприятию амплитудно-модулированных синтетических гласных. Для нас существенно то, что при модуляции с достаточной глубиной, достигаемой резким изменением интенсивности, такие сигналы при низкой частоте модуляции воспринимаются как последовательность слогов. В Институте физиологии им. И.П.Павлова был проведен эксперимент (Жуков и др., 1971), в котором испытуемым (14 человек) предлагалось, изменяя частоту модуляции, определить значения частот, соответствующие переходам от замедленной последовательности слогов к последовательности слогов нормальной длительности, к быстрой последовательности слогов и далее к восприятию стимула в качестве вибранта. Средние значения установочных частот, полученные в этом эксперименте, приводятся в табл.3.

Таблица 3

Характеристика перехода	Медленный-нормальный	Нормальный-быстрый	Быстрый - вибрант
Частота модуляции	2,5 гц	7,3 гц	16,2 гц
Период модуляции (средняя длительность слога)	400 мс	140 мс	62 мс

Сопоставим эти данные с показателями средней длительности

слога ($T_{\text{сл. ср.}}$ в мс) в слове в разных позициях 2-х и 3-х ударной синтагмы (табл. 4).

Таблица 4

Число ударений	Позиция	Начало	Середина	Конец	Число рассматриваемых синтагм
2		141 ± 6 мс	—	184 ± 9 мс	142
3		133 ± 4 мс	142 ± 6 мс	188 ± 8 мс	160

Нетрудно видеть, что значения $T_{\text{сл. ср.}}$ характерные для неконечного и конечного положения слова в синтагме, либо находятся по разные стороны границы между быстрой и нормальной последовательностью слогов, полученной в эксперименте с амплитудно-модулированными сигналами, либо $T_{\text{сл. ср.}}$ слова в неконечной позиции практически совпадает с этой границей. Эти данные подтверждают правомерность выдвинутого в настоящей работе предположения о характере конечного продления в синтагме.

Наиболее показательными в отношении рассматриваемого вопроса являются, на наш взгляд, данные об особенностях реализации конечного продления в словах разного ритмического типа и, прежде всего, разной слоговой длины. К сожалению, экспериментальные данные, имеющиеся в литературе, в этом отношении ограничены, так как позиционная зависимость временных характеристик исследуется обычно на материале слов какого-то одного ритмического типа (чаще всего двусложных или трехсложных). Поэтому далее мы будем ориентироваться в основном на собственные данные. При интерпретации этих данных мы будем исходить из следующих представлений, находящихся в соответствии с известными результатами относительно процессов порождения и восприятия речи:

а) Правильная передача информации о ритмическом типе слова и ритмической структуре последовательности слов, образующих синтагму, является важной речевой задачей говорящего в условиях любого темпа произнесения. Эта информация передается главным образом через временные характеристики гласных.

б) При опознавании слова в речевой последовательности одной из важнейших опорных точек является его ударный гласный.

в) Правильная идентификация ритмического типа слова и его ударного гласного на основании акустических показателей определяется временными константами восприятия, в частности, порогом обнаружения слога в последовательности и минимальной длительностью слога, необходимой для фонемной идентификации его слогоносителя. По имеющимся данным минимальная длительность слога, необходимая для его обнаружения, составляет около 65 мс (Чистович и др., 1976: 146-152), а длительность слога периода следования гласных в речевом потоке), необходимая для успешного фонемного распознавания гласного, должна быть не меньше 100-150 мс (Чистович и др., 1976: 142-146). В реальной русской речи к указанным показателям приближаются соответственно длительности безударных и ударных слогов вида CV, где в качестве согласного выступает вибрант. Длительность слогов иных структур обычно больше, а вибрант, как известно, является самым коротким согласным: его вредная длительность составляет около 30 мс (см. данные Л.В.Златоустовой, 1981: 21-22). Отсюда можно определить примерные значения предельных длительностей гласных, соответствующих рассматриваемым константам восприятия: для порога обнаружения - не меньше 35 мс, для фонемной идентификации - не меньше 70-120 мс. Существенно заметить в связи с этим, что по данным С.Я.Жукова (Чисто-

вич и др., 1976:148), при длительности паузы (согласного) около 30 мс минимальная длительность гласного, необходимая для обнаружения в последовательности "гласный + пауза", составляет около 40 мс. По этим же данным призначения паузы, больших 40 мс, то есть при значениях, характерных для подавляющего большинства реализаций русских согласных, пороговая длительность обнаружения гласного постоянная и равна примерно 30 мс.

Опираясь на изложенные выше представления, можно прогнозировать ряд особенностей временной реализации слов разной слоговой длины в рамках модели $\frac{C}{HK} \frac{I}{K} \frac{B}{K}$ и посмотреть, в какой степени прогноз соответствует наблюдаемым фактам. Для этого необходимо учесть также данные о влиянии слоговой длины слова на длительность его компонентов. Известно (хотя точных количественных данных нам найти не удалось), что русский язык подчиняется универсальной тенденции, согласно которой средняя длительность звука и слога в слове, произнесенном изолированно, убывает при увеличении его фонетической длины (то есть общего числа звуков и слогов в нем). Это касается не только указанных временных показателей, но и длительности отдельных компонентов слова, в частности, ударного гласного. На материале английского языка показано (Клатт, 1973, 1976), что при увеличении слоговой длины слова длительность ударного гласного достигает некоторого нижнего предела, после чего остается относительно постоянной, несмотря на дальнейшее увеличение числа слогов в слове. Это явление было названо эффектом несжимаемости. Эффект несжимаемости показан также в работе Линдблума, Лайберга и Холмгрен (1961) на материале шведского языка, причем не только для ударных, но и для безударных гласных, а также для согласного как в ударном, так и в

безударном слоге. Представляется естественным предположить, что эффект несжимаемости определяется в значительной степени временными константами восприятия, обеспечивающими правильную идентификацию ритмического типа слова и ударного гласного.

Учитывая изложенные соображения, можно ожидать следующих эффектов во временной организации синтагмы в том случае, когда в ней реализуется модель $\frac{C}{N} \frac{I}{N} \frac{N}{K}$:

1) средняя длительность всех компонентов слова данной слоговой длины в неконечных позициях синтагмы должна быть меньше соответствующей длительности в конечной позиции, однако действие позиционного фактора на длительность должно ослабевать при увеличении слоговой длины слова;

2) эффект несжимаемости должен проявляться ярче в неконечных позициях (позициях быстрого темпа), ослабляя сокращающее действие слоговой длины слова на длительность его компонентов;

3) длительность ударных гласных ввиду большего временного потенциала должна обнаруживать большую зависимость от слоговой длины слова, чем длительность безударных гласных;

4) длительность ударных и безударных гласных слова в неконечных позициях должна приближаться к предельным значениям, которые соответствуют временным константам восприятия, обеспечивающим возможность идентификации фонемного качества ударного гласного и ритмического типа слова. В конечной позиции это должно иметь место для многосложных слов.

На рис. I приведены данные, показывающие зависимость различных компонентов фонетического слова от его слоговой длины и положения в синтагме для синтагм длиной в 2 и 3 слова. Учитывались следующие временные показатели: средняя длительность со-

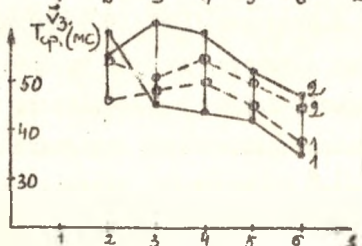
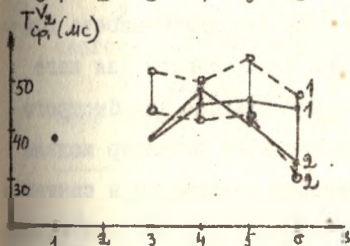
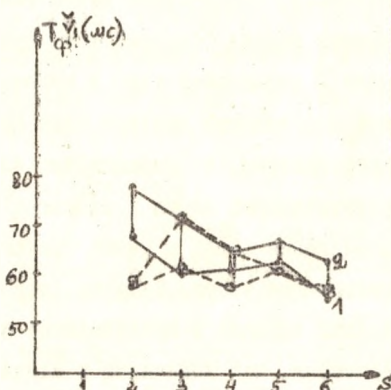
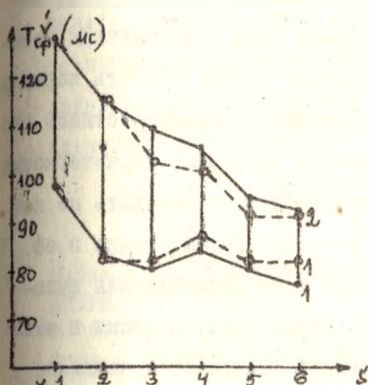
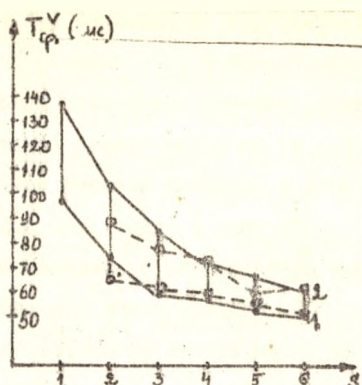
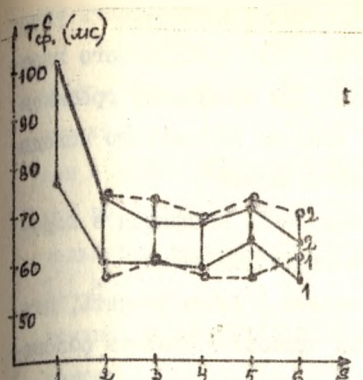

Рис. 1. Зависимость средней длительности компонентов фонетического слова от числа слогов в слове и позиции слова в синтагме.

s — число слогов, 1 — начало синтагмы, 2 — конец синтагмы; сплошная линия — 2-ударная синтагма, пунктирная — 3-ударная. Остальные объяснения в тексте.

гласного (а) и гласного (б) в слове; средняя длительность ударного гласного (в), первого (г) и второго (д) предударного гласного, первого заударного гласного (е). При построении графиков в) - е) из рассмотрения исключались гласные абсолютного исхода слова в конечной позиции синтагмы перед паузой⁵.

Из рис. I видно, что эмпирические факты находятся в хорошем соответствии с высказанными выше предположениями.

3. Подводя итоги проведенного анализа, можно сказать, что вся совокупность рассмотренных данных позволяет считать обоснованной гипотезу о том, что статистически преобладающим и, следовательно, нормативным типом темповых соотношений в синтагме является модель "быстрый темп произношения слов в неконечных позициях - нормальный темп в конечной позиции". Если считать нормальный для данного диктора темп немаркированной характеристикой его произношения, то позиционную зависимость временных характеристик фонетического слова в синтагме следует скорее трактовать не как замедление темпа к концу синтагмы, а как ускорение темпа в ее неконечной части. Заметим, что быстрый темп произношения неконечных позиций и преобладание общего числа слов, стоящих в этих позициях, над конечными в связанном тексте объясняет приводимое Л.В.Бондарко (1981:160) наблюдение о том, что длительность гласных в тексте, который читается диктором в нормальном для него темпе, близка к длительности гласных, характерных для быстрого темпа произнесения отдельных фраз. Нормативный характер модели $\frac{б \quad i \quad н}{нн \quad к}$ не отрицает, разумеется, возможности реализации в синтагме иных темповых соотношений. Их выявление и анализ - особая задача

⁵ Известный в фонетике эффект препозавального продления требует специального рассмотрения.

исследования интонации текста.

В заключение одно небольшое замечание. Из рис. I в) - е) видно, что влияние позиции слова в синтагме наиболее отчетливо выражено на ударном гласном слова, значительно слабее на заударном и почти не проявляется на предударных гласных. Эта асимметрия во временных характеристиках делит слово на две части - начальную и терминальную (включая ударный слог)⁶. В рамках модели $\frac{O}{NK} \frac{I}{H} \frac{H}{H}$ такое разделение может получить двойное объяснение. Во-первых, можно предположить, что сокращение, связанное с быстрым темпом произнесения, затрагивает только терминальную часть слова, занимающего неконечную позицию в синтагме. Во-вторых, можно думать, что переход от быстрого темпа к нормальному происходит на терминальной части слова, стоящего в конце синтагмы. При всей привлекательности второго объяснения оно требует, однако, специального обоснования.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Агафонова Л.С., Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гейльман Н.И., Данилов А.С., Кукольщикова Л.Е., Павлова Л.П., Федоров А.С., Штерн А.С., Щукин В.Г. О некоторых характеристиках русской речи в зависимости от разных темпов произношения. - В кн.: Слух и речь в норме и патологии, Л., 1974, I.

2. Бондарко Л.В., Светозарова Н.Д. О восприятии безударных слогов. - В кн.: Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971.

3. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.

⁶ Резкое противопоставление предударных и заударных слогов изолированно произнесенного слова отмечено и в экспериментах по восприятию (Бондарко, Светозарова, 1971).

4. Жуков С.Я., Кожеников В.А., Кузьмин Ю.И., Чистович Л.А. Образование слога при амплитудной модуляции гласноподобного звука. - В кн.: Сенсорные системы. Вопросы теории и методов исследования восприятия речевых сигналов, № 2. Л., 1971.

5. Златоустова Л.В. Фонетические единицы русской речи. М., 1981.

6. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.

7. Чистович Л.А. Венцов А.В., Гранстрем М.П. и др. Физиология речи. Восприятие речи человеком. Л., 1976.

8. Klatt D.H. Interaction between Two Factors that Influence Vowel Duration. ASA, 54.

9. Klatt D.H. Linguistic Uses of Segmental Duration in English: Acoustic and Perceptual

10. Lindblom B., Lyberg B., Holmgren K. Durational Patterns of Swedish Phonology: Do they reflect Short-term motor memory processes? Bloomington, Indiana University Linguistics Club, 1981.

А.Махмудов

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА В УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Фонетическая структура слова как целостное образование состоит из четырех подструктур, тесно взаимосвязанных друг с другом:

- 1) фонемная подструктура;
- 2) подструктура соединения фонем;
- 3) сллабическая подструктура;
- 4) а-центно-ритмическая подструктура.

Проблема исследования фонетической структуры слова, какой она представлена выше, остается еще не полностью решенной в узбекском литературном языке; тем не менее вся совокупность фонетических средств в той или иной степени проявляется в слове. В некоторых работах были исследованы акустическая характеристика словесного ударения в современном узбекском языке (Махмудов, 1960), фонемная система (Махмудов, 1980), консонантные сочетания и связанные с ним силлабические структуры (Тайметов, 1969), а также соотношение сингармонизма, ударения и звукового состава узбекского литературного языка (Махмудов, 1980).

ФОНЕМНАЯ СТРУКТУРА СЛОВА требует проведения исследований правил распределения фонем и их сочетаний в начале, середине и конце слова. Фонемная структура слова является как бы показателем реализации системы фонем, их дистинктивных и индистинктивных признаков, соотношения системы гласных, сонорных, согласных, частотной характеристики фонем, силы и функциональной нагрузки, а также соотношенности распределения фонем с морфологическим строением слова. Лексические единицы узбекского литературного языка подразделяют на исконно тюрские и заимствованные из других языков. Фонетическая структура этих двух групп слов, наряду с определенными сходствами, имеет ряд различий в фонемной структуре. В силу проникновения многих заимствованных слов узбекский язык обогатился фонотаксическими возможностями, особенно в начальных позициях. Например, ряд начальных консонантных сочетаний наличествует в словах, заимствованных из русского языка и через русский из других языков: стол, план, проект, спектр, тренер, врач, спирт и т.д. Это новое явление в произносительной норме узбекского литературного языка.

Большое количество консонантных сочетаний обнаруживается в середине узбекских слов, которые делятся слоговой или морфемной границей. Многообразие вариантов сочетаемости согласных в середине слова объясняется тем, что концентрация согласных в середине слова обусловлена сочетанием консонантов корневых морфем и аффиксов по формуле $cvo + (c) vo + cv (c) + (c) vc$ и т.п. (Баскаков, 1962:79).

Анализируя вопросы слогоделения, Г.П.Торсуев указывает на то, что в некоторых случаях сама последовательность звуков в речевом потоке может представить возможность провести слогораздел (Торсуев, 1962:7). Такой тип слогоделения можно назвать фонетическим. Г.П.Торсуев и Р.И.Аванесов отмечают, что звуковая последовательность не может служить местом слогораздела, и определение границ слога затруднено, на первый план выступает морфологическое членение, при котором местом слогораздела служит стык двух основ.

Определение слоговой границы на фонетической основе, предложенное Б.Мальбергом (1955:87), представляется приемлемым при определении слогораздела в интервокальных консонантных сочетаниях. Так, исходя из теории Ф.Соссюра об имплозии-эксплозии, Б.Мальберг полагает, что в языках имеется оппозиция междуэксплозией (началом слога) и имплозией (концом слога, заканчивающегося консонанта).

Применяя данное положение при анализе сочетаний согласных в середине слова, можно предположить, что место имплозии (то есть конец предыдущего слога) и эксплозия (то есть начало последующего слога) и является местом слогораздела в интервокальных консонантных сочетаниях.

Основной структурной единицей тюркского слова является слог типа *cvc*, который, как отмечают Н.К.Дмитриев, Э.В.Севортян, А.М.Щербак, А.Зайончковский и др. тюркологи, является основным и более древним.

В узбекском языке в середине слова наряду с многообразием вариантов согласных имеется большое количество геминатов, а также консонантных сочетаний, состоящих из представителей одного и того же подкласса: *-t/t-*, *-v/v-*, *-R/R-*, *-N/N-*. Это обусловлено фонетической спецификой тюркского слова. Возможные трехчленные сочетания согласных в середине слова образуются на стыке морфем.

В конечной позиции, как и в середине слова, встречаются двухфонемные, реже трехфонемные сочетания. В отличие от середины слова, где согласные произносятся четко и образуют геминаты, в фонемосочетаниях конца слова последний звук ослабляется. Проанализировав сочетания согласных фонем в узбекском языке, мы можем вскрыть закономерности в сочетаниях:

- а) глухих согласных с глухими (ишчи, ушка);
- б) звонких согласных со звонкими (озгина);
- в) сонорных (ойна, айрон);
- г) сонорных с глухими (арча, келсин);
- д) сонорных со звонкими (кулга, арзон);
- ж) сонорного с шумными (первыми бывают сонорные – канд, урта, олд, орка).

В заимствованных моносиллабических словах в конечной позиции наличествуют другие конечные сочетания согласных: метр, ритм, текст, спорт и т.д.

Исследование показало, что в узбекском литературном языке

употребление стечения двух и более согласных в начале, середине и конце слов стало нормальным явлением.

В узбекском языке существуют все четыре возможных типа слога: 1) полностью открытый, 2) полностью закрытый, 3) прикрытый в начале, 4) прикрытый в конце. Примеры: 1) у, 2) куч, 3) бу, 4) уч.

Полностью открытый слог состоит из одного гласного. Полностью закрытый слог, то есть начинающийся и заканчивающийся одним или несколькими согласными, имеет следующие подтипы: 1) *сvс* - бет, кеч; 2) *ссvо* - крим, план; 3) *сvсс* - кирк, хинд, турт; 4) *ссвсс* - Днепр, спорт; 5) *сvссс* - текст, пункт; 6) *сссвс* - штраф, сквер; 7) *ссвссс* - Днестр, Братск.

Прикрытый в начале слог имеет следующие три подтипа: 1) *сv* - бу; ха; 2) *ссv* - драма, смена; 3) *сссv* - Брно. Прикрытый в начале слог имеет следующие четыре подтипа: 1) *vc* - уй, ук, эл; 2) *vсс* - айт, илм, эрк; 3) *vссс* - Омск; 4) *vсссс* - Эрнст. Таким образом, в узбекском языке в самом обобщенном виде слог представлен 15 структурными разновидностями.

В тюркских языках распределение дистинктивных и индистинктивных признаков фонем обусловлено не свойством отдельных гласных и согласных, а особенностями целого слова. Что касается узбекского языка, то в результате развития фонетической системы узбекского литературного языка, а также в силу исчезновения общетюркского сингармонизма признаки переднего и заднего ряда потеряли свою фонологическую релевантность и в настоящее время они перешли в ранг индистинктивных признаков. Передние и задние варианты гласных фонем узбекского литературного языка обусловлены локальными признаками предшествующих им согласных фонем в фонетиче-

ской структуре слова. Поскольку признаки гласных фонем обусловлены предшествующими им согласными в словах, в отличие от других тюркских языков, узбекский литературный можно отнести к числу языков, с консонантной доминанцией.

Известно, что конститутивная функция фонемы, слога и словесного ударения ярко выражается в фонетической структуре слова. Дистинктивная функция фонемы также ясно проявляется в словах. Вместе с тем слог и ударение в узбекском языке обладают наименьшей дистинктивной функцией.

Результаты экспериментально-фонетического исследования показали, что в узбекском литературном языке существуют четыре степени словесного ударения в многосложных словах. При этом основными компонентами ударения выступают основной тон, интенсивность и длительность. Эти акустические корреляты ударения показывают различную вариативность в зависимости от фонетической структуры слова.

В. Радлов, изучавший ударение в тюркских языках, считает, что в тюркских языках сингармонизм является основным признаком фонетического единства слова (Radloff, 1882:97); в данном случае сингармонизм и ударение существуют. Сингармонизм — это наиболее общий фонетический закон тюркских языков, согласно которому весь звуковой состав слова (корня) является по определенным артикуляционно-акустическим признакам однородным; при этом звуковой состав аффиксов подчиняется звуковому составу корня, вызывая прогрессивное уподобление звукового состава аффиксов корневому.

Таким образом, звуковой состав слова в целом приобретает единый фонетический облик с однородными гласными и согласными.

Фактором, определяющим звуковой состав слова, оказывается в конечном счете вокализм его корня. В таких случаях фонетическое единство слова в тюркских языках создается сингармонизмом: "Функцию фонетического объединения морфем в слове берет на себя сингармонизм" — отмечает Ф.Кязимов (Кязимов, 1954:96). Для иллюстрации зависимости звукового состава аффиксов от состава звуков корня могут служить следующие примеры из хорезмского диалекта узбекского языка:

(верблюд)	(имя)
(верблюды)	(имени)
(наши верблюды)	(ваше имя)
(от наших верблюдов)	(от вашего имени)

В узбекском литературном языке, в отличие от хорезмского диалекта, звуковой состав аффиксов не зависит от звукового состава корня; гармония гласных полностью разрушена:

туя (верблюд)	от (имя)
туялар (верблюды)	отлар (имена)
туяларимиз (наши верблюды)	отикиз (ваше имя)
туяларимиздан (от наших верблюдов)	отиниздан (от вашего имени)

Сравнение сингармонистических диалектов узбекского языка, с одной стороны, и татарского, азербайджанского, киргизского и других тюркских языков, с другой стороны, показывает, что сингармонистическое строение слова создает его фонетическое единство, которое не может обеспечить слабоцентрализующее ударение в тюркских языках. Поэтому общеизвестное положение Бодуэна де Куртенэ об ударении в индоевропейских языках и сингармонизме в урало-алтайских языках (Бодуэн де Куртенэ, 1876:322-323), где сингармонизм

действует как цельнооформляющее средство тюркского слова и второстепенной роли ударения имеет важнейшее значение и в настоящее время.

Анализ фактического материала сингармонистических диалектов узбекского языка и исследования специалистов по другим тюркским языкам позволяет отметить общие фонетические процессы.

Современным тюркским языкам свойственны а) сингармонизм, фонетически выражающий целостность слова; б) сосуществование законов ударения и сингармонизма; в) сильная часть фонетического слова, — корень и, наоборот, слабая часть фонетического комплекса, — аффиксы; г) долгота и др.

В отличие от других современных тюркских языков, в узбекском литературном языке развиваются новые фонетические явления. В современном узбекском литературном языке сингармонизм утратил былое значение и не оформляет фонетическое единство слова; словесное ударение в нем является более мощным просодическим маркером единства слова, чем современное ударение и сингармонизм. Иной характер узбекского ударения обуславливает существенные особенности фонологического оформления слова. Оно не ограничивается дидимитативной функцией, то есть служит маркером единства слова и может выступать в роли просодического дифференциального признака.

Таким образом, функции, которые совмещает в себе узбекское ударение, в других тюркских языках взаимосвязаны или поделены между сингармонизмом и ударением. Поэтому есть все основания не рассматривать ударение в одной плоскости с сингармонизмом и определить ударение как суперсегментное явление в узбекском литературном языке. Это результат развития фонетической структуры

узбекского языка и новое структурное явление в типологии тюркских языков.

Таким образом, в узбекском литературном языке вследствие отсутствия сингармонизма звукоорганизующую роль слова выполняет ударение. Словесное ударение – важнейшая фонетическая особенность узбекского литературного языка – функционирует как лексико-грамматическое средство и организует фонетическое, звуковое единство слова. Если в тюркских языках фонетическое ядро слова находится в его начале, то в узбекском литературном языке фонетическая структура корневых и аффиксальных морфем в целом зависит от ударения, то есть фонетическое ядро слова находится на конечной ударной части фонетического слова. Эти характерные особенности имеют принципиальное значение для определения фонетической структуры слова и узбекском литературном языке.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Абдуллаев Ф. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967.
2. Баскаков Н.А. Введение в изучении тюркских языков. М., 1962.
3. Бодуэн де Куртене И.А. Резья и резьяне. "Славянский сборник", СПб., 1876, т. III.
4. Кязимов Ф. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1954, т. XIII, вып. I.
5. Махмудов А. Словесное ударение в узбекском языке. Ташкент, 1960.
6. Махмудов А. Фонетическая система узбекского литературного языка, АҚД. Ташкент, 1980.
7. Махмудов А. Соотношение сингармонизма, ударения и звукового строя языка. III-я тюркологическая конференция, языковедение. Ташкент, 1980.
8. Тайметов К.С. Исследования по типологии структур консонантных сочетаний, АҚД. Ташкент, 1969.

9. Торсуев Г.П. Вопросы фонетической структуры слова.
М.-Л., 1962.

10. Malmberg B. The phonetic basis for syllable division,
"Acta Linguistica", Copenhagen, 1955.

11. Radloff W. Phonetic der nordlichen Turksprachen,
Leipzig, 1882.

В.М.Наделяев

АРТИКУЛЯЦИОННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ

В истории европейского языкознания было предложено несколько артикуляционных классификаций гласных: треугольник Хеллвага (1781), прямоугольник Белла (1894), квадрат Техмера-Сетяля (1884:154; 1901:41-42), подтрапеция Джонсуа (1928:18-27; 1958:14), равнобочная трапеция Щербы (Матусевич, 1951:75-78; Зиндер, 1979:191-209).

Во всех перечисленных классификационных системах имеется один существенный общий недостаток - нет достаточно надежных объективных критериев единообразного классифицирования исследуемых гласных по отнесенности их к классификационным рядам. Даже в относительно точной по сравнению со всеми другими классификациями гласных, в классификации Л.В.Щербы, отнесенность по ряду исследуемых гласных определяется на слух.

В результате обработки массового экспериментально-фонетического материала по языкам народов Сибири и сопредельных регионов, полученного в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (ЛЭФИ ИИФ СО АН СССР), с привлечением опубликованных

экспериментальных материалов по звуковым системам языков других регионов, вопреки господствующему среди фонетистов представлению о координатном принципе настроек ротовых частей вокальных резонаторов, когда корпус языка как бы по оси абсцисс передвигается в переднее, среднее или заднее положения, обуславливая тем настройку ряда, а активный участок корпуса языка или весь корпус в целом поднимается как бы по оси ординат вертикально (или близко к вертикальному направлению), обуславливая тем ступени подъема (на этих положениях фактически строятся все вокальные артикуляционные классификации), выяснилось, что роль горизонтальных и вертикальных передвижений корпуса языка мнима, так как передвижения языка, отнюдь не строго горизонтальные и совсем не восходящие, являются зависимыми и определяются характером образования ограничивающего сужения в полости рта (если такое сужение имеется в конкретной настройке). При настройке, например, переднерядного гласного *i* определяющим фактором является образование ограничивающего сужения в средней передней части твердого неба определенным отстоянием от нее средней части спинки языка, в связи с этим корпус языка обусловленно расположен в зоне твердого неба, несколько опускается, если этому гласному предшествовал переднеязычный или среднеязычный согласный, или передвигается вперед и несколько вниз, если предшествующий согласный является заднеязычным; при настройке заднерядного гласного *u* задняя часть спинки языка несколько отстоит от середины приподнятого мягкого неба, образуя тем ограничивающее сужение между ротовой и глоточной частями вокального резонатора, что обуславливает небольшое снижение всего корпуса языка без передвижения его вперед или назад, если гласному предшеству-

от заднеязычный согласный, или, обусловленно настройкой этого сужения корпус сдвигается назад и несколько вниз, если гласному предшествует переднеязычный или среднеязычный согласный. Если учесть при этом, что гласному предшествует согласный язычный или нейтральное положение (настройки губных, велярно-увулярных, глоточных и гортанных согласных можно рассматривать по отношению к последующему гласному тоже как нейтральное положение языка), при котором спинка языка занимает максимально высокое положение и может смыкаться с твердым небом, вообще нельзя говорить о подъеме языка или его частей при настройках гласных; наоборот, во всех настройках гласных фактически происходит снижение языка¹. Естественно, для вокального звукового эффекта с его определенной формантной структурой необходимы определенные резонаторные емкости в полости рта, но эти емкости образуются вследствие конкретно локализованного отграничивающего сужения, для которого требуется некоторое мускульное напряжение в теле и корне языка, что обуславливает изменение их объемной конфигурации и тем определяет в артикуляционном аспекте образование резонаторных объемов перед и/или после отграничивающего сужения в полости рта. Таковы настройки гласных переднего, центрального и заднего рядов. При настройке гласных смешанного ряда в полости рта нет отграничивающих сужений, так как весь корпус языка в этих настройках своей спинкой образует нижнюю стенку (дно) единственной в полости рта объемной части вокального резонатора, и степень

¹ Исключением из этого общего положения являются возможные подъемы корпуса языка (его части) в настройках узких гласных при непосредственном предшествовании им более широких гласных в одном слове или в сочетании слов с вокальным концом и вокальным началом.

его снижения (вертикального или продольно наклонного вперед или назад) обуславливает величину объема ротоволостной части резонатора.

Таким образом, достаточно надежное и единообразное классифицирование гласных исследуемого языка должно базироваться на анализе рентгенограмм настроек этих гласных с учетом в этом анализе их дентопалатограмм и фотограмм губных работ в этих настройках, что предполагает хорошее владение экспериментальными методами фонетического рентгенографирования, дентопалатографирования, а также фотографирования.

Предлагаемая артикуляционная классификация гласных, названная по основному своему принципу – принципу векторности – векторной классификацией, излагается в следующих положениях:

1. Три артикуляционных ряда гласных, взятые ак. Л.В.Щербой в свою классификацию из предшествующих классификаций гласных и уточненные им, а именно, передний ряд, задний ряд и смешанный ряд, и выявленный Л.В.Щербой центральный ряд (принципиально отличный от артикуляционного ряда под тем же названием у Джоунза и Белла – у них он фактически смешанный ряд) – эти четыре ряда Л.В.Щербы сохраняются в векторной классификации, дополненные выявленным центральнозадним рядом. Наряду с приведенными здесь наименованиями вокальных классификационных рядов, ставшими (кроме последнего) уже традиционными в советском языкознании, в векторной классификации гласных используются также более удобные наименования рядов по их порядковому номеру в предложенном здесь порядке: 1. передний ряд – первый ряд, 2. центральный ряд – второй ряд, 3. центральнозадний ряд – третий ряд. 4. задний ряд –

четвертый ряд, 5. смешанный ряд – пятый ряд. Этот порядок рядов обусловлен передвижением спереди назад точечных небных локусов НД (у первых четырех рядов) и принципиально отличным линейным НД у последнего ряда.

2. Локальный контур активности КА (с точечным максимальным превышением МП) в круго очерченной форме КА-1 и чаще в полого очерченной форме КА-2 локализуется в 1-м (переднем) и во 2-м (центральной) рядах в пределах средней части спинки языка с ^I, в 3-м (центральнозаднем) ряду – в пределах межзубочной части спинки а; в 4-м (заднем) ряду – в пределах задней части спинки языка е; глобальный контур КА-3 тождественен всему контуру спинки языка а_г, и характерен для 5-го (смешанного) ряда. Контур активности КА-1 или КА-2 могут смещаться в пределах своей по ряду части контура спинки языка, а при предельном смещении на границу своей части с соседней частью спинки языка характеризует собой комбинарованную настройку гласного по двум соседним рядам.

3. Точечный небный локус с НД в настройках первых четырех рядов (определяемый точкой пересечения наименьшей прямой от МП на КА-1 или КА-2 с контуром небного свода) является началом связанного вектора, длина которого

^I На рентгенограммах по принятой в ЛЭФИ методике весь контур спинки языка, при нейтральном его положении, отграниченный точками а и г (соответственно, левая и правая точки пересечения линии прикуса, проведенной по жевательной поверхности верхних зубов, с контуром языка) делится на следующие участки: а – кончик языка; в – передняя часть спинки; с – средняя часть спинки; д – межзубочная часть спинки, получаемая за счет последней трети традиционно выделяемой задней части спинки языка; е – задняя часть спинки языка; буквы а, г символизируют точечные объекты на контуре языка, остальные буквы – отрезки.

го (или модуль) и направленность определяются точками НЛ на контуре небного свода и МП на КА-1 или КА-2 контура спинки языка, причем длина вектора данного ряда увеличивается с увеличением степени снижения в настройках этого ряда. Линейный небный докус (определяемый ортогональной проекцией всего контура спинки языка на контуре небного свода) является началом коллинеарных векторов в каждой настройке 5-го (смешанного) ряда, из них два крайних вектора (передний вектор от проекции точки а на контуре неба до точки а на кончике языка и задний вектор от проекции точки г до точки г, ограничивающей контур спинки языка от контура корня языка), служат индикаторами настроек этого ряда.

4. Для определения рядной отнесенности в соответствии с основным принципом векторной классификации гласных при анализе рентгенограммы конкретной вокальной настройки необходимы и достаточны два показателя при КА-1 и КА-2 - точечные НЛ и МП и только один показатель при КА-3 - линейный НЛ.

5. 1-й, 3-й, 4-й и 5-й ряды включают настройки гласных в пределах полного снижения от минимального до максимального, что схематично выражается шестью типовыми ступенями снижения. 2-й ряд включает настройки в пределах неполного снижения от минимального, то есть от первой типовой ступени снижения, до четвертой типовой ступени снижения включительно¹.

¹ Традиционные термины *степень подъема* и *ступени подъема* заменяются более логичными по своему содержанию терминами *степень снижения* и *ступени снижения*, так как значение величины отстояния КА определяются по НЛ, то есть сверху вниз, чему соответствует и традиционный порядок отсчета ступеней с первого номера вверх до шестого номера вниз. Учитывается также, что при нейтральном положении произносительных органов - эталона сопоставления настроек - спинка языка занимает высокое положение и во многих случаях, что зависит от величины небного показателя, контактирует с небом.

6. Все пять классификационных рядов вокальных настроек в зависимости от локализации их НЛ на контуре небного свода определяются как **основные** и (кроме 2-го ряда) **сдвинутые**.

7. **Первый (передний) ряд**, векторная направленность - **с** (средняя часть спинки языка); при НЛ-7, то есть при фиксации небного локуса начала вектора на середине передней части контура твердого неба - **основной**, шесть ступеней снижения; при НЛ-78, то есть при фиксации небного локуса начала вектора в зоне середины контура твердого неба - **слабоотодвинутый**, шесть типовых ступеней снижения; при НЛ-8, то есть при фиксации НЛ в зоне задней части твердого неба - **сильноотодвинутый**, шесть ступеней снижения^I.

Обобщенные формулы основного и отодвинутых вариантов переднего ряда и специальные буквенные знаки вокальных настроек этого ряда по шести типовым ступеням снижения:

	Основные НЛ-7	Слабо- отодвинутые НЛ-78	Сильно- отодвинутые НЛ-8
	МП-с (КА-I,2),6	МП-с (КА-I,2),6	МП-с (КА-I,2),6
1. i_1	y_1	i_{12} y_{12}	i_8 y_8
2. i_2	Y_2	I_{12} Y_{12}	I_8 Y_8
3. e_2	e_2	e_{12} e_{12}	e_8 e_8
4. ε_2	α_2	ε_{12} α_{12}	ε_8 α_8

^I Более точная локализация НЛ в зонах 7, 78, 8 на контуре твердого неба (как и в других зонах по остальным рядам), необходимая, например, при полном фоническом определении конкретного оттенка фонемы по данным анализа рентгенограммы этого оттенка, выражается в дробных долях этих зон твердого неба.

5. $\mathfrak{z}_1$	$\mathfrak{z}_4$	$\mathfrak{z}_{11}$	$\mathfrak{z}_{18}$	$\mathfrak{z}_8$	$\mathfrak{z}_{15}$
6. $\mathfrak{z}_7$	$\mathfrak{z}_{14}$	$\mathfrak{z}_{21}$	$\mathfrak{z}_{28}$	$\mathfrak{z}_9$	$\mathfrak{z}_{16}$

8. В т о р о й (ц е н т р а л ь н ы й) р я д; векторная направленность - с (средняя часть спинки языка); НЛ-89, то есть небный локус начала вектора фиксируется на границе твердого и мягкого неба. Только о с н о в н о й, четыре типовых ступени снижения. Для обозначения центральнорядных настроек используются знаки заднерядных настроек соответствующих степеней снижения с диакритическим знаком "умлаута":

Основные
НЛ-89, МП-с (КА-I, 2), 4

1. $\mathfrak{z}_1 \mathfrak{z}_4 \mathfrak{z}_{11}$	$\mathfrak{z}_8$
2. $\mathfrak{z}_7 \mathfrak{z}_{14}$	$\mathfrak{z}_{21}$
3. $\mathfrak{z}_{28}$	$\mathfrak{z}_9$
4. $\mathfrak{z}_{16}$	$\mathfrak{z}_{23}$

9. Т р е т ь и й (ц е н т р а л ь н о з а д н и й) р я д; векторная направленность - д (межзубчатая часть контура спинки языка); о с н о в н о й - НЛ-9 (небный локус начала вектора фиксируется на середине передней части мягкого неба), шесть ступеней снижения; с л а б о в ы д в и н у т ы й - НЛ-89 (небный локус фиксирован в пограничной зоне мягкого и твердого неба), шесть типовых ступеней снижения; с и л ь н о в ы д в и н у т ы й - НЛ-8 (небный локус на задней части твердого неба), шесть типовых ступеней снижения. Для обозначения центральнозаднерядных настроек используются буквенные знаки соответствующих по ступеням снижения заднерядных настроек с диакритическим знаком "верхняя точка над буквой":

	Основной НЛ-9		Слабо выдвинутый НЛ-89		Сильно выдвинутый НЛ-8	
	МП-а (КА-1,2),6		МП-а (КА-1,2),6		МП-а (КА-1,2),6	
1.	<i>и₉</i>	<i>и₉</i>	<i>и₈₉</i>	<i>и₈₉</i>	<i>и₈</i>	<i>и₈</i>
2.	<i>ѣ₉</i>	<i>ѣ₉</i>	<i>ѣ₈₉</i>	<i>ѣ₈₉</i>	<i>ѣ₈</i>	<i>ѣ₈</i>
3.	<i>ѳ₉</i>	<i>ѳ₉</i>	<i>ѳ₈₉</i>	<i>ѳ₈₉</i>	<i>ѳ₈</i>	<i>ѳ₈</i>
4.	<i>Ѡ₉</i>	<i>Ѡ₉</i>	<i>Ѡ₈₉</i>	<i>Ѡ₈₉</i>	<i>Ѡ₈</i>	<i>Ѡ₈</i>
5.	<i>ѡ₉</i>	<i>ѡ₉</i>	<i>ѡ₈₉</i>	<i>ѡ₈₉</i>	<i>ѡ₈</i>	<i>ѡ₈</i>
6.	<i>Ѣ₉</i>	<i>Ѣ₉</i>	<i>Ѣ₈₉</i>	<i>Ѣ₈₉</i>	<i>Ѣ₈</i>	<i>Ѣ₈</i>

10. Четвертый (задний) ряд; векторная направленность - е (задняя часть спинки языка); основной - НЛ-90 (небный локус начала вектора фиксируется на середине мягкого неба), шесть типовых ступеней снижения; слабо-выдвинутый - НЛ-9 (небный локус начала вектора фиксируется на середине передней части мягкого неба), шесть ступеней снижения; сильновыдвинутый - НЛ-89 (небный локус начала вектора фиксирован на границе мягкого и твердого неба); шесть типовых ступеней снижения. Специальные буквенные знаки неогубленных и огубленных вокальных настроек по шести типовым ступеням снижения этого ряда:

	Основной НЛ-90		Слабо- выдвинутый НЛ-9		Сильно выдвинутый НЛ-89	
	МП-е (КА-1,2),6		МП-е (КА-1,2), 6		МП-е (КА-1,2), 6	
1.	<i>и₉₀</i>	<i>и₉₀</i>	<i>и₉</i>	<i>и₉</i>	<i>и₈₉</i>	<i>и₈₉</i>
2.	<i>ѣ₉₀</i>	<i>ѣ₉₀</i>	<i>ѣ₉</i>	<i>ѣ₉</i>	<i>ѣ₈₉</i>	<i>ѣ₈₉</i>
3.	<i>ѳ₉₀</i>	<i>ѳ₉₀</i>	<i>ѳ₉</i>	<i>ѳ₉</i>	<i>ѳ₈₉</i>	<i>ѳ₈₉</i>
4.	<i>Ѡ₉₀</i>	<i>Ѡ₉₀</i>	<i>Ѡ₉</i>	<i>Ѡ₉</i>	<i>Ѡ₈₉</i>	<i>Ѡ₈₉</i>
5.	<i>ѡ₉₀</i>	<i>ѡ₉₀</i>	<i>ѡ₉</i>	<i>ѡ₉</i>	<i>ѡ₈₉</i>	<i>ѡ₈₉</i>
6.	<i>Ѣ₉₀</i>	<i>Ѣ₉₀</i>	<i>Ѣ₉</i>	<i>Ѣ₉</i>	<i>Ѣ₈₉</i>	<i>Ѣ₈₉</i>

II. Пятый (смешанный) ряд; общая направленность коллинеарных векторов на весь контур спинки языка аг; основной – линейный небный локус НЛ-59 (часть контура небного свода от гребня альвеол до половины передней части мягкого неба включительно), шесть типовых ступеней снижения; выдвинутый – линейный небный локус НЛ-(3)89 (часть контура небного свода от переднего склона альвеол до задней части твердого неба включительно), шесть типовых ступеней снижения; отодвинутый – линейный небный локус НЛ-670 (часть контура небного свода от передней части твердого неба до половины задней части мягкого неба включительно), шесть типовых ступеней снижения. Специальные буквенные знаки для неогубленных вокальных настроек этого ряда; для огубленных настроек используются буквенные знаки соответствующих ступеней снижения огубленных настроек четвертого (заднего) ряда с диакритическим знаком "нижнее тире под буквой".

	Основной НЛ-59, КА-3,6	Выдвинутый НЛ-(3), КА-3,6	Отодвинутый НЛ-670, КА-3, 6
1. $\bar{a}$ ₅₉	<u>$\bar{a}$</u> ₅₉	$\bar{a}$ (3) ₈₉	$\bar{a}$ ₆₇₀
2. $\bar{b}$ ₅₉	<u>$\bar{b}$</u> ₅₉	$\bar{b}$ (3) ₈₉	$\bar{b}$ ₆₇₀
3. $\bar{g}$ ₅₉	<u>$\bar{g}$</u> ₅₉	$\bar{g}$ (3) ₈₉	$\bar{g}$ ₆₇₀
4. $\bar{z}$ ₅₉	<u>$\bar{z}$</u> ₅₉	$\bar{z}$ (3) ₈₉	$\bar{z}$ ₆₇₀
5. $\bar{a}$ ₅₉	<u>$\bar{a}$</u> ₅₉	$\bar{a}$ (3) ₈₉	$\bar{a}$ ₆₇₀
6. $\bar{b}$ ₅₉	<u>$\bar{b}$</u> ₅₉	$\bar{b}$ (3) ₈₉	$\bar{b}$ ₆₇₀

Изложенная здесь векторная классификация вокальных настроек в полости рта (табл. I) базируется на векторном принципе, который при определенном минимуме соматических индикаторов (два – точечные НЛ и МЛ – для первых четырех рядов настроек, один ли-

Таблица I

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ГЛАСНЫХ

по 5 рядам, 6 (4) ступеням снижения и дополнительной работе губ (по Л.В.Щербе на основе алфавита МФА с уточнениями В.М.Наделяева)

Ряды ступени	Смешанный индекс - 59		Центральный индекс - 89		Центрально- задний индекс - 9		Задний индекс - 90	
	Передний индекс - 7							
1.	i	y	ɪ	ʏ	ɨ	ɤ	ɘ	ɤ
2.	ɪ	ʏ	ʊ	ʊ	ʊ	ʊ	ʊ	ʊ
3.	e	ø	ə	ə	ə	ə	ə	ə
4.	ɛ	œ	ɜ	ɜ	ɔ	ɔ	ɔ	ɔ
5.	ɛ	œ	ə	ə	ə	ə	ə	ə
6.	ə	ə	ə	ə	ə	ə	ə	ə

нейный НД - для пятого ряда) позволяет единообразно и достаточно точно подводить конкретные вокальные ротоволостные настройки под один из пяти классификационных рядов (в их основных и сдвинутых вариантах) с учетом индивидуальных особенностей этих

настроек, в частности, возможной в них рядной комбинированности. Безусловно, такая точность необходима только для полного фонического описания оттенковых проявлений гласных фонем при исследовании вокализма конкретного языка (диалекта), и именно при анализе экспериментально-фонетического материала, полученного соматическими методами, когда подробное описание вокальной настройки резюмируется компактной и потому легко обозримой формулой-символом, отражающей собой возможно полный набор фонических признаков исследуемого звука, что особенно важно для определения фонических доминант артикуляционно-акустической базы, проявляющейся в исследуемой звуковой системе. Однако задача выявить оптимальный минимум соматических индикаторов, необходимых при определении ступеней снижения вокальных ротоволостных настроек, остается еще нерешенной, и поэтому приходится пока ступени снижения определять на слух, лишь в какой-то мере опираясь, скорее интуитивно, на приближенную оценку векторных модулей в этих настройках.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. 2-е изд. М., 1979.
2. Матусевич М.И. Введение в общую фонетику, четыре издания, раздел гласные; Она же. Л.В.Щерба как фонетик. - В кн.: Памяти академика Л.В.Щербы. Л., 1951.
3. Bell A.X. Sounds and their relations. Washington, 1894.
4. Hellwag Ch.F. Dissertatio inauguralis Physiologica-mtdica de formatione loquelae. Tubingae, 1781.
5. Jones D. Das System der Association Phonétique Internationale (Weltlautschriftverein) von D.Jones. - In: Lautzeichen und ihre Anwendung in verschiedenen Sprachgebiete. Berlin, 1928.
6. Jones D. Everyman's English Pronouncing Dictionary. 11-th ed. London, 1958.

7. Setälä E.N. Über transkription der finnisch-ugrischen sprachen. - In: Finnisch-ugrische Forschungen. Helsingfors; 1901. B. 1, H. 1.

8. Techmer F. Die Sprache auf ihrem Wege von innen nach aussen. - In: Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. Leipzig, 1884, B. 1, H. 1.

Т.М.Николаева

СИНТАКСИЧЕСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ И/ЛИ ФРАЗОВАЯ ИНТОНАЦИЯ

I. Комплекс просодических явлений, связанных с высказыванием как целым, называется - хотя бы в течение полувек - по-разному: это и фразовая интонация (интонация фразы), и просодия фразы, и акцентная структура фразы, и фонетика предложения (Satzphonetik) и фонология (phonologie de la phrase), наконец, теория фразового ударения (Sentence stress) и т.д. Принято в таких случаях считать, что, поскольку единый термин не выработан, то теория слишком слаба, а ученые не хотят прийти к единому соглашению.

И все же - не имеем ли мы дело с неким парадоксом? Комплекс просодических явлений - объект многомерный с иерархической структурой формально-смысловых отношений, и все же - желательно именовать его единым термином, придя к общему соглашению. Как будто

бы более обозримая вещь - падежные именные флексии. А между тем - если одно исследование посвящено смысловым оппозициям падежей, другое - фонетике флексий, третье - фонологическому составу флексий, четвертое - флексии и месту словесного ударения, это не вызовет возражений: очевидно, что в каждом случае речь идет о разных сторонах одного и того же феномена.

Обратимся к явлению того же просодического пласта - к словесному ударению. Существуют исследования, посвященные акустико-фонетическому воплощению словесного ударения в том или ином языке - внутри одного языка или в сопоставлении. Однако параллельно представлены и описания распределения места ударения в парадигме одного слова (акцентуационная парадигма). Подобные исследования - часть морфологии, и при этом оказывается безразличным вопрос о том, как именно выражено ударение в травы и как - в травы́.

Можно ли подобным образом "расслоить" вопрос о совокупности фразово-интонационных фактов? Вычленив в них пласт функционально-содержательный, "морфонологический" и пласт воплощения - "фонетический"?

Чисто функциональные, содержательные факты фразовой просодии, отвлеченные от фонетического наполнения, описывает функциональный синтаксис: мена места фразового ударения меняет смысл фразы: Джон пишет Мэри (а не кому-то другому). Пишет Мэри (а не кто-то другой). Джон пишет Мэри (а не говорит о ней по телефону). Подобные структуры накладываются и на другие типы предложений: С кем Вы говорили сегодня? - С кем Вы говорили сегодня? - С кем Вы говорили сегодня? - С кем Вы говорили сегодня? А эта его история? - А эта его история? - А эта его история? и т.д.

Таким образом, акцентная структура фраз. (место главного ударения) как будто бы не зависит от мелодики фразы, от ее интонации в буквальном смысле слова.

Столь же свободным от собственно интонационного воплощения оказывается фактор членения высказывания на синтагмы. Даже /она писать не умела; Даже она писать не умела - коммуникативный смысл абсолютно различен.

Таким образом можно представить себе описание просодии фразы на уровне двух помет - пометы членения и пометы акцентного выделения (с нулевым вариантом нейтрального автоматизированного ударения), интонационно-мелодическое наполнение такого размеченного текста будет обеспечиваться носителями языка с той же неосомненностью, о какой обеспечивается воплощение просодии слова при чтении парадигм с расставленным знаком ударения. Примерно так и выглядит транскрипционная передача текстов разговорной речи:

То есть / вся теоретическая концепция бихевиоризма / это концепция / внешнего наблюдения за поведением / или - эта реакция обратимая // и при небольшом повышении температуры// выше ста градусов / - пойдет обратный процесс // эндотермический. Средствами только одного лишь указания на место акцентного выделения может быть описан целый грамматический фрагмент: напри-
частица еще, вон, вот в сочетании с неким X означают пред-
упомянутость X (в тексте или в ситуации) - Вот моя внучка (о
ней уже говорилось); Вон музей Абрамцево (о нем спрашивали),
Еще пришлите денег (деньги уже присылали), безударность этих ча-
стиц означает новизну X. Целая шестичленная парадигма выстраива-
ется вокруг комбинации один + X: один + X (артикл); один + X

(числительное); один + X (тождественность X для двух актантов); один + X (только X); один + X (один единственный X): один + X (X - и больше ничего) (Николаева, 1979).

2. Функционально интерпретируемые фрагменты синтаксического употребления могут описываться через две пометы - членение и место акцента и для более широкого материала. Обратимся, например, к интересной особенности русского языка - к необычайно разнообразному по употреблению слову и. Диапазон его семантики очень велик: от простого сочинительного союза (отцы и дети) к частице со значением даже (Он и выкрикнуть не успел); от подтверждающего актуализатора, которому иногда даже приписывают значение определенного артикля в русском языке (Birkenmaier, 1979:104-105) (На сеновале и нашла ее мать) до копулятивного элемента (Вот и они). и т.д., причем многие значения не исключают, а перекрывают друг друга. Слово "и" часто комбинируется с частицами, вступая с ними в соединения (Шведова, 1960), которые одни авторы считают комплексом частиц, а другие единой сложной частицей - так и, вот и, даже и и т.п. (Знаменская, 1965:257; 1970; 1970; Дубовицкая,). Но русское и обладает еще одной особенностью: оно может находиться и справа, и слева от частицы: и только - только и; и еще - еще и и т.д. (ср. невозможность этого в модели *et/que*), при этом строгого различения семантики правого или левого и нет. Оказывается, что:

1) в некоторых случаях возможна мена местами И + X — X + И без существенного нарушения смысла:

Приехал из города, весь растратился. И еще вазу купил (Еще и вазу купил); Только и разговору, что о нарядах (И только разговору, что о нарядах); Он делал все плохо. И вот результат

(Вот и результат); Даже и на время надеюсь расставаться с мечтой (И даже на время нелегко расставаться с мечтой) и т.п.;

2) в комплексах с и существенно наличие-отсутствие членения, то есть отделение комплекса с и: И даже / она оставалась в городе; И еще /пришли мне сто рублей; И только /я не была там и т.д. При снятии членения возникает изменение смысла с появлением акцентного подчеркивания: на имени — И даже она оставалась в городе; И только я не была там, или на частице — И еще пришли мне сто рублей;

3) мена позиции и в ряде высказываний ведет к принципиальному изменению смысла: И только Петрову здесь не разобраться (Петров глуп) — Только и Петрову здесь не разобраться (Петров умен);

4) мена порядка в комплексе "частица + и" иногда не влияет на общую грамматическую правильность высказывания, но только на его смысл: Уже и вчера она была совершенно здорова --- И уже вчера она была совершенно здорова. Но ср.: Вот и они --- И вот они ... (предложение не закончено);

5) от указанных комплексов необходимо отличать случайное линейное совмещение "частицы + и": Он отхлебнул еще и пошел домой --- Он еще отхлебнул и пошел домой; Он отложил ружье и еще быстрее зашагал к дому --- Он отложил ружье и зашагал к дому еще быстрее.

Естественно желание определить, в каких случаях возможно/невозможно отделение комплекса "частица + и", когда, при несоблюдении членения, возникает изменение общего смысла; когда при мена порядка в комплексе возникает изменение в смысле, но сохраняется грамматическая правильность высказывания в целом, а когда и

это нарушается. Наконец, как во всех этих ситуациях возникает или исчезает акцентная выделенность слов. Соотнесение этих двух помет: показателя членения и показателя акцентного выделения и данных собственно синтаксических оказывается возможным.

Прежде всего выявляется: 1) отделение комплексов: "И + частица" и "частица + и" обсуждается лишь для инициальных компонентов высказывания: для начала первого или непервого из ~~сочиненных~~ предложений: Как братья все друг с другом поступают и даже говорят (даже и, говорят), собаки там не лают, не только не кусают;

2) одновременная возможность отделения этого инициального комплекса и мена порядка входящих в него частиц осуществляется тем несомненное, чем ближе передаваемая ситуация к глобальной, особенно - при отсутствии активного субъекта, тогда инициальный комплекс относится ко всему высказыванию и, соответственно, легко отделяется: Даже и на время нелегко расстаться с мечтой; Еще и людей стыдно; Только и разговору, что о нарядах; Уже и прочесть это невозможно и т.д. Ср.: И даже на время нелегко расстаться с мечтой; И еще - людей стыдно; И только разговору, что о нарядах; И уже прочесть это невозможно и т.д.;

3) наиболее существенным для возникновения другого смысла при снятии синтагматического членения оказывается тот порядок, когда за инициальным комплексом непосредственно следует имя: в функции подлежащего в особенности, но и в функции дополнения - И даже /она оставалась в городе — И даже она оставалась в городе; И вот /ему ничего не досталось — И вот ему ничего не досталось и т.п.;

4) если инициальный комплекс отделен - то есть относится ко всему высказыванию, а этот смысл желательно сохранить и при этом

осуществить две трансформации: а) мена линейного порядка комплекса, б) ликвидацию членения, тогда и необходимо отделить от начала и отнести непосредственно к глаголу - сказуемому: И ведь / она не думала об этом --- Ведь она и не думала об этом; И вот / мать нашла выход --- Вот мать и нашла выход и т.д.;

5) грамматически неполными при мене линейного порядка оказываются высказывания с дейктическими частицами вот и вон, в сочетании с и - Вот и мы; Вон и деревня --- И вот мы...; И вон деревня... Причина здесь в максимальной нагруженности и как частицы: она выполняет функции определенного артикля + копулы, при отрыве подобной частицы от детерминуемого имени она лишается обоих перечисленных качеств и переходит в ранг союзов. (О копулативности русских частиц можно говорить и в связи с такими конструкциями, как Государство - это я; Вот мельница; разг. Мы вот они; Я вот он и т.д. - вопрос очень интересный, но уводящий в сторону от обсуждаемых проблем.);

6) мена линейного порядка при ликвидации синтагматического членения, то есть при включении инициального комплекса, внутри высказывания трансформирует смысл предложения в зависимости от семантики частицы, комбинируемой с и. При этом как представляется, близость первоначального и трансформированного комплексов по смыслу определяется тем, насколько примыкающая частица близка по значению к и. Выявляются - в этом случае - два полюса семантики и- союзобразной, инклюзивного значения, и партиклеобразной, близкий к даже. В соответствии с этими двумя полюсами менее всего отражается мена порядка комплексов: и + еще (первое значение) и и + даже (второе значение): см. И еще Петрову в этом не разобраться --- Еще и Петрову в этом не разобраться; И даже

Петрову в этом не разобраться = Даже и Петрову в этом не раз-
браться.

Естественно, что далекое от и по смыслу только даст резкую перемену смысла при изменении порядка: И только Петрову в этом не разобраться ≠ Только и Петрову в этом не разобраться. И именно по этому критерию отходит от еще во многом функционально параллельное ему уже - оно не пересекается с и.

3. Переходя к поставленной ранее задаче, возможно вновь попытаться сформулировать возможности того уровня, который в интонологии соответствовал бы чему-то, равному акцентологии в пределах морфонологического пласта. Нельзя ли очертить этот уровень как такой, на котором окажется достаточным пользоваться только этими двумя показателями: 1) наличием-отсутствием членения, 2) наличием-отсутствием акцентного выделения слова? Действительно, большинство работ по функциональному синтаксису ограничивается именно этими показателями (особенно это относится к работам на англоязычном материале - вероятно, как реакция на господствовавшую в течение многих лет модель описания английской просодии, при которой она представлялась лишь как мелодика, причем мелодика предложения в целом. Теперь появляются описания именно акцентной структуры английского языка (Schmerling, 1976; Bresnan, 1971; Bergman, 1972; Schmerling, 1974), то есть пласта не учитываемого моделью К.Пайка и др.).

Действительно, определенная часть семантики высказывания через эти показатели описывается. Но как можно было заметить и из предложенного маленького фрагмента-анализа комплекса "частица + и" - в модель не включается такой показатель, как мелодика. Не включается мелодика и в распространенные сейчас функционально-

синтаксические описания. А между тем, только мелодическая характеристика различает значение реплик - Видела (Да, видела) и Видела (Да, видела, а вам что?). Семантика подобных противопоставлений не описывается на уровне членения и акцентной разметки. Оба эти высказывания входят в один тип - утвердительные, но коммуникативное их различие значимо.

Именно подобные противопоставления проанализированы Е.А.Брызгуновой в интонационных разделах "Русской грамматики" (1980) (далее АГ-80). Собранные воедино, эти данные, особенно факты II тома АГ-80, представляют собой картину сложнейших иерархических отношений интонационного и синтаксического уровней языковой структуры. К сожалению, эти увлекательные по своей наглядности факты пока не опубликованы в отдельном виде и рассыпаны по огромному тому "Граматики", а собранные вместе они являют собой описание интонационных отношений, пока, насколько можно судить, не представленное ни для одного языка мира. Е.А.Брызгунова, в отличие от многих исследователей, не просто сопоставляет факты синтаксические и факты интонационные, а, оперируя и теми и другими на разных диапазонах абстрактности, показывает и разную степень коррелятивности этих диапазонов. Наиболее интересным теоретически является положение о том, что "Каждая форма предложения практически может употребляться со всеми типами ИК, но при этом осуществляется перераспределение функциональной нагрузки ИК" (1918). Е.А.Брызгунова оперирует и фактами членения и акцентного подчеркивания (см. § 2126 - Сидела еще одна рота/ ждавшая переправы - то есть другие не ждали - и Сидела еще одна рота, ждавшая переправы, то есть в числе других подобных), но значимость именно этих факторов признается, как показывалось выше, и всеми

исследователями — не только интонологами, но и синтаксистами. Сила именно ее концепции — в привлечении обобщенных интонационно-мелодических конструкций к синтаксическому анализу.

При этом обращение к подлинным языковым фактам, представленное в параграфах АГ-80, относящихся к интонации, показывает неожиданную парадоксальность синтактико-интонационных отношений. Именно на интерпретации парадоксов факта — по отношению к теориям разного рода — хотелось бы остановиться.

В интонологии конца 50-х — середины 60-х гг. господствовала теория, согласно которой каждый тип синтаксических отношений, должен обязательно иметь свой собственный интонационный коррелят. В дальнейшем оказалось, что этот параллелизм необязателен и что интонационный слой обуславливает свои автономные смысловые проблемы и обладает набором собственных средств для их решения. Тогда центром интонационных исследований стал поиск смысловых категорий, передаваемых интонацией как таковой.

В современных функциональных исследованиях одним из результатов обращения к коммуникативной теории является появление новой иерархии данных, в частности, данных диахронического изменения (Новое в зарубежной лингвистике, 1982), по которым феномены одной парадигмы изменяются по-разному в зависимости от активности коммуникативной ангажированности. Так, изменения захватывают I лицо скорее, чем 2-е, и несомненно скорее, чем 3-е, одушевленный актант-человек коммуникативно более важен, чем актант-животное и чем неодушевленный реципиент и т.д. Различия по коммуникативной значимости компоненты как бы движутся с разной скоростью, единый срез начинает распадаться.

Эти же факты отмечались и для интонации — например, явная

выделенность по монолитности интонационного рисунка местоименных вопросов уже давно описана Н.Д.Светозаровой (1982). Из указанных разделов АГ-80, встает представленная Е.А.Брызгуновой сложная картина синтактико-интонационных отношений: 1) есть случаи, когда смысл настолько очевиден, что тип интонационного воплощения не обязательно предопределен - (§ 1990- И высокий же он! и т.п.); 2) есть случаи, когда только интонация определяет семантический тип высказывания, полусемантического по лексико-грамматическому составу - таких случаев очень много, и Е.А.Брызгунова представляет градацию этих отношений; 3) но есть случаи как бы фразеологического сращения - когда и лексико-синтаксическая связанность и интонационная наполненность "работают" в одном направлении. Об этом можно сделать вывод и по теории, изложенной в I томе АГ-80, где говорится, что более модально нагруженные типы ИК обладают и меньшим диапазоном вариантных реализаций (§ 163).

Таким образом, ограничиться только акцентной структурой и указанием на синтагматическое членение на уровне интонологической абстракции не оказывается возможным. Отчего же в исследованиях по функциональному синтаксису мы в основном видим только два этих показателя? Как представляется, ответ здесь двоякий. Первое, в подобных исследованиях обычно не привлекается экспрессивно или модально окрашенная звучащая речь, хотя для коммуникации (например, для устной манифестации текота) ответ отрицательный, с вызовом - Вам надо в Савелово. - А мы куда едем! (то есть именно туда) столь же является фактом, как и ответ: А мы туда и едем! Второе - в синтаксических исследованиях обычно изучается не нейтральное произнесение с автоматизированным фразовым ударением, а

высказывание с акцентным выделением, создающим пресуппозитивно-контекстную ауру (Николаева, 1982). А именно в подобных высказываниях роль этих двух факторов максимальна. Как пишет Е.А.Брызгунова: "В тексте, насыщенном противопоставлениями, сопоставлениями, пояснениями и подчеркиваниями, синтагматическое членение становится основным способом выражения соответствующих выражений. Так, в следующем отрывке членение на короткие синтагмы служит смысловому выделению отдельных слов; различительные возможности ИК-2, ИК-3, ИК-6 в таких синтагмах ослаблены" (§ 222б).

4. Еще до появления работ Е.А.Брызгуновой существенные для построения теории обобщенного описания просодия предложения факты были широко представлены в монографии Ю.Н.Шведовой: "Очерки по синтаксису русской разговорной речи" (Шведова, 1960). Если рассмотреть в совокупности эти данные и интонационные характеристики РР, представленные в коллективных монографиях и отдельных работах последних лет (Розанова, 1978; Носова, 1977; Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981; Бондаренко, 1978; Скоринова, 1982), то мы получим как бы даже противоречание друг другу картины. С одной стороны, отмечается для РР смазанность по интонационному воплощению, очевидная нейтрализованность интонационных конструкций, тенденция к коротким, не всегда завершенным синтагмам, с другой стороны – в примерах Н.Ю.Шведовой четкость почти фразеологической синтаксической конструкции соответствует столь же заданной интонационному воплощению. Например – значение "утверждения обратного" в конструкциях с так и – Так я и отдал!; Так его и пустили! – произносится с полувосклицательной интонацией стр. 127); значение акцентированного противопоставления в конструкции с ка обязательно сопровождается паузой: С его умом

да не понять?; К другу / да не зайти? (стр. 170) и т.д.; достаточно просто привести несколько примеров вроде: Да ложитесь вы!; Ну люди!; Ну вот еще!; Вот и не пропускаю!; А то?!; А хоть бы и...; Ну уж и ... из книги Н.Ю.Шведовой, и становится очевидным, что их интонация строго предпоределена. (Автор и описывает очень подробно интонацию многих конструкций подобного типа.)

Указанный выше парадокс объясняется тем различием в материале, который используется в работах по РР и в монографии Н.Ю. Шведовой: в последних исследованиях разговорной речи обычно фиксируется сплошной поток речи, спонтанно произносимый и тотально описанный. Н.Ю.Шведова обращает внимание на "несвободность" многих типов построения разговорной речи, на неоднородность этой "несвободности" (с. 8), на заданность многих ее конструкций, при этом привлекаются данные диалогов, монологов и авторской речи и из художественных произведений. В последнем случае "яркость" разговорных инкрустаций уже заранее предрешена. Существенно то, что, по данным книги, лексико-грамматическая заданность ряда разговорных конструкций влечет за собой и интонационную заданность.

Отсюда - еще раз можно подчеркнуть парадоксальность самой системы разговорной речи, уже и в интонационном плане: она и свободна, и рыхла, и предоставляет смазанные, нейтрализованные конструкции, и именно она закрепляет еще и интонацию за почти фразеологизированными речевыми оборотами¹.

Возвращаясь к исходным позициям, можно предположить, что,

¹ То есть... иными словами, разговорная речь одновременна и "синкретична", и "расчлeзна". Это чередование нарочито отчетливо на фоне смазанного (Розанова, 1979).

в области просодии фразы, сам материал, шкалярно организованный и по существу парадоксальный, предопределяет и тип своего максимально абстрагированного описания. Оно не может быть употреблено в фонологии, то есть фонологии классической. Принципиально допустимо для одних нужд использовать факты, лишенные фонетической корреляции, например, оперировать только членением – его отсутствием (например, именно оно отличает обособленное пояснение – Приду в четверг / вечером и Приду в четверг вечером – См. Е.А.Брызгунова (2127), в других – необходимо подробно описывать все факты интонационной структуры, вплоть до увеличения-уменьшения длительности слогов или слов, изменения регистра и т.д.

Таким образом, если различать во фразово-просодическом слое аналоги фонологии и фонетики, то их строгое рассечение априори оказывается невозможным, они, существуя отдельно, врастают друг в друга, отражаясь иногда почти зеркально. Мысль эта, находится в полном и единодушном согласии с положениями, выдвинутыми для сегментной фонетики Л.В.Бондарко в ее книге, посвященной фонетическим фактам языка и фонологическим фактам речи (Бондарко, 1981).

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981.

2. Бондаренко Л.П. Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотносительность с синтагматическим членением. Л., 1978.

3. Земская Е.Л., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. М., 1981.

4. Дубовицкая Р.Д. К вопросу о взаимодействии сочинительных союзов и частиц в современном русском языке.

5. Знаменская А.В. Частица "так и" в современном русском языке. - Уч. зап. ОИПИ, 1965, т. 257.

6. Знаменская А.В. Частица "и то" в современном русском языке. - Уч. зап. Смоленского ПИ, 1970, вып. 22.

7. Знаменская А.В. Частица "ну и" в современном русском языке. - Уч. зап. Смол. ПИ, 1970, вып. 24.

8. Николаева Т.М. Словосочетание с лексемой "один". Форма, значения и их контекстная маркированность. - В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.

9. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

10. Носова Г.И. Реализация основных интонационных типов в спонтанной речи. АКД. Л., 1977.

11. Розанова Н.Н. Суперсегментные средства в русской разговорной речи. АКД. М., 1978.

12. Розанова Н.Н. О динамической неустойчивости в разговорной речи. - В кн.: Синтаксис текста, М., 1979.

13. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.

14. Скорикова Т.П. Конструктивные возможности сегмента устной научной речи. - Československa rusistika, 1982, № 2.

15. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

16. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

17. См. "Новое в зарубежной лингвистике", вып. X, 1982; Subject and Topic. N.Y., 1976; Mechanisms of syntactic change. N.Y., 1977.

18. Русская грамматика. М.: Наука, 1980, т. I (§ 157-163); т. 2 (§ 1900, 1918, 1936, 1947, 2064, 2125-2127, 2131, 2150- 51, 2155, 2175, 2223-2230, 2545, 2629-2640, 3189-3194).

19. Birkenmaier W. Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. München, 1979.

20. Berman A., Szamosi M. Observations on sentential stress - Language, 1972, v. 48, N. 2.

21. Bresnan J.W. Sentence stress and syntactic transformations. - Language, 1971, v. 47, N 2.

22. Schmerling S.F. Re- examination of normal stress, - Language, 1974, v. 50, N 2.

23. Schmerling S.F. Aspects of English sentence stress - Austin London, 1976.

В.А.Плоткин

О СИСТЕМЕ РУМЫНСКИХ КИНАКЕМ

Фонемы представляют собой не отдельные ноты, а аккорды, составленные из нескольких элементов.

И.А.Бодуэн де Куртенэ (1963:203)

Лишь разложение фонем на конституенты и идентификация полученных предельных единиц (the ultimate entities) приводят фонематику к ее основному понятию.

Р.О.Якобсон (1949:213)

Для обозначения элементарных единиц - конституентов фонем в лингвистике используются термины "различительный (или дифференциальный) признак" (сокращенно РП или ДП), "меризм", "фонон", "субфонема". Мы предпочитаем обозначать такие единицы термином И.А.Бодуэна де Куртенэ "кинакема" (Бодуэн де Куртенэ, 1963:290, 310, 327).

Кинакемам как фонологическим единицам присущи такие фундаментальные свойства языковых единиц, как включение в специ-

фические для каждого языка парадигматические и синтагматические системы, а также способность получать семантическую нагрузку. Поэтому мы считаем насущной задачей фонологии выявление и описание кинакемной парадигматики и синтагматики каждого языка, а также определение семантической нагрузки его кинакем (Плоткин, 1981:191-195; Plotkin, 1976:81-92).

Воякая кинакемная система состоит из вокалической и консонантной подсистем, в каждую из которых входят категории: модальная и локальная. В румынском вокализме модальная категория состоит из двух растворных оппозиций, то есть контрадикторных пар кинакем — широкого и неширокого, узкого и неузкого раствора. Закономерности их внутрифонемной синтагматики допускают формирование трех ступеней раствора: широкой с кинакемами широкого и неузкого растворов, узкой с кинакемами узкого и неширокого растворов, средней с двумя отрицательными кинакемами неузкого и неширокого растворов. Трехступенчатая структура вокалического раствора объединяет румынский язык с множеством других языков.

Напротив, локальная категория в румынском вокализме обладает весьма сложной и своеобразной структурой. Традиционные фонетические и фонемные описания выделяют в румынском языке по меньшей мере 7 гласных, подразделяемых на три тембровых ряда: передние /i/, /e/, средние /^hi/, /^ha/, /a/, задние /u/, /o/. При этом всегда отмечается сильная препалатализация у переднего ряда и столь же сильная прелабиализация у заднего ряда; средний ряд лишен как палатализации, так и лабиализации. Можно полагать, что здесь функционируют две тембровые оппозиции с комплексной субстантивной реализацией кинакем: переднерядность сопряжена с препалатализацией, а заднерядность — с прелабиализацией. Что касается

их внутрифонемной синтагматики, то, во-первых, она не ограничивает сочетание положительных тембровых кинакем с кинакемой широкого раствора, что позволяет включить в фонемный инвентарь еще две широкие гласные — переднюю препалатализованную /ea/ и заднюю прелабиализованную /oa/ (ср. ряды фонемных чередований eu plece — el pleasa, noi purtam — eu port — ei poarta). Во-вторых, звуковой состав некоторых румынских слов позволяет предположить возможность существования гласных фонем, в структуре которых сочетаются две положительные тембровые кинакемы, то есть гласных передне-задних, препалатализованных и в то же время лабиализованных: /iu/, /io/, /eoɑ/ (stiuca, a microlai, leoarca). Таким образом, в целом румынский вокализм может достигнуть 12-фонемного инвентаря.

Заметим, что комплексный характер субстантной реализации кинакем и возможность внутрифонемных сочетаний из двух положительных тембровых кинакем обуславливают наличие дифтонгоидного скольжения в артикуляции 9 и 12 румынских гласных фонем. От дифтонгоидных монофонем принципиально отличаются многочисленные бифонемные дифтонги с узкими гласными /i/, /u/ в качестве вторых компонентов.

Состав категорий в подсистеме консонантных кинакем в целом мало специфичен: в модальную категорию включены субкатегории преградная с оппозициями смычности и проточности и звуковая с оппозициями шумности и сонорности. Внутрифонемные сочетания преградных кинакем образуют согласные фонемы смычные, проточные, смычно-проточные (аффрикаты), а сочетания звуковых кинакем формируют фонемы шумные несонорные (то есть глухие), сонорные нешумные (то есть сонанты), шумные сонорные (то есть звонкие).

Распределение румынских согласных фонем по перечисленным модальным классам не вызывает особых трудностей.

В локальную категорию входят две субкатегории – активная и пассивная, кинаемы которых определяют соответствующее участие активных и пассивных органов в реализации согласной фонемы. В румынском консонантизме имеются две активные оппозиции предъязычности и заднеязычности, а фонемы без положительных кинаем этих оппозиций включают в свою структуру кинаему пассивной оппозиции постдентальности. В результате складываются четыре локальных разряда согласных фонем: предъязычные (то есть губные), дентальные без положительных локальных кинаем в своих структурах, постдентальные (то есть палатальные), заднеязычные. В разряде постдентальных объединяются смычные /k'/ (в графике *chi*, *che* – *chip*, *cheie*), /g'/ (в графике *ghi*, *ghe* – *ghinion*, *gheata*), проточные /v/ (в графике *v* – *parte*), /z/ (в графике *j* – *jca*), смычно-проточные /ts/ (в графике *ci*, *ce* – *cine*, *cer*), /dz/ (в графике *gi*, *ge* – *ginare*, *geam*). Обращает на себя внимание отсутствие в румынском консонантизме полугласных; наиболее распространенный в языках мира полугласный *j* выступает в румынском языке либо как реализация гласной фонемы /i/, обычно после другого гласного в дифтонге (*stai*, *puī*), либо как реализация кинаемы переднерядности с препалатализацией в фонемах /i/ (*in*, *īvor*), /e/ (*el*, *īed*), /ea/ (*ea*, *īapā*), /iu/ (*īute*, *īubit*), /io/ (*īobag*), /eoā/ (*īeoarōā*).

Среди закономерностей межфонемной синтагматики румынских кинаем наибольший интерес представляет проблема палатализации согласных в конечной позиции. Не входя в подробное обсуждение общеизвестных фактов и аргументов в пользу признания палатализо-

ванных согласных как особых фонем и против такого решения, следует указать, что кинакемный подход позволяет трактовать фонетическую палатализацию конечного согласного как разновидность реализации фонемы /i/ в безударной конечной позиции после всех одиночных согласных и некоторых (но не всех!) консонантных групп. При этом все остальные кинакемы из структуры фонемы /i/, кроме кинакемы переднерядности с препалатализацией, в этой позиции вообще не реализуются, а единственная реализуемая кинакема субстантно воплощается в постпалатализацию предшествующего согласного. Субстантное объединение вокалической кинакемы с согласной фонемой не создает новой фонемы, и то, что в фонетическом аспекте предстает как палатализованный согласный, фонологически представляет собой синтагматическое объединение согласной фонемы с гласной, сильно редуцированной до одной кинакемы, но не исчезающей из синтагматической цепи.

В этом свете особое внимание привлекает к себе факт значительной семантической нагруженности редуцированной гласной фонемы /i/. При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что эту нагрузку несет не вся фонема /i/ в целом, а лишь одна из ее кинакем — единственная не подверженная редукции в позиции морфологического форманта кинакема препалатализации с переднерядностью. Ведь в качестве форманта множественного числа имен или 2-го лица единственного числа глаголов фонема /i/ противопоставлена фонеме /u/, которая имеет те же модальные кинакемы и не совпадает с /i/ только по локальной характеристике, прежде всего по отсутствию препалатализации; ср. мн.ч. *vocri*, *voi*, *lupi* — ед. ч. *vocti*, *voe*, *lup*. В последнем из приведенных слов, в отличие от двух предшествующих, обязательна редукция конечно-

го /u/ по позиционным условиям, но общей чертой всех форм единственного числа является отсутствие кинакемы препалатализации с переднерядностью в исходе словоформы. Именно этой вокалической кинакемой маркируется форма множественного числа имен. Это касается не только приведенных существительных мужского рода, но широко представлено и в женском роде: ср. ед.ч. *savă*, *inimă* - мн.ч. *save*, *inimi*, где передний гласный формант /a/ заменяется передним /e/ или /i/.

В румынской морфологии немало и других примеров использования кинакем, главным образом вокалических, в качестве категориальных показателей. Так, формы 3-го лица конъюктива маркируются заменой тембровой кинакемы во флексии на противоположную: передняя гласная индикатива заменяется передней (ср. *el poartă - sa poarte*), а передняя - передней (ср. *el bate - sa bată*). Тембровые кинакемы играют важную роль в образовании основ косвенного (дательного-родительного) падежа имен: единый агглютинативный показатель этого падежа в единственном числе - фонема /i/, присоединяемая к падежной основе, которая в мужском роде всегда имеет в исходе заднюю гласную /u/ (*omulu-i*, *fratelu-i*), а в женском - переднюю гласную /e/ или /i/ (*savă-i*, *inimi-i*).

Модальная вокалическая кинакема широкого раствора несет семантическую нагрузку морфологического показателя определенности у имен женского рода в единственном числе. Немаркированные неопределенные формы у таких имен оканчиваются либо фонемой /e/, которую в определенных формах заменяет гласная широкого раствора /ea/ (*carte-carteă*), либо фонемой /ă/, заменяемой в определенных формах фонемой /a/ (*savă - savă*). В обоих случаях, как можно видеть, имеет место не полная замена одной фонемы другой,

ибо заменяются только растворные кинакемы – вместо кинакемы не- широкого раствора устанавливается ее положительный коррелят, то есть кинакема широкого раствора, тогда как локальные кинакемы в обоих случаях сохраняются неизменными. Наконец, в третьем, менее распространенном случае неопределенная форма завершается ударным гласным, и тогда в качестве форманта определенности используется широкая гласная фонема заднего прелабиялизированного ряда /oa/, в графике отображаемая в виде ua (zi - ziua, stea - steaua).

Таким образом, факты румынской морфологии свидетельствуют о возможности несения кинакемами как языковыми единицами весьма значительной семантической нагрузки категориальных показателей.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию, т. II, М., 1963.

2. Плоткин В.Я. Кинакема, фонема, слог. – В сб.: Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л.В.Щербы. Л., 1981.

3. Plotkin V.Y. Systems of ultimate phonological units. *Phonetica*, 33 (1976), 2.

4. Jakobson R. The identification of phonemic entities. – In: *Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague*, V (1949). Reprinted in: *Jakobson R. Selected writings. I. Phonological studies*. 1962, Mouton: 's-Gravenhage.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИНТОНАЦИИ

(К проблеме интонационных единиц)

Констатируемая многими авторами сложность определения единиц интонационной системы языка, которая иллюстрируется крайней количественной и качественной разнородностью предлагаемых в качестве интонационных единиц сущностей, объясняется, видимо, целым рядом причин. Это и совмещение в интонационной системе явлений различной степени условности, и сложная связь интонации с синтаксическим строем и лексическим составом высказывания, и различие источников интонационных значений, одни из которых принадлежат к сфере коммуникативных отношений (вопрос, побуждение и т.п.), другие - к сфере синтаксических связей (сопоставление, перечисление и т.п.), третьи - к сфере эмоционально-модальных категорий (удивление, категоричность, упрек и т.п.). Такое объективное положение дел приводит к тому, что в качестве интонационных единиц в различных описаниях интонации (как для разных языков, так и в пределах одного языка) выступают принципиально разные явления: выделяемые на основе формального критерия "интонационные модели" и описываемые по значению "интонации", локализованные на определенном участке "ядерные тоны" и охватывающие весь речевой такт "тональные группы", "интонационные фонемы" и "тональные уровни", "типы речевых тактов" и "тональные завершители" и т.д. Даже этот далеко не полный перечень показывает, что понятие единицы применительно к интонационной сфере не достигло еще необходимой степени строгости и формализованности. Существующие в настоящее время интонационные концепции и эмпирические

данные не позволяют выбрать в качестве единственного и полностью удовлетворяющего решения какую-либо одну из предлагаемых единиц. Для описания разных сторон функционирования интонации более пригодны разные типы единиц. Единственно приемлемое, как кажется, решение — допустить, что интонационная система языка это сложная система, состоящая из принципиально разнородных единиц, обслуживающих разные функции интонации. Рассмотрение различных интонационных классификаций на материале русского языка, ни одна из которых в отдельности не отражает всех богатых возможностей русской интонации, подтверждают справедливость высказанной гипотезы. (Подробнее об этом см. Светозарова, 1982.)

Одно из проявлений разнородности интонационных единиц в пределах интонационной системы связано с сосуществованием в ней единиц, функционирующих преимущественно парадигматически, и единиц, реализующихся на синтагматической оси. Именно в этом плане имеются серьезные различия между разными описаниями интонации, одни из которых, явно преобладающие, анализируют в основном наборы парадигматически противопоставленных друг другу интонационных типов, моделей, или конструкций, а другие, более редкие, дают также, или даже в первую очередь, классификацию синтагматических интонационных единиц-отношений. Работы первого типа представлены, например, классическими описаниями английской интонации (O'Connor, Arnold, 1973), работы второго типа, характерные особенно для русского и советского языкознания, — исследованиями А.М.Пешковского, А.Н.Гвоздева, Т.М.Николаевой (Николаева, 1969, 1977).

Говоря о синтагматике и парадигматике в интонации, мы сталкиваемся со сложным вопросом: в какой мере речь должна идти о

синтагматическом и парадигматическом аспекте самих — безусловно автономных — интонационных единиц, и в какой мере — о синтагматике либо парадигматике тех неинтонационных явлений, с которыми соотносится в каждом данном случае интонация. Важнейшей особенностью интонации, столь естественной для говорящих, но весьма сложной для теоретического осмысления интонационных фактов, является ее функционирование в языке и в речи в неразрывном единстве с лексическими и синтаксическими средствами языка. Именно здесь коренятся серьезные расхождения в объеме понятия "интонация", которое варьирует от явления сугубо фонетического (то есть относимого лишь к плану выражения языковых знаков), так или иначе сочетающегося с иными языковыми средствами, до включения определенных лексических и синтаксических категорий в интонацию, что естественно снимает вопрос о их взаимодействии. В естественной речевой ситуации интонация выступает не изолированно, а сочетаясь с теми или иными типами предложений, с определенными типами синтаксических связей, с отдельными группами слов. Интонация не дублирует грамматические и лексические значения, она обладает собственными различительными возможностями: более детально дифференцирует коммуникативно-эмоциональные типы высказываний, более обобщенно и "глубинно" выражает типы связи между предложениями и их частями, придает слову ту или иную степень важности и новизны. Вместе с тем, функционируя в тесной связи с преимущественно парадигматическими (типы высказываний) или преимущественно синтагматическими (типы синтаксической связи) явлениями, в известной степени "обслуживая" их, интонация "встраивается" в общеязыковое противопоставление синтагматики и парадигматики (горизонтали и вертикали), что в значительной степени затемняет

синтагматику/парадигматику внутри самой интонации, понимаемой как фонетическое средство. Последнее, особенно законы сочетаемости интонационных единиц на синтагматической оси, безусловно, требует специального экспериментального изучения. Таким образом, говоря о синтагматике и парадигматике в интонации мы неизбежно имеем дело с синтагматикой и парадигматикой неинтонационной сферы, что, однако, не умаляет роли данного противопоставления в обосновании системы интонационных единиц.

Анализ парадигматики и синтагматики в интонации вскрывает ряд интересных отличительных черт. Говоря о фонеме, а также морфеме и слове, мы имеем дело с разными аспектами этих единиц при одном и том же материальном воплощении (фонема как минимальная единица членения речевого потока и фонема как член противопоставления; слово в его отношении к соседям в словосочетании и слово в синонимическом или антонимическом ряду и т.д.). Исследуя же интонацию, с одной стороны, в преимущественно линейном, синтагматическом использовании (функции членения на минимальные интонационные единицы и выражения связи между ними и их членами), а с другой стороны, преимущественно в парадигматическом проявлении (функция оформления типов высказываний) мы сталкиваемся с таким серьезным различием фонетических средств, что появляется возможность говорить уже не только о разных аспектах, но и о разных типах единиц. Различия касаются и набора просодических средств и их проявления. Так, при традиционном подходе к интонации, имеющем дело в основном с ее оформляющей функцией, целый ряд специфически интонационных средств (прежде всего пауза, а также соотношения по темпу, интенсивности, мелодическому уровню) просто не находят себе места (ср. Николаева, 1977:19 и др.). Существен-

ное различие имеется и в сфере приложения (протяженности) различных интонационных единиц. Описание интонации в ее парадигматическом аспекте (прежде всего оформление коммуникативно-модальных типов высказываний) допускает и даже предполагает определенную степень дискретности интонационного контура, выделения в нем релевантных отрезков, или зон. Описание же интонации в ее синтагматическом аспекте (место членения и связи между расчлененными отрезками) требует глобального рассмотрения контура на протяжении всего охватываемого интонационной единицей отрезка.

Все сказанное подводит к мысли о целесообразности выделять в интонационной системе языка единицы нескольких типов, различным образом соотносящиеся с противопоставлением синтагматический/парадигматический.

Первую группу единиц составляют принятые в данном языковом коллективе интонационные рисунки, которые более или менее обязательны для оформления определенных коммуникативных типов высказываний и выражения отдельных эмоциональных значений, а потому сравнительно легко отождествляются с ними. С точки зрения формы единицы этого типа характеризуются прежде всего мелодическими конфигурациями, а также определенным распределением значений интенсивности и длительности, а в случае эмоциональных интонаций также особым тембром. При этом минимальное количество коммуникативно важных противопоставлений обеспечивается одними лишь различиями в области интонационного центра. Учет определенных зон в предъядерной части контура приводит к значительному обогащению различительных возможностей интонации, в основном за счет эмоциональных оттенков. Преимущественно парадигматическая противопоставленность единиц этого типа проявляется в том, что они могут

быть реализованы вне контекста и на минимальных по протяженности речевых отрезках, что имеет место, например, при обмене собеседников короткими репликами.

Другую группу единиц образуют реализующиеся на синтагматической оси "интонаемы отношений" (см. Николаева, 1977), передающие такие обобщенные значения, как степень связи между соседними синтагмами и высказываниями, степень относительной важности синтагм в составе высказывания и высказываний в тексте, тип отношений между синтагмами и высказываниями. С точки зрения формы единицы этой группы характеризуются относительными и глобальными показателями: относительной длиной разделяющей их паузы, соотношением отрезков по относительному темпу, интонативности и мелодическому уровню. Синтагматичность единиц этого типа проявляется в их тесной связи с контекстом: в отличие от единиц первого типа они просто не имеют почвы для проявления при обмене отдельными репликами и, напротив, характерны для развернутой, сложной в синтаксическом отношении речи. Отличительной чертой их является также сравнительно малая ситуативная связанность и почти полная индифферентность к эмоциональной стороне речи (единицы же первого типа обнаруживают самую тесную связь с ситуацией и эмоциональной окраской общения).

Третья группа интонационных единиц связана с выражением отношений между отдельными словами как в составе одного высказывания (или его части), так и в соположенных высказываниях. Исследования последних лет позволяют говорить о нескольких степенях смысловой важности слова в тексте, имеющих вполне определенные акустические корреляты (Торсуева, 1971). Как с точки зрения формы, так и с точки зрения функционирования можно отметить ряд

отличий данных единиц (называемых некоторыми авторами "фразовыми акцентами") от рассмотренных выше. Фонетическими средствами выражения разных типов фразовых акцентов являются, в основном, те же средства, которые данный язык использует для фонетического выражения словесного ударения. Признаки степени выделенности преимущественно локализованы в ударном слоге слова, но вместе с тем та или иная степень выделенности существенно модифицирует интонационный контур всей синтагмы (фразы). Функционируя в тесной связи как с контекстом, так и с ситуацией, обнаруживая явную синтагматичность, единицы третьей группы оказываются в большей степени, чем явно синтагматические единицы второй группы, способными и к парадигматическому обособлению (ср. понятия синтагматического и парадигматического контраста в работе /Николаева, 1979/).

Намеченное выше деление интонационных единиц на группы может быть проиллюстрировано серией прототипных примеров (в которых отражены только наиболее явные, так сказать, лежащие на поверхности интонационные факты):

I группа I. Мальчик взял шапку.

2. Мальчик взял шапку?

II группа I. Мальчик взял шапку; потом он надел рукавицы...

2. Мальчик взял шапку и хотел идти...

III группа I. Мальчик взял шапку.

2. Мальчик взял шапку (то есть не что-то другое).

В реальной речи единицы трех типов чаще всего функционируют в тесном единстве, обнаруживая переплетение как в содержательной стороне, так и в фонетических средствах. Чтобы проиллюстрировать это, рассмотрим небольшой отрывок — начало хрестоматийного рас-

сказа Л.Н.Толстого "Филиппок":

"Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему..." Интонация входящего в этот текст фрагмента "Филипп взял шапку" представляет собой сочетание следующих единиц: I-I (а не 2, что обусловлено коммуникативной установкой на сообщение), II-2 (что определяется тесной смысловой связью данного фрагмента со следующими), III-I (что определяется отсутствием в данном тексте какого-либо особого выделения).

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Николаева Т.М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М.: Наука, 1969.

2. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977.

3. Николаева Т.М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности. - В кн.: Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979.

4. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1982.

5. Торсуева И.Г. Роль интонации в оформлении элементов смыслового членения предложения. - Учен. записки I МГПИИЯ им. М.Тореза, т. 60. М., 1971.

6. O'Connor, Arnold, 1973 - J.D.O'Connor, G.F.Arnold. Intonation of Colloquial English, London, 1973.

ИЗМЕНЕНИЯ В КОНСОНАНТИЗМЕ КУМАНДИНСКОГО ДИАЛЕКТА
АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА (ЗА ПОСЛЕДНЕЕ СТОЛЕТИЕ)

Звуковой строй языка кумандинцев — одной из тюркских этнических групп Южной Сибири, вошедших в состав алтайской народности, — не был предметом специального исследования, однако в работах В.В.Радлова, Н.А.Баскакова приводятся достаточно полные сведения, полученные слуховым методом, о качественном и количественном составе кумандинских согласных, их распределении и системных отношениях между ними.

В данной статье рассматриваются различные трактовки системы согласных языка кумандинцев, приведенные ранее в работах тюркологов, в сопоставлении с результатами экспериментально-фонетического исследования кумандинского консонантизма на современном этапе его развития.

Выдающийся ученый, основатель отечественной школы тюркологии В.В.Радлов, построив сто лет тому назад в "Phonetik der nördlichen Türkssprachen" (1882) обобщенную классификационную таблицу согласных для языков северных тюрков и подробно охарактеризовав консонантизм каждого из исследованных им тюркских языков и диалектов, к сожалению, не приводит данных собственно по кумандинскому языку, а констатирует факты либо для близкородственных кумандинскому чалканского, тубинского и шорского языков, либо дает обобщенную характеристику всей группы северных алтайских языков. Поэтому систему согласных для языка кумандинцев второй половины XIX в. можно лишь реконструировать косвенным путем по данным, приведенным В.В.Радловым в "Phonetik...", а также по

материалам его "Словаря..." (1893). Всего для североалтайских языков он выделяет 29 простых согласных (Einfache Consonanten) звуков, которые делятся им по активному органу (с последующим уточнением его локализации, то есть пассивного органа) на губные (Lippenlaute) p, b, f, v, w, m, b; переднеязычные (Laute der vorderen Zunge) t, d, s, $\check{s}$, z, $\check{z}$, θ , n, l, l, r; гуттуральные (Laute der hinteren Zunge) g, k, x, χ , g, γ , j, n, g, r. Все простые согласные делятся им по традиции индоевропейского языкознания на шумные (Geräusch Laute) и сонорные (Sonore Consonanten) с последующим разбиением шумных на глухие (tonlose) и звонкие (tönende); шумные согласные подразделяются также в зависимости от способа образования шума на эксплозивные (Explosiv Laute) и спиранты (Spiranten). Кроме того, В.В.Радлов выделяет 7 сложных звуков, аффрикат (Zusammengesetzte) n, γ , γ , $\acute{c}$, $\check{c}$, c, $\check{g}$ и 9 палатализованных (Palatalisirte) - k, g, $\check{s}$, $\check{z}$, s, z, $\acute{c}$, $\check{c}$, $\check{g}$ (Radloff, 1882).

В аялауте для диалектов северного Алтая (лебединского и тубинского) В.В.Радлов констатировал 13 согласных: 7 глухих - q, k, t, $\check{c}$, s, $\check{s}$, p; один полугласный (Vocal-Consonanten) - j; 5 сонорных - m, r, l, n, η (Radloff, 1882:128). В ауслауте для северных диалектов Алтая, включенных в Томско-Енисейскую группу, зафиксированы сонорные l, l, m, r, n, n, g и те же, что и в аялаутной позиции, шумные глухие q, k, p, t, s, $\check{s}$, $\check{c}$ (туба-диалект) (Radloff, 1882:174). В иялауте для лебединского, тубинского и шорского диалектов отмечены сонорные n, n, m, l, l, r, и шумные звонкие γ , γ , (g), d, z, $\check{z}$, g, b (Radloff, 1882:199). (Кроме того, для иялаутной позиции В.В.Радловым выделены 5 возможных типов консонантных сочетаний: шумный глухой плюс шумный

глухой, шумный звонкий плюс шумный звонкий, сонорный плюс сонорный, сонорный плюс шумный, шумный плюс сонорный (Radloff, 1882: 223), т.е. сочетания типа C_1+C_1 , C_2+C_2 , C_3+C_3 , C_3+C_1 , C_1+C_3 *.

Таким образом, если классификационную таблицу, построенную В.В.Радловым для северных тюркских языков, наполнить только данными, отмеченными им для северо-алтайских диалектов, то можно будет косвенным путем восстановить кумандинский консонантизм на этапе его развития, зафиксированном В.В.Радловым (табл. I), а также дистрибуцию кумандинских согласных этого периода (табл.2).

Таблица I

Tabelle der einfachen Consonanten

		I Lippenlaute.		II L.der vorderen Zunge.		mittlere Zunge	III L.der hinteren Zunge.	
		labio-labial.	labio-dental.	inter-dental.	alveolar		vorder-guttural	hinter-guttural
Geräusch Laute "Spiranten".	Explosive.							
	tonlos.	p			t		k	q
	tönend.	b			d		g	
	tonlos.				s	š		
	tönend.				z	ž	j	ɣ
Sonore.	Nasale	m			n		ŋ	ɳ
	L-Laute				l			
	R-Laute				r			

Zusammengesetzte Consonanten

$$n = n + j$$

$$č = t + š$$

$$q = d + ž$$

* Здесь и далее: C_1 - шумные глухие согласные, C_2 - шумные звонкие, C_3 - сонанты.

Таблица 2

Дистрибуция кумандинских согласных по В.В.Радлову

	р	б	м	т	д	с	з	ш	ж	н	л	л	г	к	г	γ	γ	ʃ	п	г	с	г
CV-	+	+	+	+	+					+	+	+	+	+				+		+	+	
-VC	+	+	+	+	+						+	+	+	+	+				+	+		+
-VCV-		+	+		+			+	+	+	+	+	+	+		+	+	+			+	+

Н.А.Баскаков, автор первого и единственного систематического исследования языка современных нам кумандинцев, выделяет для кумандинского консонантизма 13 согласных фонем, реализующихся в виде 26 вариантов (табл. 3).

Таблица 3 (Баскаков, 1972:24)

Согласные фонемы

По способу образования механизма образования	Шумные						Сонорные		
	Смычные		Проточные		Аффрикативные		Плавные	Дрожащие	Носовые
	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие			
Заднемяточно-небно-язычные	(к)		(х)	(к)					нъ
Заднетвердо-небно-язычные	к	г							
Средненебно-язычные					й	(ть) (дь)			(нъ)
Передненебно-язычные			ш, (щ)	(ж)	ч	(дж)		р	
Передненебно-язычные зубные	т	(д)	с	(з)			л		н
Губно-губные	п	(б)		(в)					м

Слуховой анализ языкового материала, собранного автором данной статьи, позволил выделить в процессе сегментации потока связанной речи и отдельных кумандинских слов 29 согласных звуков с подразделением их по активному речевому органу на следующие группы: губные согласные - p, b, β, m ; переднеязычные - t, d, n, s, z, l, r ; среднеязычные - $h, \text{h}^{\text{с}}, \text{h}^{\text{л}}, \text{h}^{\text{м}}, \text{h}^{\text{н}}$; заднеязычные - $k, x, \text{q}, \text{g}, \text{ŋ}$; язычковые согласные - $\text{ç}, \text{ç}^{\text{с}}, \text{ç}^{\text{л}}, \text{ç}^{\text{м}}, \text{ç}^{\text{н}}$. С учетом характера употребления согласных все исследуемые звуки в предварительном порядке были разделены на шумные и сонанты (C_2) с последующим разбиением шумных на глухие (C_1) и звонкие (C_2).

Анализ дистрибуции и функционирования согласных звуков выявил для кумандинского консонантизма 17 согласных фонем: шумные - $[p], [p^{\text{с}}], [t], [t^{\text{с}}], [s], [s^{\text{с}}], [h^{\text{с}}], [k], [k^{\text{с}}]$ и малозвонные (сонанты) - $[m], [n], [l], [r], [l^{\text{с}}], [r^{\text{с}}], [ŋ], [ŋ^{\text{с}}]$. Морфологический, дистрибутивный и квазиматематический анализ материала с последующим использованием результатов собственно экспериментальных (инструментальных) методов исследования - пневмоосциллографического, дентопалатографического, рентгенографического - позволили сделать вывод о позиционно-комбинаторном распределении современных кумандинских согласных:

а) в инициально-превокальной позиции $[p^{\text{с}}V]$ употребляются оттенки шумных фонем $[p], [t], [s], [s^{\text{с}}], [h^{\text{с}}], [k]$ и малозвонных $[m], [n], [l]$, то есть всех шумных (кроме долгих $p^{\text{с}}$, $t^{\text{с}}$, $k^{\text{с}}$) и трех (из восьми) малозвонных; фонема $[j]$ воспроизводится здесь в шумном смычном среднензвонном $[j^{\text{с}}V]$;

б) в финально-поствокальной позиции $-V[σ]$ констатируются манифестации шести шумных фонем $[p^{\text{с}}], [t^{\text{с}}], [s^{\text{с}}], [h^{\text{с}}], [k^{\text{с}}], [ç^{\text{с}}]$;

и семи малолушумных [ш], [п], [л], [р], [т], [к], [г], [н], то есть всех шумных, кроме кратких [р], [т], [к], и всех малолушумных, кроме малоупотребительной в языке кумандинцев среднеязычной формы [л]:

в) в интервокальной позиции $-V[\sigma]V-$ — репрезентируются все шумные и малолушумные согласные, кроме среднеязычной [л], причем шумные краткие фонемы [р], [т], [к] реализуются здесь в звонких оттенках «б» ~ «в», «д» ~ «з» ~ «ж», «г» ~ «з» ~ «ж», «к» ~ «г» ~ «ж»;

г) в медиально-преконсонантной позиции $-V[\sigma]\sigma_1V-$ с последующим согласным из группы σ_1 употребляются в своих обязательных оттенках шумные фонемы [р], [т], [с], [ш], [н], [к], [к'], то есть все шумные, кроме долгих [р:] и [т:]; в медиально-преконсонантной позиции $-V[\sigma]\sigma_2V-$ реализуются лишь три шумные фонемы: [р] (в оттенке «б» ~ «в»), [с], [ш]; все малолушумные согласные репрезентируются в медиально-преконсонантной позиции $-V[\sigma]\sigma_3V-$ своими основными оттенками;

д) в медиально-постконсонантном положении $-V\sigma_1[\sigma]V-$ с предшествующим согласным из группы σ_1 представлены все шумные фонемы, кроме [р:]; в медиально-постконсонантной позиции $-V\sigma_2[\sigma]V-$ репрезентируются все шумные фонемы, кроме [ш] причем краткие фонемы [р], [т], [к] — в звонких оттенках (см. пункт "в"); в медиально-постконсонантной позиции $-V\sigma_3[\sigma]V-$ употребляются пять малолушумных фонем из восьми: [м], [п], [л], [р], [т], причем в качестве преконсонанта могут выступать лишь согласные из групп σ_2 или σ_3 .

Таким образом, наиболее употребительной для кумандинских шумных согласных является медиальная позиция: медиально-интервокальная $-V[\sigma]V-$, где употребляются все 9 шумных фонем; медиально-постконсонантная $-V\sigma_1[\sigma]V-$ и медиально-постконсонантная

-VC₃[C]V- (по восемь фонем из девяти), а также медиально-преконсонантная -V[C]C₁V- (семь фонем из девяти); наименее употребительной оказалась медиально-пресонантная позиция -V[C]C₃V-.

С согласными из группы C₂ шумные консонанты не сочетаются в медиальной позиции ни препозитивно, ни постпозитивно. Четыре шумные фонемы [p], [t], [ɸ], [k] встречаются в отдельных словоформах в медиальной комбинации из трех согласных типа -V₁¹₂tC₁V-, где C₁ - p, t, ɸ, q.

Наименее употребительной для кумандинских малолшумных согласных является инициально-превокальная позиция [C]V-, наиболее употребительными - медиально-преконсонантная -V[C]C V-, медиально-интервокальная -V[C]V-, а также финально-поствокальная -V[C] позиции. Три малолшумные фонемы [ɬ], [x], [ɟ] встречаются в отдельных словоформах в медиальной комбинации из 3-х согласных, образовавшейся в результате редукции промежуточных гласных, в следующих позициях -VC₃lC₂V-, -VlC₁lC₃V-, -VɬC₁lC₃V-, -VC₃₂^{C₁}ɸV-, -VɟC₃V-.

В обобщенном виде дистрибуция и классификация согласных фонем современного языка кумандинцев представлены в таблицах 4 и 5.

Сопоставляя дистрибуцию кумандинских согласных, какой она зафиксирована во 2-й половине XIX в. Н.В.Радловым, с распределением кумандинских согласных на современном нам этапе развития языка (см. табл. 3-5) можно отметить следующее. В инициальной позиции в настоящее время встречаются те же шумные и глухие согласные, что и у Н.В.Радлова, при этом употребление среднеязычной аффрикаты ^hq, ошибочно трактуемой автором как ^h = t + ɸ, довольно ограничено по сравнению со сходным верхним среднеязычным ^h в этой же позиции, вообще не отмеченным Н.В.Радловым для северо-

Таблица 4

Дистрибуция согласных фонем языка кумандинов

П о з и ц и я											
фонема [C]V- -V[C] -V'[C]V- -V[C]C ₁ V- -V[C]C ₂ V- -V[C]C ₃ V- -VC ₁ C ₂ V- -VC ₂ C ₃ V- -VC ₃ C ₄ V-											
[p]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[p:]	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+
[m]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[t]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[t:]	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+
[s]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[ʃ]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[ɣ]	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
[l]	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[n]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[h _{cs} :]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[j]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[ɹ]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[k]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[k:]	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[ʁ]	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
[ŋ]	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Классификация согласных фонем в облигаторных позиционно-комбинаторных оттенках

[illegible]

алтайских языков, хотя и зафиксированным им для северных тюрк вообще ($\chi' = t+j$, где "выговор первого звука t очень слабый") (Радлов, 1893: XIII). Согласный j , интерпретируемый В.В.Радловым как полугласный, никогда не встречается в инициали современных кумандинских словоформ – на месте его имеем $\dot{h}$. Таким образом, в анлаутной позиции современные кумандинцы, как и столетие тому назад, употребляют только сонорные (малолумные) и шумные глухие согласные.

В финальной позиции, кроме зафиксированных В.В.Радловым шумных глухих и сонорных согласных, употребляется малолумный j , а также не констатированный им в "Phonetik..." для северо-алтайского ауслаута, но отмеченный им же для данной группы диалектов в "Опыте словаря..." звук $\ddot{q}$ (по Радлову $\dot{t}$ – плавный звук, при произношении которого "замыкание на мягком небе так слабо, что воздух пробивается толчками, так что этот звук похож на ряд $t-g-r$ ") (Радлов, 1893: XIV).

В инлаутной позиции, кроме отмеченных В.В.Радловым шумных звонких и сонорных звуков, в настоящее время констатируются малолумные q и j , а также шумные глухие p , t , k , s , $\dot{s}$, зафиксированные Н.А.Баскаковым (1972: 197–276) и автором данной статьи (Селютин, 1976: 60–86) в значительном количестве кумандинских словоформ. Отсутствие в современном В.В.Радлову кумандинском языке интервокальных шумных глухих согласных и появление их спустя столетие свидетельствовало бы о развитии кумандинского консонантизма по пути "оглушения", в то время как для тюркских языков характерна обратная тенденция – тенденция "озвончения" (Малов, 1951: 5–6).

Представляет интерес и отсутствие в материалах Радлова по

северо-алтайским языкам щелевых х (χ), отмеченных в современных кумандинском и чалканском языках в ряде позиций. Этот факт свидетельствует о развитии подсистемы кумандинских смычных согласных по пути спирантизации.

На этот же процесс спирантизации указывает и то, что впервые выделенный В.В.Радловым специфически северо-алтайский сонант ɣ характеризуется им как слабосмычный. В языке современных кумандинцев это щелевой сонант, реализующийся в зависимости от твердояркой или мягкорядной позиции в 2-х оттенках - велярно-увулярном и межзубноязычном. В близкородственном кумандинскому чалканском языке это также щелевой сонант, реализующийся в одном - межзубноязычном - оттенке, индифферентном к палатальной гармонии (Мандрова, 1982:12). Подтверждением вывода о спирантизации кумандинских смычных согласных является и возможность факультативного использования в ряде позиций как смычных, так и щелевых оттенков фонем [p] и [k].

Что касается медиально-интервокальных сочетаний согласных, то для современного кумандинского языка, кроме констатированных В.В.Радловым фонетических комплексов типа: шумный глухой + шумный глухой, сонант + сонант, сонант + шумный (глухой, звонкий) - отмечено также сочетание шумный звонкий + сонант; комбинация шумного глухого с сонантом возможна только для ɣ; выявленные В.В.Радловым сочетания типа: шумный звонкий + шумный звонкий в настоящее время не фиксируются.

Итак, сопоставление распределения кумандинских согласных во 2-й половине XIX в. и на современном нам этапе развития языка свидетельствует о следующем: 1) в инициальной и финальной позициях в настоящее время, как и столетие тому назад, употребляются

только шумные глухие согласные и сонанты (малозумные); 2) констатируется тенденция расширения сферы функционирования сонантов в ауслауте и инлауте; 3) вызывает сомнение правомерность выделения В.В.Радловым для инлаутной позиции только сонорных и шумных звонких согласных и отсутствие в ней шумных глухих *p, t, k, s, ʃ*, зафиксированных Н.А.Баскаковым, а также автором данной статьи в значительном количестве кумандинских словоформ; 4) отсутствие в материалах В.В.Радлова щелевых *x/χ*, отмеченных в современном кумандинском языке в ряде позиций, свидетельствует о развитии подсистемы смычных согласных по пути спирантизации.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972.
2. Мандрова Н.А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). АКД. Алма-Ата, 1982.
3. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
4. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893.
5. Селютин И.И. Инвентарь согласных фонем языка кумандинцев. — В кн.: Сибирский фонетический сборник. Улан-Удэ, 1976.
6. Radloff W. *Phonetik der nördlichen Türkssprachen.* Leipzig, 1882.

О СТАТУСЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОЙ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Исследование статуса произносительной нормы национальных вариантов английского языка – британского (для краткости ВЕ – British English), американского (АВ), австралийского (АУЕ), канадского (СВ) – предполагает прежде всего определение понятия "произносительная норма", а также уточнение вопросов общелингвистического плана, как-то:

- 1) соотношение произносительной нормы и нормы литературного языка;
- 2) статус произносительной нормы в системе отдельно взятого национального варианта английского языка;
- 3) тип произносительной нормы;
- 4) количество произносительных норм в системе национальных вариантов английского языка.

На уровне звуковой системы языка норма определится нами как обработанная произносительная форма единого литературного языка, которая подчиняется законам и правилам, и поэтому принята (имплицитно) в определенном языковом коллективе. При этом следует добавить, что орфоэпическая норма¹ определяет инвентарь вариантов, границы варьирования, а также приемлемые и неприемлемые варианты произношения.

Как известно, "норма" охватывает все уровни языковой систе-

¹ В данной работе термины "произносительная норма", "орфоэпическая норма", "литературное произношение", "произносительный стандарт" используются как синонимы.

мы: фонетика, грамматика, лексика. Характерными особенностями понятия "норма" являются ее социально-лингвистическая и историческая обусловленность, обязательность, стабильность и т.д. Языковая норма представляет собой также "реализацию осознанных принятых образцов речевого общения" (Степанов, 1966). Понятие "принятые образцы речевого общения", видимо, охватывает нормированный набор фонетических, грамматических и лексических правил, которым придерживаются в письменной и устной речи. Напомним, что в англо-американской специальной литературе при адекватной передаче этого понятия используется термин "Standard English". При этом "standard" употребляется для обозначения межнационального и внутринационального общения английским языком. "Standard English", фактически, является воплощением того, что все образованные носители английского языка имплицитно считают международно принятым стандартом, это — диалект, который как считают носители английского языка, является самым подходящим для преподавания родного языка, и это в то же время образец, которому обучают иностранных учащихся (Strevens, 1972:45). Стандартный английский язык имеет ряд характерных признаков:

1) он не принадлежит ни к одной территории и используется везде, где пишут и говорят по-английски, 2) его носители могут говорить с любым "регионально-стандартным акцентом"^I, являющимся нормой для данной территории. Из вышесказанного совершенно очевидно, что под "Standard English" понимается собственно литературный письменный и разговорный стандарт. Каково же тогда соотно-

^I Во многих работах англо-американских диалектологов понятия "диалект" и "акцент" разграничиваются. Под акцентом понимается, строго говоря, диалект, основные отличия которого имеют место в области фонетики.

шение "Standard English" или, в нашей терминологии, нормы литературного языка и произносительной нормы на уровне межнационального и внутринационального общения? Возможно ли говорить о межнациональной произносительной норме английского языка? По-видимому, ответ может быть положительным:

На уровне звуковой системы английского языка норма существует только как абстракция. Это — некий набор инвариантных конститутивных признаков, присущих фонетической системе английского языка на любой территории его распространения. Подобно тому как фонема реализуется в аллофонах, произносительная норма единого литературного английского языка реализуется в виде национальных, принятых и установившихся, произносительных вариантов — BE, AE, AuE, SE, которые, в свою очередь, образуют свои варианты произносительной нормы (или норм).

Таким образом, межнациональная произносительная норма есть сознательный отбор и реализация фонетических средств языка, основанные на критериях взаимной понятности, структурного сходства и общности единого нормированного литературного языка. Вместе с тем пути формирования конкретной произносительной нормы, ее историческое становление и дальнейшее развитие обусловлены множеством факторов. Поэтому не удивительно, что существующий иерархический ряд "диалект — произносительная норма" не имеет обязательной силы для всех национальных вариантов английского языка. Можно констатировать, что, пожалуй, лишь только Англия наиболее близка к этой идеальной формуле. Если формирование произносительной нормы в Англии было вызвано территориальными и историческими факторами с опорой на один диалект (при пестроты диалектов, которые сложились в стране исторически), причем диалект

столицы, то формирование произносительной нормы внутри других национальных вариантов английского языка было вызвано к жизни особенностями функционирования языка в определенных условиях. Фактический материал свидетельствует о том, например, что в некоторых национальных вариантах английского языка, наряду с национальной произносительной нормой, можно также выделить и так называемые региональные стандарты, которые могут рассматриваться как приемлемые произносительные нормы в данном конкретном ареале (например, шотландский региональный стандарт, ирландский, южно-американский и т.д.).

Региональный стандарт или региональная произносительная норма может быть охарактеризована как вариант национальной произносительной нормы, который имеет с ним больше сходных черт, чем различий. Региональные произносительные нормы обычно группируются вокруг диалектных ареалов. Иными словами, каждый региональный стандарт имеет собственный диалектный уровень и характеризуется фонетическими признаками, присущими данному диалектному ареалу. Можно констатировать, что региональный стандарт есть произносительная норма отдельно взятого ареала, характеризующая речь образованных носителей языка данного ареала.

Таким образом, произношение отдельно взятого национального варианта английского языка представляет собой сложное единство национальной произносительной нормы, региональных стандартов и диалектов.

Такова наиболее обобщенная схема произносительных возможностей национальных вариантов английского языка.

Вместе с тем статус произносительной нормы, ее тип (или типы) и количество обусловлены конкретными социальными и историче-

скими условиями существования народа — носителя того или иного национального варианта английского языка, уровнем развития всей его духовной культуры и, в конечном итоге, структурой общественных отношений.

В Великобритании, например, можно говорить о единой национальной произносительной норме, тогда как в остальных англоговорящих странах произносительная норма существует в нескольких вариантах. Так, существование нескольких произносительных норм в США сложилось исторически. Английский язык, проникший на север Америки, оказался в иных географических, социальных и национальных условиях, чем в самой Англии. Но если "отрыв" американского варианта английского языка от британского был обусловлен исторически, то дальнейшее формирование нормы и ее вариантов в пределах самих США происходило уже независимо от Англии. Таким образом, условия функционирования английского языка в его произносительной форме в США привели к иному развитию нормы. Следовательно, тип произносительной нормы, так же как и количество произносительных норм находятся в прямой зависимости от степени обработанности самого литературного языка, от эпохи и характера взаимоотношений между разными языковыми коллективами, от большего или меньшего влияния диалектов и от ряда других дополнительных факторов (Будагов, 1967).

Рассмотрим конкретно реализацию произносительной нормы в национальных вариантах английского языка.

Так, в Великобритании RP (Received Pronunciation — принятое произношение) является национальной произносительной нормой. Несмотря на то, что носители RP составляют меньшинство насе-

ния страны^I, оно было и остается "престижным литературным" произношением, имеющим наивысший статус произносительной нормы в стране. Что касается региональных стандартов английского языка (шотландский, ирландский, уэльский, северный и т.д.), то они не обладают таким престижным статусом, как RP. Более того, в Англии все еще сохранилось противопоставление диалект-произносительная норма. И тот факт, что многие диалекты дожили и до наших дней, свидетельствует о том, насколько сильны пережиточные явления в языке. Вместе с тем следует отметить, что после второй мировой войны наблюдается постепенное исчезновение, отмирание местных диалектов в стране. Как известно, диалекты сохраняются и даже процветают, как правило, в сельской местности, удаленной от крупных городов. Сегодняшняя Англия - это высокоурбанизированная страна и вряд ли там можно обнаружить малодоступные или отдаленные от метрополии районы. С другой стороны, как отмечают некоторые английские диалектологи, городские диалекты в Англии претерпевают эволюцию нового типа, поэтому фонетические расхождения между городскими диалектами не только ощутимы, но и намеренно сохраняются (Trudgill, 1979:9-24).

В настоящее время в Англии действуют две противоборствующие тенденции: с одной стороны, это предрассудки, которые все еще сильны в стране, против "нестандартных" норм произношения (в отличие от остальных англо-говорящих стран Англии особенно "щепе-

^I RP лишено местной диалектной окраски; географически оно не относится ни к одному ареалу страны, хотя первоначально оно возникло на основе лондонского диалекта, относящегося к югу Англии. В специальной литературе оно известно так же как ЮАП - южноанглийское произношение (Vassilyev, 1970).

тильна" и "нетерпима" в отношении отклонений от произносительной нормы). А с другой, молодежи подчас свойственно "не принимать, а иногда и отвергать RP вследствие его ассоциации с Истаблишментом" (6-86). Именно по этой причине Би-Би-Си менее строго подходит к отбору дикторов и допускает большую региональную вариативность в речи последних.

Следует также отметить, что RP не является жестко унифицированной произносительной нормой и допускает в своих пределах некоторую вариативность. Так, А.Гимсон выделяет следующие три варианта RP: консервативное, общее (известное также под названием BBC English) и современное (advanced), использование которых зависит от возраста, пола, уровня образования, социального статуса и т.д. носителя RP (Gimson, 1973).

В отличие от британского варианта английского языка произношение американского варианта английского языка характеризуется большей вариативностью произносительных норм. Более того, в США практически отсутствует такой унифицированный "престижный" стандарт, как RP. В США выделяются три основные произносительные нормы: общеамериканская (General American - GA, известный также под названием среднезападный или северозападный тип произношения), восточноамериканская (Eastern American), южноамериканская (Southern American), которые практически не "конфликтуют" друг с другом. Интересен произносительный статус General American. Во-первых, это наиболее распространенная произносительная норма, практически лишенная, как и RP, местной (диалектной) окраски, а, во-вторых, она не только приобрела статус "нейтральной" произносительной нормы, но, благодаря чрезвычайной популяризации ее по радио и телевидению General American приобретает статус на-

циональной произносительной нормы (Шабогова, 1982; Smith, Lance, 1979:127-140; Mitchell, Delbridge, 1965; Dean, 1963; Perspectives on American English, 1980).

В США фонетические и фонологические отклонения от произносительной нормы не являются маркерами социального статуса носителя языка, как в Великобритании. Ни один из вышеуказанных типов произносительной нормы в США не имеет такого престижа, как RP (Smith, Lance, 1979). Это — три фонетические системы, в которых черты сходства преобладают над чертами различия.

Лингвистическая ситуация в Австралии совершенно иная, можно даже утверждать — уникальная, не имеющая аналогии ни в одной англо-говорящей стране. Австралийские исследователи выделяют две произносительные нормы в AuE — литературная или "культурная" (cultivated English — C Au) и, так называемая, общеавстралийская (General Australian — G Au). В Австралии нет ни региональных стандартов, ни диалектов. C Au и G Au не являются региональными вариантами произношения. Они распространены на территории всей страны. Вариативность норм произношения в Австралии, включая полярную разновидность — просторечное произношение (Broad Australian — Br Au), — противостоящую C Au и G Au, зависит от ситуации общения, а также от других факторов (возраст, пол, место рождения, уровень образования, социальный статус и т.д.)

C Au особенно близок к RP, его обычно связывают с более высоким уровнем образования (частная школа, частный колледж) и социального статуса носителя этой нормы произношения. C Au, как и RP, используется меньшинством населения Австралии. G Au, как и General American, является наиболее распространенной произно-

сительной нормой. По мнению австралийских исследователей А.Митчелла и А.Делбриджа, между *С Au*, *Г Au* и *Вг Au* не существует жестких границ, их характеризует высокая степень схождения. Носители *Вг Au* и *Г Au* положительно воспринимают *С Au*. Что же касается их позиции в отношении к *RP*, то она негативна (Mitchell, Delbridge, 1965).

Совершенно иная ситуация сложилась в Канаде. Статус канадского варианта английского языка как самостоятельной разновидности литературного языка Канады, равно как и статус произносительной нормы являются противоречивой проблемой.

Одни исследователи считают, что *СЕ*, как вариант английского языка, не имеет самостоятельного национального статуса, другие, наоборот, рассматривают *СЕ* как "гибрид", образованный из британского и американского вариантов английского языка (Dean, 1963). Исследования последних лет позволяют рассматривать *СЕ* как особый национальный вариант английского языка, занимающий промежуточное положение ("переходный ареал") между *ВЕ* и *АЕ* с явным преобладанием черт последнего. Что касается произносительной нормы *СЕ*, то можно считать, что она соответствует одной единственной орфоэпической норме, которая находится на пути к стандартизации. Канадская произносительная норма обладает фонетическими признаками *RP* и *GA*, при доминирующем влиянии последнего. При этом следует отметить, что чем выше социальный статус носителя *СЕ*, тем больше схождения его произношения с *RP*. Однако как бы резко телевидение не ориентировало своих слушателей на *RP*, доминирующее влияние *GA* (даже среди канадских дикторов) очевидно (Шахбагова, 1982).

В Канаде не зафиксировано ни региональных стандартов, ни диалектов, хотя и наблюдается некоторая вариативность канадской

произносительной нормы лишь на уровне городов.

Исследование статуса произносительной нормы национальных вариантов английского языка свидетельствует о том, что произносительная норма единого литературного английского языка, или в нашей терминологии межнациональная произносительная норма, которая реализуется в виде национальных произносительных вариантов BE, AE, SE, AuE, представляет собой некий набор инвариантных конститутивных признаков, присущих фонетической системе английского языка на любой территории его распространения.

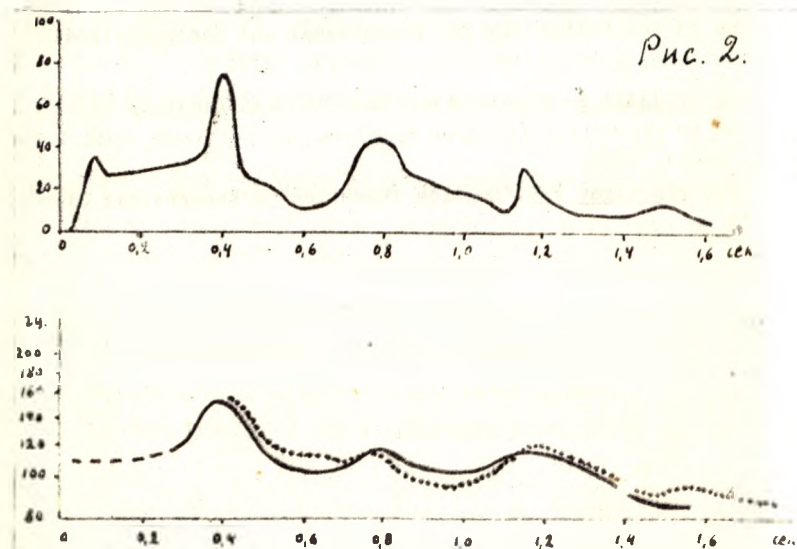
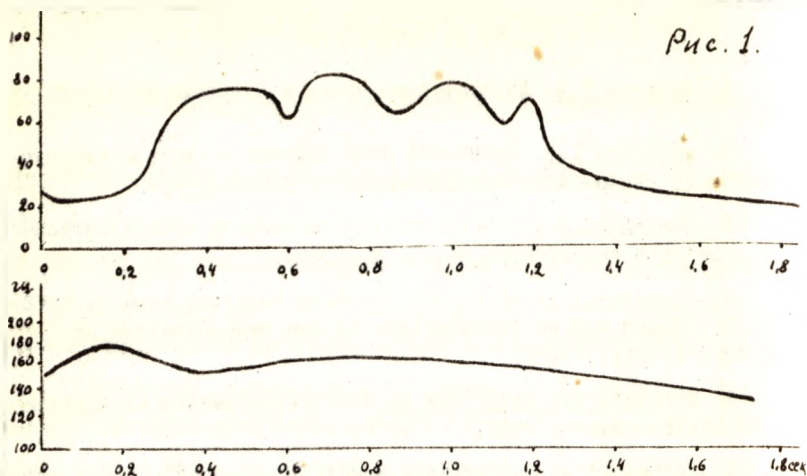
Произношение отдельно взятого национального варианта представляет собой сложное единство национальной произносительной нормы, региональных стандартов и диалектов. Однако тип произносительной нормы, ее статус и количество произносительных норм обусловлены множеством факторов, которые и определяют существование и пути дальнейшего развития произносительной нормы.

Одной из наиболее существенных черт, характеризующих произношение всех национальных вариантов английского языка является процесс стирания, а также процесс выравнивания и генерализации региональных различий. Этому способствует целый ряд факторов:

- 1) развитие и демократизация образования;
- 2) высокая популяризация произносительной нормы посредством средств массовой коммуникации (радио, телевидение);
- 3) высокая внутри- и межнациональная мобильность населения;
- 4) взаимодействие и взаимовлияние произносительных норм национальных вариантов через поп-культуру при доминирующем влиянии американского варианта английского языка.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
2. Степанов Г.В. Испанский язык Америки в системе единого испанского языка. АИД. М., 1966.
3. Шахбагова Д.А. Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка, М., 1982.
4. Strevens P. British and American English, London, 1972.
5. Gimson A.C. An Introduction to the Pronunciation of English, Bristol, 1973.
6. Mitchell A., Delbridge A. The Pronunciation of English in Australia. Sydney 1965.
7. Perspectives on American English. Introduction, N.Y., 1980.
8. Smith R., Lance D. Standard and Disparate Varieties of English in the United States: Educational and Sociopolitical Implications, Intl. I. Soc. Lang. No 21. 1979.
9. Trudgill P. Standard and Non-Standard Dialects of English in the United Kingdom: Problems and Policies, Intl.I.Soc. Lang. No 21, 1979.
10. Vassilyev V.A. "English Phonetics" A Theoretical Course. М., 1970.

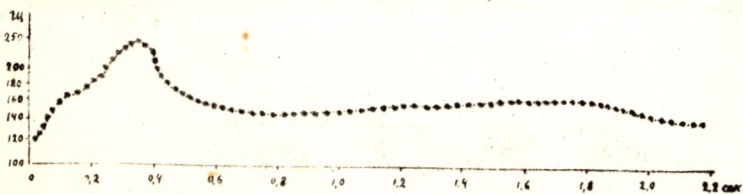
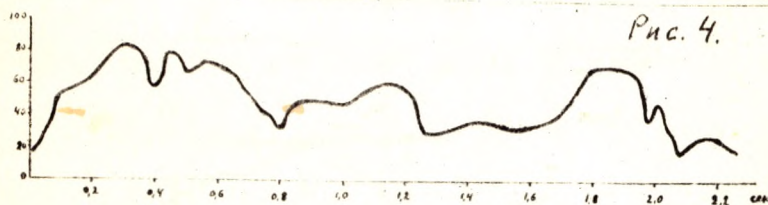
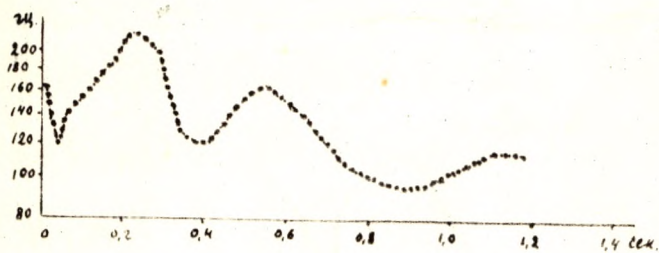
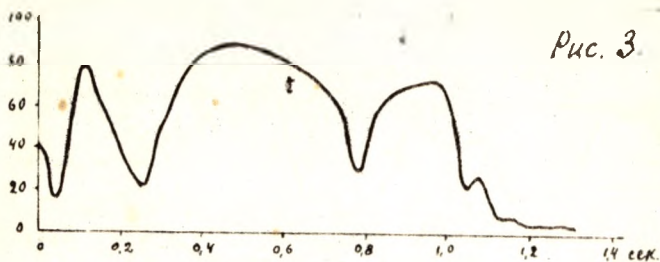

Рис. 5.

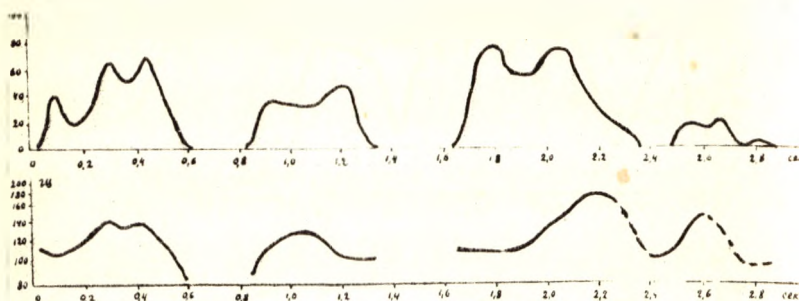

Рис. 6.

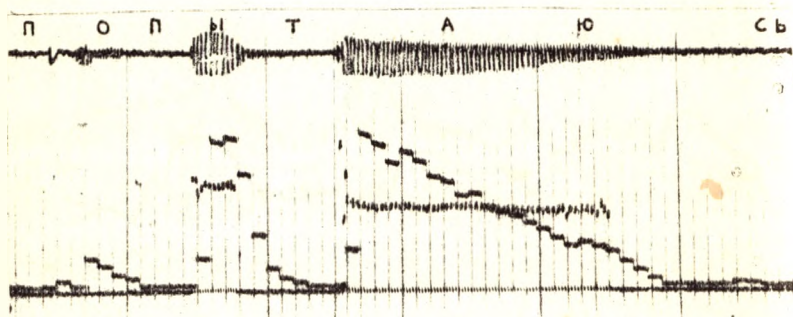

Рис. 7.

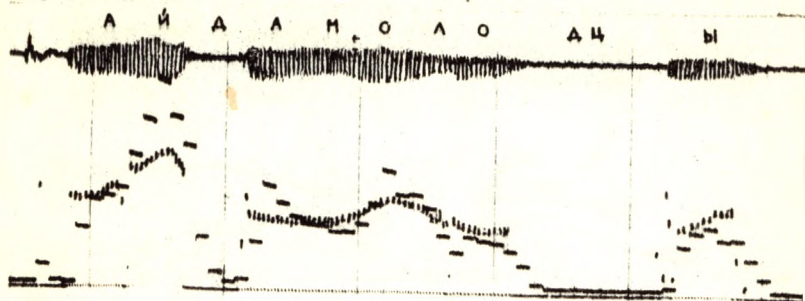

Рис. 8.

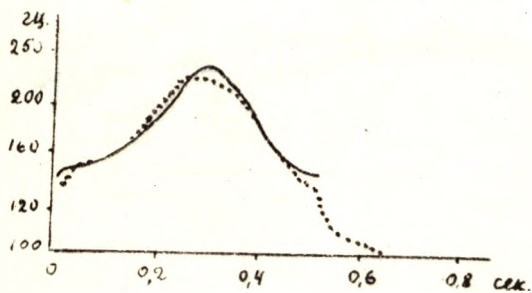
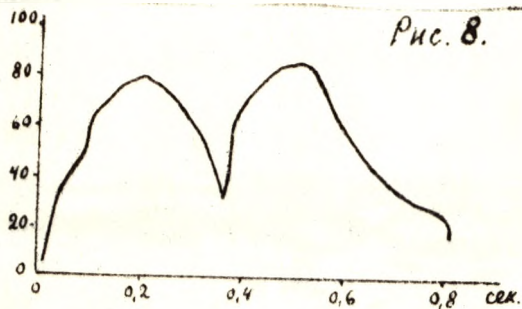

Рис. 9.

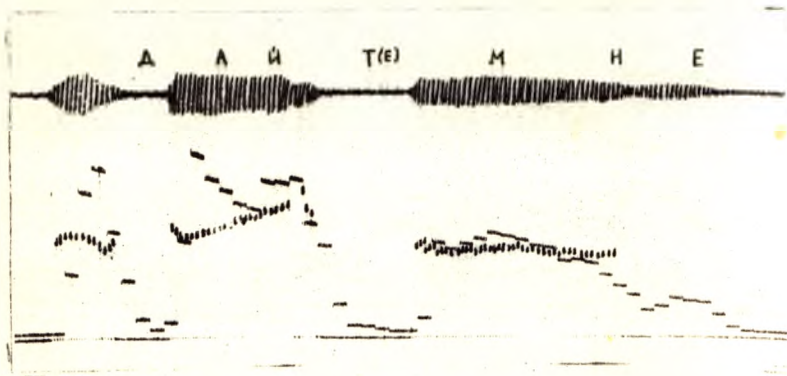

Рис. 10.

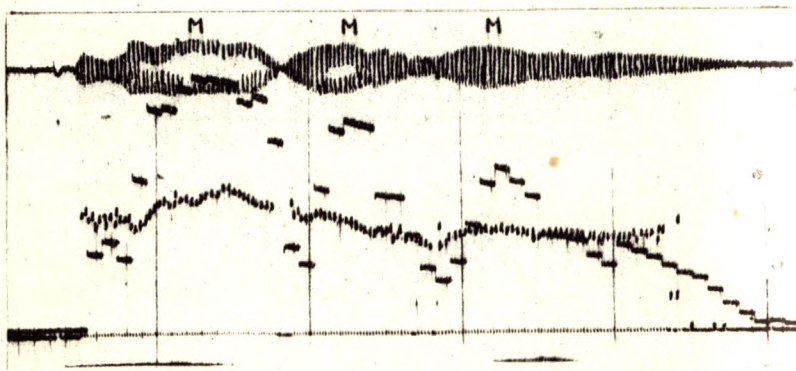

Рис. 11.

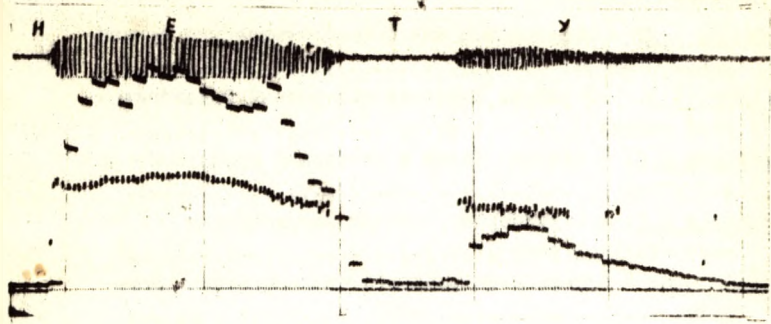
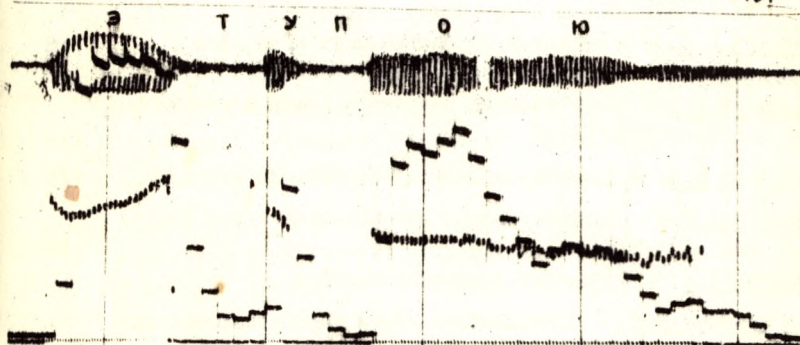

Рис. 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<u>Антипова А.М.</u> - Чередование как форма ритмической организации речи	II
<u>Бондарко Л.В.</u> - О разных способах построения фонологической модели	20
<u>Вербицкая Л.А.</u> - Система фонем и изменение произносительной нормы	27
<u>Винарская Е.Н.</u> - Структурные единицы эмоционально выразительной речи	35
<u>Воронин С.В.</u> - Основы универсальной классификации онома-топов	45
<u>Гвенцадзе Ц.А.</u> - Роль стабильных элементов в фонетической эволюции языка	55
<u>Калнынь Л.Э.</u> - Значение фактора нейтрализации для корреляции твердости-мягкости в славянских языках ..	67
<u>Касевич В.Б., Щабельникова Е.М.</u> - Темп, ритмика и стратегия восприятия речи	78
<u>Ключков Г.С.</u> - К иерархии фонологических признаков ...	89
<u>Кривнова О.Ф.</u> - Динамика темпа в синтагме	102
<u>Махмудов А.М.</u> - Фонетическая структура слова в узбекском литературном языке	114
<u>Наделлев В.М.</u> - Артикуляционная классификация гласных ..	123
<u>Николаева Т.М.</u> - Синтаксическая акцентология и/или фразовая интонация	135
<u>Плоткин В.Р.</u> - О системе румынских кинакем	150
<u>Светозарова Н.Д.</u> - Синтагматический и парадигматический аспект в интонации	157
<u>Селютина И.Я.</u> - Изменения в консонантизме кумандинского диалекта алтайского языка (за последнее столетие) .	165
<u>Шахбагова Д.А.</u> - О статусе произносительной нормы национальных вариантов английского языка	177

Подп. в печать 24.05.83. 12,25 л.; Зак. 789-300
Тип. МГПИУ. Цена 1 руб.

Цена 1 руб.